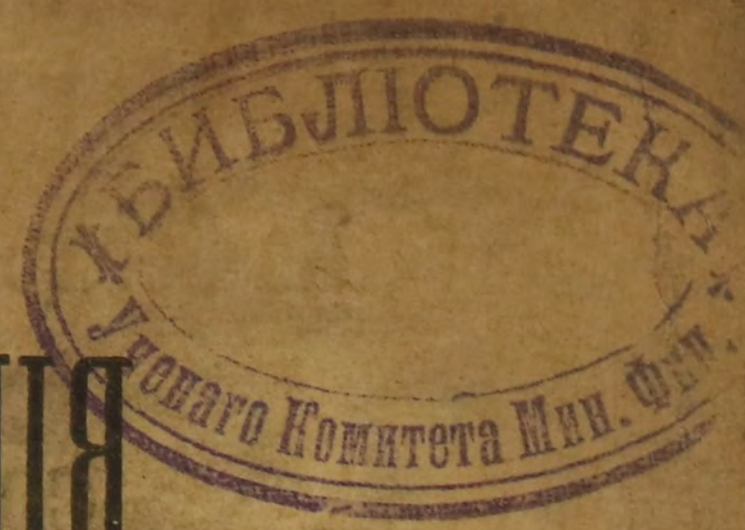


29732



СОЦІАЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ

ПРЕДМЕТЪ ЕЯ, МЕТОДЪ, ИСТОРІЯ

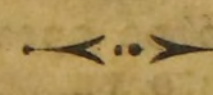
~~24406~~

Гильома Де Греефа

ректора Новаго Брюссельскаго университета, бывшаго президента
Международнаго соціологическаго Института, члена-корреспондента
Бельгійской Королевской Академіи

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ РУКОПИСИ

Л. С. Закъ



МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 5

1904

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются

СОЦІАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ.

Соч. ЭД. БЕРНШТЕЙНА. Переводъ съ англійскаго П. С. Когана. М. 1901 г.
Цѣна 80 коп.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ. Соч. ВИЛЬГЕЛЬМА ВУНДТА. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. А. Котляра подъ редакціею проф. Московскаго университета кн. С. Н. Трубецкаго М. 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА,

Франца Фонъ-Листа проф. Берлинскаго университета. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ 12 переработаннаго изданія Ф. Ельяшевичъ. Съ предисловіемъ автора и проф. Моск. университета М. В. Духовскаго М. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ въ примѣненіе къ социальнымъ наукамъ. Соч. Ш. СЕНЬБОСА. Переводъ подъ редакціею П. С. Когана М. 1902 г. Цѣна 1 р.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Ф. О. ГЕРТЦА. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора Московскаго университета А. А. Мануилова. М. 1900 года. Цѣна 80 к.

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

съ экономической точки зрѣнія. Соч. В. КЕННИНГЕМА. Переводъ съ англійскаго П. С. Когана. Томъ I-й Древній міръ, съ 5-ю картами. М. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Тоже. Томъ II. Средніе вѣка и новое время. Переводъ П. Канчаловскаго, съ предисловіемъ профессора Московскаго университета А. А. Мануилова съ 3-мя картами. М. 1902 г. Цѣна 1 р. 40 к.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ И ТОЛПА.

Соч. Г. ТАРДА. Переводъ съ французскаго подъ редакціею П. С. Когана Ц. 1 р.

ЖИЗНЬ РАБОЧИХЪ ВО ФРАНЦІИ

Соч. О. и Л. Ф. ПЕЛУТЬЕ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею профессора Московскаго университета А. А. Мануилова. Спб 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

~~21532~~ 22432

СОЦІАЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ

22432

ПРЕДМЕТЪ ЕЯ, МЕТОДЪ, ИСТОРИЯ

~~24401~~



Гильома Де Греефа

ректора Новаго Брюссельскаго университета, бывшаго президента
Международнаго социологическаго Института, члена-корреспондента
Бельгійской Королевской Академіи

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ РУКОПИСИ

Л. С. Закъ

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 5

1904

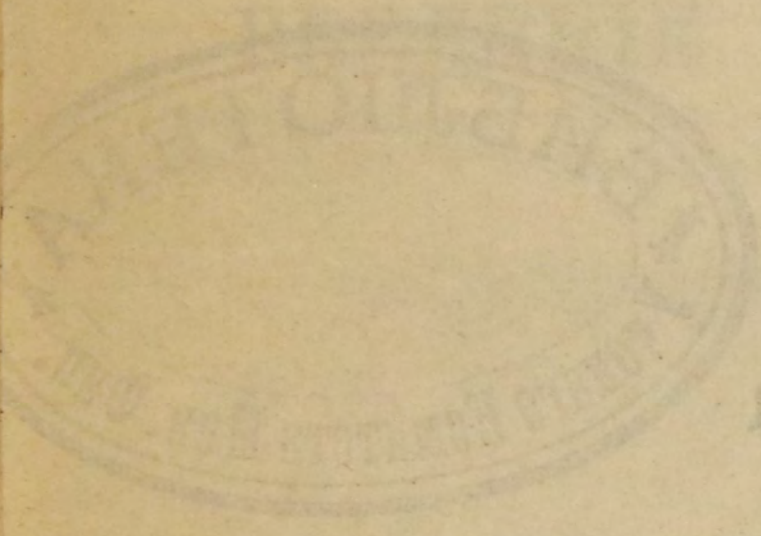
Библиотека ИФ СССР

39

к

СОВЕТЪ РАЙОНА

ПРЕДМЕТЪ Е. МЕТОДЪ ИСТОРИИ



Л. С. Зябръ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 февраля 1904 г.

75807

МОСКВА
АВТОГРАМЪ И А. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМЪ ОТЪДЕЛЕНІЯМЪ
1904

СОДЕРЖАНІЕ

	Стран.
Предисловіе	V
I. Введеніе въ изученіе соціальной экономіи	1
II. Введеніе въ исторію соціальной экономіи	41
III. Ад. Кетлэ и предтечи математической школы въ соціальной экономіи	83
IV. Историческій матеріализмъ	139

СОДЕРЖАНИЕ

1	Предисловие	1
2	I. Исследование в области социальной экономики	2
3	II. Исследование в области социальной экономики	3
4	III. А. В. Петров и другие исследователи экономики в соци-	4
5	альной экономике	5
6	IV. Исторический материал	6

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемыхъ четырехъ очеркахъ * я сконцентрировалъ всѣ наиболѣе общія положенія, которыя могутъ быть извлечены изъ моихъ работъ по исторіи соціальной экономіи.

Изученіе различныхъ теченій экономической науки, а также исторіи экономическихъ теорій и учрежденій привело меня къ открытію вполне ясной на мой взглядъ тенденціи къ сліянію такъ называемой ортодоксальной экономіи и социализма, сдѣлавшагося научнымъ, въ одну соціологическую экономію, т.-е. въ науку, рассматриваемую, какъ особую вѣтвь того дерева съ глубокими корнями и многочисленными развѣтвленіями, которое называется соціальной наукой. Эта послѣдняя, имѣя въ своемъ основаніи и науку о человѣкѣ, и науку о физической и органической средѣ вообще, должна, въ свою очередь, постепенно ограничить сферу своей компетенціи изученіемъ частныхъ соціальныхъ наукъ, при чемъ соціологія, будучи общей философійей этихъ наукъ, не можетъ и не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ выводомъ изъ нихъ. Базисомъ частныхъ соціальныхъ наукъ является экономія, а самыми основными явленіями этой послѣдней служатъ явленія текущей практической жизни, изъ которыхъ получаютъ всѣ учрежденія и доктрины высшаго порядка, но въ то же время отличающіяся большей спеціальностью.

Экономическая соціологія, примыкая ко всей совокупности философіи наукъ, естественно, не могла игнорировать великихъ проблемъ этой послѣдней. Въ частности, въ ней тоже долженъ былъ проявиться антагонизмъ между дуалистической концепціей и монистической. Въ этомъ отношеніи я нахожу столь же невозможнымъ от-

* Русскій переводъ первыхъ трехъ очерковъ былъ первоначально напечатанъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1903 и 1904 г.г. Л. З.

дѣлять силу отъ матеріи, какъ душу отъ тѣла, идею отъ факта, активное будто бы начало отъ пассивнаго объекта, индивидуума отъ общества, внѣшнюю среду отъ человѣчества или, какъ выражается Ог. Контъ, актера отъ театра, въ которомъ онъ играетъ.

И матеріалистическое и идеологическое пониманіе исторіи — оба страдаютъ односторонностью и поэтому оба одинаково неприемлемы. Нельзя считать экономическое явленіе исключительно матеріальнымъ; оно — соціальное явленіе и, какъ таковое, оно обладаетъ всѣми свойствами и физическаго, и органическаго, и психическаго явленія; оно представляетъ собою результатъ сочетанія всѣхъ этихъ трехъ факторовъ, — сочетанія, дающаго смѣшанный и большею частью разнородный результатъ. Всякое экономическое явленіе есть, въ то же время и идеологическое, всякое идеологическое явленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное; оба они создаются сочетаніемъ среды и населенія. Соціальная наука больше, чѣмъ всякая другая, есть наука отношеній, исключаящая абсолюты.

По мѣрѣ того, какъ мы глубже проникаемъ въ природу явленій, относящихся къ жизни и структурѣ общества, наши воззрѣнія на этотъ предметъ становятся все менѣе и менѣе узкими. Жизнь вообще очень сложна и измѣнчива; формы ея всегда ограничены, но абсолютная предѣльная форма противорѣчила бы самой жизни. Жизнь можетъ имѣть только относительные предѣлы. Она находится въ состояніи неустойчиваго, но координированнаго равновѣсія, и эта координація распространяется какъ на самыя малыя, такъ и на самыя крайнія отклоненія.

Точно также и исторія соціальной жизни не можетъ быть разрѣзана на отдѣльные куски, какъ воображаютъ иные ученые. Капиталистическія отношенія, на примѣръ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, встрѣчаются уже въ простѣйшихъ обществахъ и достигаютъ значительнаго развитія задолго до XV столѣтія въ великихъ древнихъ цивилизаціяхъ Египта, Китая, Индіи, Греціи и Рима, которымъ извѣстны были не только рабство и крѣпостничество, но и наемный трудъ, крупныя общества капиталистовъ, рабочія ассоціаціи, стачки и пр.

На соціалистическій строй нельзя смотрѣть, какъ на неизбѣжный результатъ нашего соціальнаго и, въ частности, экономическаго развитія; какъ всякая эволюція, будущее *опредѣлится* въ

зависимости отъ всей совокупности наличныхъ условій, какъ тѣхъ, которыя согласуются съ нашими симпатіями, такъ и тѣхъ, которыя идутъ съ ними въ разрѣзъ. Какъ всегда и вездѣ, результатъ будетъ представлять собою сдѣлку, преобразование, въ которомъ соціальныя силы, обладающія наибольшей энергіею, получаютъ и наибольшее удовлетвореніе. Какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, вопросъ получить только временное рѣшеніе; послѣднее, по всей вѣроятности, будетъ представлять собою синкретизмъ, въ которомъ найдутъ относительное удовлетвореніе всѣ виды практической дѣятельности и всѣ доктрины. Коммунизмъ, коллегивизмъ, мугуализмъ, индивидуализмъ, анархизмъ исключаютъ другъ друга только въ книгахъ. Учрежденія, относящіяся къ сферѣ обращенія, какъ, напр., пути сообщенія, и теперь уже во многихъ странахъ эксплуатируются на коммунистическихъ началахъ; всякій пользуется ими сообразно со своими потребностями, въ разумныхъ предѣлахъ; тутъ примѣняется даже анархическое начало неограниченной свободы индивидуума. Желѣзныя дороги весьма часто принадлежатъ государству, а другія предпріятія, какъ, напр., трамваи, газовые заводы, электрическія станціи, водопроводы, составляютъ собственность общинъ, земства. Кооперативныя формы могутъ постепенно распространяться также въ сферѣ потребленія и производства.

Однако, при изученіи соціальныхъ явленій можно прослѣдить одну опредѣленную тенденцію, это — стремленіе подчинить коллективному контролю и обратить въ коллективную собственность всѣ учрежденія, служащія для общественной пользы или составляющія естественную или искусственную монополію, которая можетъ причинить ущербъ общественнымъ интересамъ.

Но соціальный трансформизмъ безконеченъ; то, что въ данный моментъ находится въ сферѣ дѣятельности индивидуума, можетъ перейти къ обществу, а то, что принадлежитъ послѣднему, можетъ отъ него уйти. Такъ бываетъ, напр., съ предметами роскоши, когда они входятъ во всеобщее употребленіе, и съ предметами массоваго употребленія, когда они вытѣсняются другими предметами и остаются только для любителей.

Экономическая и соціальная жизнь подчинена этому безконечному трансформизму, несмотря на то, что она находится подъ дѣйствіемъ

постоянныхъ законовъ. Не видимъ ли того же самаго въ психологiи, гдѣ сознательное то и дѣло становится безсознательнымъ и наоборотъ? Точно такъ же и въ области соціальныхъ учрежденій не смѣняется ли интеграція дезинтеграціей и наоборотъ? Соціальная жизнь такъ же, какъ жизнь вообще, не перѣходитъ ли постоянно отъ автоматизма къ сознательнымъ дѣйствіямъ и отъ этихъ послѣднихъ къ автоматизму? Соціальная структура не отличается ни неподвижностью, ни однородностью. Къ дѣйствіямъ людей, перешедшимъ уже путемъ повторенія, привычки и традиціи въ институты, постоянно присоединяются новыя измѣненія, новыя приобрѣтенія, которыя преобразовываютъ и разлагаютъ, по крайней мѣрѣ отчасти, существующіе институты и въ концѣ концовъ сами принимаютъ организованныя формы.

Однако, если соціальныя формы, т.-е. учрежденія или органы, безпрестанно мѣняются, то это всегда происходитъ съ извѣстной правильностью и согласно съ законами эволюціи. Сверхъ того, безъ измѣненія остаются функціи, и именно основныя функціи всякой соціальной жизни, какъ-то: обращеніе, потребленіе и производство благъ. Эти функціи могутъ развиваться и дифференцироваться въ болѣе спеціальныя, но послѣднія всегда можно свести къ первоначальнымъ, основнымъ.

Вотъ почему я считаю возможными общія абстрактныя экономическія опредѣленія, которыя могутъ быть выведены только изъ функцій. Такъ, напр., при какомъ угодно соціальномъ строѣ капиталъ можно дефинировать, какъ часть общественнаго богатства, сберегаемую въ видахъ воспроизводства; точно такъ же, построены ли соціальный режимъ на началахъ коммунизма, коллективизма, мутуализма, государственной опеки или индивидуализма, — постоянная функція торговли, во всякомъ случаѣ, состоитъ въ заготовленіи, храненіи на складѣ, перевозкѣ и доставленіи благъ изъ пункта производства въ надлежащее мѣсто, въ надлежащее время и въ надлежащемъ количествѣ.

Прибавлю, кромѣ того, что соціальному органу не могутъ быть свойственны черты индивидуализма, хотя бы онъ и казался таковымъ: онъ исполняетъ соціальную функцію, которая и сама не обладаетъ индивидуалистическими свойствами. Даже при системѣ частной

собственности капиталистъ и землевладѣлецъ никогда не перестаютъ отправлять соціальныя функціи. Приспособленіе органа къ извѣстной функціи есть, напротивъ, вопросъ историческаго развитія; но развитіе это не является только экономическимъ и еще менѣе—исключительно матеріальнымъ развитіемъ: оно находится въ извѣстномъ соотношеніи со всѣми частями соціальной системы. Слѣдовательно, факты исторіи вообще и экономической въ частности могутъ имѣть только соціологическое объясненіе, т.-е. при ихъ истолкованіи необходимо принять въ соображеніе философію всѣхъ соціальныхъ наукъ.

Экономія—это особая вѣтвь соціальной науки, но вѣтвь основная; предметъ ея—познаніе и примѣненіе законовъ, относящихся къ питанію общества.

Опредѣленія предмета экономической науки, сдѣланныя разными учеными, показываютъ, что эволюція ея представляетъ собою естественное развитіе отъ зародышеваго состоянія до настоящаго періода, когда соціологическая точка зрѣнія собирается направить ее по правильному руслу, все болѣе и болѣе подчиняя частныя исключительныя воззрѣнія широкой, позитивной концепціи соціальной жизни. Какъ индивидуалистическія воззрѣнія Ад. Смита и Рикардо заключали въ себѣ въ зародышѣ главныя формулы социализма Родбертуса и Маркса, такъ социализмъ текущаго столѣтія чреватъ индивидуализмомъ, стоящимъ выше того индивидуализма, который нѣкогда проповѣдывали и проводили въ жизнь наши отцы.

Человѣкъ—существо индивидуально-соціальное. Антитеза: индивидуумъ и общество столь же метафизична, какъ антитеза: общество и физическій міръ. Соціологія должна положить конецъ этому дуализму, защищаемому ограниченными умами. Дифференціація, какъ органическій процессъ, несовмѣстима съ рѣзкими гранями; процессъ дифференціаціи облегчаетъ появленіе высшихъ организацій; къ болѣе развитымъ обществамъ принадлежатъ тѣ именно, на почвѣ которыхъ вырастаетъ наибольшее количество соціальныхъ индивидуальностей.

Въ соціологической экономіи необходимо, слѣдовательно, не только принимать въ соображеніе законы физической среды и человѣческой природы, дѣлая изъ нихъ простые выводы, но и привлекать при

об'яснені явленій всю совокупність частныхъ наукъ: генетику, естетику, колективную психологію, мораль, право и политику. Ни одной изъ нихъ нельзя игнорировать, потому что одно соціальное явленіе предполагаетъ всѣ другія, видоизмѣняетъ ихъ и само ими видоизмѣняется.

Точно такъ же нельзя игнорировать ни постоянныхъ факторовъ, ни перемѣнныхъ, если только послѣдніе дѣйствуютъ постоянно; исключать можно лишь случайные факты, потому что они нейтрализуются, когда наблюденія охватываютъ достаточно большіе періоды времени. Пренебреженіе этой истиной послужило причиною ошибочности значительнаго числа современныхъ экономическихъ теорій, въ томъ числѣ и теорій цѣнности. Теоріи эти служили боевымъ оружіемъ въ исторической борьбѣ общественныхъ силъ, но наступитъ время, когда на это оружіе станутъ смотрѣть, какъ на доисторическое, и его сложатъ въ археологическій музей наравнѣ со многими другими.

Изученіе экономической науки въ связи со всѣми предшествующими и послѣдующими постепенно устранить одностороннія точки зрѣнія. То же самое нужно сказать объ историческомъ методѣ, свойственномъ всѣмъ соціальнымъ наукамъ. Въ составъ его входитъ и статистика; она лежитъ въ основаніи экономической науки, изучая молекулы народнаго хозяйства, сочетаніе которыхъ образуетъ учрежденія и системы. Крімъ того, въ соціальной экономіи имѣютъ примѣненіе всѣ методы наукъ предшествующихъ, въ томъ числѣ экспериментальный, свойственный въ особенности наукамъ неорганическимъ, и сравнительный, примѣняемый въ біологіи, преимущественно въ анатоміи. Исторія въ концѣ концовъ представляетъ собою обширный коллективный экспериментъ, ходомъ котораго человѣкъ можетъ овладѣть, вмѣшиваясь въ организацію соціальныхъ явленій.

Исторія примѣняется къ изученію и статики, и динамики обществъ, т.-е. къ изученію ихъ структуры и жизни, которыя, впрочемъ, представляютъ понятія соотнносительныя; статистика служитъ базисомъ для конкретной экономической соціологіи и черезъ ея посредство для экономіи абстрактной или чистой въ отличіе отъ практической или прикладной. Историческій методъ представляетъ собою орудіе, которое лучше другихъ соотвѣтствуетъ силѣ, объему, сложности, измѣнчивости экономическихъ и соціальныхъ фактовъ и спо-

способности ихъ къ самопроизвольнымъ или искусственнымъ модификаціямъ. При помощи этого метода социальный опытъ превращается въ социальное предвидѣніе.

Исторія социологической экономіи должна быть одновременно исторіей чувствъ, фактовъ и учрежденій и исторіей эмоцій, идей и теорій. Въ общемъ, факты текущей практической жизни предшествуютъ учрежденіямъ; точно такъ же частныя идеи предшествуютъ теоріямъ и общимъ концепціямъ; послѣднія же, въ свою очередь, реагируютъ на идеи, учрежденія и практическую жизнь. Экономическія идеи объясняются социальными чувствами, а послѣднія прежде всего—дѣйствіями. Мало того: мы узнаемъ идеи и общія концепціи простѣйшихъ обществъ не иначе, какъ по ихъ дѣйствіямъ и обычаямъ.

Исторію социализма слѣдуетъ соединить съ исторіей такъ называемой классической экономіи. Въ сущности и тотъ и другая могутъ быть названы классическими. Фактически ихъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга; въ началѣ они составляли одно цѣлое, а послѣдовавшее потомъ отдѣленіе представляетъ собою органическую, координированную дифференціацію; одинъ есть функція другой. Такая точка зрѣнія облегчитъ въ будущемъ ихъ примиреніе, признаки котораго уже имѣются налицо.

Экономическая исторія, понимаемая такимъ образомъ, открываетъ намъ великій законъ прогрессивнаго сближенія социальныхъ крайностей,—сближеніе, которое возможно только путемъ соотносительнаго возрастанія числа измѣненій и ихъ приближенія къ средней величинѣ.

Каждая цивилизація представляетъ въ сокращенномъ видѣ полную эволюцію; разница только въ томъ, что не всѣ цивилизаціи развились одинаково. Поэтому къ исторіи цивилизаціи, какъ одному цѣлому, нельзя примѣнить дѣленія на такіе послѣдовательные періоды, какъ древній періодъ или рабство, средніе вѣка или крѣпостничество и новое время или капитализмъ, ибо всѣ эти послѣдовательныя формы производства встрѣчаются уже въ древнее время. Притомъ рабство вовсе нельзя считать примитивной формой. Эта quasi линейная концепція предполагаетъ существованіе общей эволюціи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ послѣдняя есть, наоборотъ, результатъ развитія отдѣльныхъ обществъ. Мой взглядъ вовсе не противорѣчитъ

теоріи единства происхожденія человѣческаго рода; эта послѣдняя, напротивъ, имѣеть, именно, мѣстный характеръ; родъ человѣческій сдѣлался всемірнымъ только путемъ прогрессивнаго приспособленія и дифференцированія при все увеличивающейся координаціи. Это возвратъ къ примитивному состоянію, но лишь съ внѣшней стороны; мѣстное единство развилось во всемірное.

Такъ какъ экономическія явленія лежатъ въ основѣ общества, то дѣленіе исторіи обществъ и въ частности экономической исторіи, а также классификація соціальныхъ и экономическихъ типовъ могутъ быть заимствованы только изъ экономіи; къ этому заключенію естественнымъ образомъ пришло большинство экономистовъ. Даже предложенное Ог. Контомъ и Г. Спенсеромъ дѣленіе обществъ на хищническія или военныя и промышленныя или мирныя имѣеть экономическій характеръ; но, къ счастью или несчастью, война представляетъ только наиболее сильную форму соціальныхъ конфликтовъ, которые существуютъ и въ промышленныхъ обществахъ; военный или мирный характеръ — это слишкомъ поверхностный признакъ, чтобы служить основаніемъ для классификаціи. Соціальные конфликты никогда не прекратятся, но число ихъ можетъ уменьшиться не принужденіемъ и войною, а мирными средствами въ видѣ особыхъ представительныхъ органовъ, спеціальныхъ соглашеній, примирительныхъ камеръ, необходимость которыхъ съ каждымъ днемъ становится все яснѣе и яснѣе. Миръ не устраняетъ естественнаго, самопроизвольнаго возникновенія конфликтовъ, но уменьшаетъ ихъ число и регулируетъ ихъ въ общественныхъ интересахъ. Миръ возможенъ только при господствѣ справедливости, а справедливость достигается ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ знаній, потому что нѣтъ ничего труднѣе и сложнѣе, какъ быть справедливымъ. Созданіе международнаго примирительнаго трибунала невозможно безъ высокаго прогресса науки, а послѣдній мыслимъ лишь при условіи полной свободы научнаго изслѣдованія.

Вы видите, что всѣ соціальныя силы соотносительны и находятся между собою во взаимной зависимости; но такъ какъ изъ всѣхъ соціальныхъ явленій самыми общими и простыми оказываются явленія экономическія, то на эти послѣднія можно и должно смотрѣть, какъ на явленія, обуславливающія или опредѣляющія всѣ другія. Однако

можно идти еще дальше. Въ области экономическихъ же феноменовъ нѣтъ ли фактора болѣе общаго, болѣе простаго и поэтому способнаго оказывать большее вліяніе, чѣмъ всѣ другіе экономическіе факторы? Конечно, въ социологіи менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ быть рѣчь о первопричинахъ: здѣсь существуютъ только отдѣльныя рядомъ дѣйствующія причины. Но среди этихъ послѣднихъ, въ самой же экономической области, нѣтъ ли какихъ-нибудь болѣе общихъ и простыхъ условій, которымъ всѣ другія подчиняются посредствомъ не логической только дифференціаціи, но органической? Марксъ и Энгельсъ считаютъ начальными факторами производительныя силы и особенно технику производства; такого же мнѣнія школа Ле-Плэ и многіе другіе экономисты, въ томъ числѣ и жившіе до нихъ.

Я, напротивъ, считаю производство самымъ сложнымъ изъ всѣхъ сочетаній соціальной экономіи; оно сложнѣе потребленія и особенно обращенія въ простѣйшемъ значеніи этого слова. Обращеніе представляется мнѣ съ исторической точки зрѣнія самымъ общимъ экономическимъ феноменомъ; на немъ зиждется вся система такъ называемой естественной экономіи, — звѣроловство, рыболовство, собираніе дикой пищи, — въ которой экономическая дѣятельность выражается въ наименѣе сложномъ изъ всѣхъ возможныхъ сочетаній — въ перемѣщеніи благъ и людей. Въ этомъ заключается существенная разница между простымъ *собираніемъ плодовъ и земледѣльческой культурой*: первое требуетъ только одного сочетанія, вторая — цѣлаго ряда сочетаній.

Перемѣщеніе благъ и людей объемлетъ собою также потребленіе и производство, но послѣднія еще не дифференцировались, они еще слиты съ обращеніемъ; нѣтъ еще того сложнаго сочетанія, результатомъ котораго является продуктъ новый, преобразованный, отличный отъ естественныхъ матеріаловъ, употребленныхъ для его производства. Искусственное производство начинаетъ появляться лишь въ пастушескихъ обществахъ, особенно же въ обществахъ промышленныхъ и земледѣльческихъ; наибольшаго развитія оно достигаетъ при промышленномъ земледѣліи.

Итакъ, въ основѣ экономіи лежитъ простѣйшій видъ движенія, а такъ какъ экономія сама служитъ базисомъ соціальной науки, то черезъ посредство экономіи движенія социологія вступаетъ въ связь

съ общей философіей наукъ, которая въ свою очередь покоится на механикѣ и математикѣ.

Отсюда вытекаетъ, что всегда и вездѣ надъ потребленіемъ и производствомъ господствуетъ обращеніе. Кто владѣетъ обращеніемъ, тотъ владѣетъ міромъ. Вотъ почему, между прочимъ, институты, относящіеся къ обращенію, естественнымъ образомъ достигли наивысшаго обобщенія.

Территорія и населеніе, безспорно, еще болѣе общіе факторы, но въ изолированномъ видѣ, до ихъ сочетанія, которое одно можетъ произвести на свѣтъ соціальное явленіе, они входятъ въ область мезологіи и антропологіи, т.-е. въ область всѣхъ наукъ, предшествующихъ соціологіи. Ростъ населенія производитъ соціальныя измѣненія только *въ связи* съ недостаточностью естественной среды. Поэтому точка зрѣнія мезологической школы столь же недостаточна, столь же одностороння, какъ точка зрѣнія антропологической школы, ибо онѣ принимаютъ за начальный или, вѣрнѣе, самый общій факторъ либо только территорію, либо только населеніе.

Если простѣйшимъ и самымъ общимъ экономическимъ феноменомъ является, какъ я думаю, простое перемѣщеніе естественныхъ благъ и людей, то въ основаніе дѣленія экономической исторіи обществъ можно положить историческія формы развитія обращенія, поставивъ съ ними въ связь соотнносительныя и прогрессивно дифференцирующіяся формы потребленія и производства.

Въ предлагаемой книгѣ я хотѣлъ набросать картину развитія обращенія, присовокупивъ сюда краткій очеркъ экономического развитія вообще.

Идя еще дальше по пути обобщеній и имѣя въ виду, что въ основѣ обращенія лежитъ простое перемѣщеніе, я полагаю, что феномены обращенія можно свести къ еще болѣе общимъ условіямъ, а именно, къ условіямъ экстенсивнаго и интенсивнаго развитія явленій во времени и въ пространствѣ. А такъ какъ концепціи времени и пространства сами сводятся къ движенію, то это еще болѣе подтверждаетъ намъ соціологическій и философскій взглядъ на природу того экономического явленія, которое отличается наибольшей общностью. Такимъ образомъ, дѣленіе исторіи экономического развитія на періоды можно основывать въ конечномъ анализѣ на послѣдователь-

номъ развитіи обращенія, которое бываетъ мѣстнымъ, областнымъ, національнымъ, международнымъ, междуматериковымъ и всемірнымъ.

Наступленіе періода всемірной цивилизаціи могло бы служить доказательствомъ—по закону чисто внѣшняго возврата къ примитивнымъ формамъ—первобытнаго единства человѣческаго рода, развившагося посредствомъ постоянного дифференцированія и приспособленія до всемірнаго состоянія, признаки котораго замѣтны уже и теперь.

Такъ какъ экономическое обращеніе является основнымъ феноменомъ и институты, относящіеся къ этой области, въ настоящее время достигли высокой степени обобществленія, то представляется вполне законнымъ допустить, что эволюція обращенія отразится также на формахъ потребленія и производства, но я настаиваю на томъ, что возможны многочисленныя комбинаціи и что социальныя учрежденія подлежатъ непрерывному трансформизму. Этотъ послѣдній исключаетъ всякую мысль объ абсолютныхъ, конечныхъ формахъ.

Ставъ такимъ образомъ на социологическую точку зрѣнія, мы можемъ дать самую общую и самую абстрактную дефиницію социальной экономіи, опредѣляя ее, какъ науку о жизненныхъ процессахъ питанія обществъ и объ ихъ улучшеніи посредствомъ прогрессивнаго сокращенія мертваго вѣса и соотвѣтственнаго увеличенія полезнаго дѣйствія. Это абстрактное опредѣленіе экономической науки, имѣющее одновременно и статическій, и динамическій характеръ, заимствовано цѣликомъ изъ законовъ обращенія, которые я изложилъ въ своихъ *Соціологическихъ законахъ* и въ *Очеркахъ о монетѣ, кредитѣ и банкахъ*. Такимъ путемъ, повторяю, философія экономіи приводится въ связь съ математико-механической философіей, которая лежитъ въ основѣ общей философіи наукъ. Я допускаю однако, что при нынѣшнемъ состояніи знаній на это обобщеніе должно смотрѣть только какъ на гипотезу, но это законная научная гипотеза, нуждающаяся въ обстоятельной провѣркѣ.

Третій очеркъ, вошедшій въ настоящую книгу, имѣетъ цѣлью вернуть механико-математической и физической школѣ то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву въ исторіи развитія социологіи и экономической науки въ частности. Она представляетъ, конечно, только одинъ изъ притоковъ великой рѣки, но это драгоценный, выдающійся притокъ, водами котораго слишкомъ часто прене-

брегали, потому, конечно, что онѣ текутъ по бесплоднымъ и мало доступнымъ мѣстамъ. Представивъ эволюцію этой школы, начиная отъ ея предтечь и кончая Кетлэ, я старался показать, что примѣненіе математическаго метода въ соціальной экономіи не простое заблужденіе и не какая-нибудь случайность. Ея появленіе и развитіе не представляются единичными; мы находимъ ее у всѣхъ болѣе развитыхъ цивилизацій; эволюція ея продолжается и довершается по сіе время; она еще не закончилась, но, какъ и всѣ доктрины и всѣ методы, математическая школа постепенно потеряетъ свой исключительный характеръ. Кажущійся на первый взглядъ неизбѣжнымъ антогонизмъ между математической школой и исторической исчезнетъ, лишь только получить всеобщее признаніе тотъ фактъ, что статистика лежитъ въ основаніи обоихъ методовъ. Между ними существуетъ лишь та разница, что статистика занимается соціальными элементами, *молекулами*, между тѣмъ какъ исторія въ собственномъ смыслѣ имѣетъ дѣло съ соціальными учрежденіями и системами, съ *агрегатами*. Ихъ области разграничены и на этомъ разграниченіи можетъ быть основано раздѣленіе труда въ общей научной работѣ или, лучше сказать, сотрудничество для достиженія общей цѣли.

Сколько противорѣчій и проблемъ постоянно разрѣшается такимъ именно образомъ, разрѣшается такъ-сказать само собою! Когда-нибудь признаютъ, что эти противорѣчія и проблемы въ сущности навязаны природѣ слишкомъ ограниченными умами; тогда люди окажутся лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, т.-е. съ тѣмъ грознымъ судьей, который подвергаетъ конечному испытанію всѣ теоріи, расплавляя ихъ въ своемъ могучемъ тиглѣ, и всѣ убѣдятся, что и безъ того слишкомъ много уже дисгармоніи и конфликтовъ въ этомъ мірѣ, подразумѣвая и міръ соціальный, и нѣтъ надобности прибавлять къ нимъ еще противорѣчія и столкновенія между абсолютными, субъективными концепціями мыслителей и вождей научныхъ школъ!

Надѣюсь, что мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, отчасти избѣгнуть этой опасности.

Декабрь 1903 г.

Г. Де-Греефъ.

I.

Введеніе въ изученіе соціальной экономіи.

I. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТА.

A. До-научная экономія.

Чтобы дать опредѣленіе какой-либо идеѣ, нужно установить ея содержаніе и границы, а такъ какъ всякая идея относится къ кому-нибудь объекту, то необходимо опредѣлить содержаніе и границы этого объекта. Только тогда идея, выражая соотношеніе между субъектомъ и объектомъ, становится идеей научной, позитивной. Соціальная экономія представляетъ собою, конечно, часть науки вообще и въ частности—часть науки, относящейся къ изученію человѣческихъ обществъ, или, еще точнѣе, часть отдѣла соціальной науки, имѣющаго своимъ предметомъ изслѣдованіе и познаніе условій и законовъ жизненныхъ процессовъ питанія обществъ. Эти-то процессы питанія и составляютъ тѣ общія отправленія экономической системы, которыя осуществляются при помощи трехъ специальныхъ аппаратовъ, координированныхъ между собою и служащихъ общей цѣли; мы говоримъ объ аппаратахъ обращенія (обмѣнъ и распредѣленія благъ), потребленія и производства богатствъ. Такимъ образомъ, экономика относится къ соціальной наукѣ, какъ видъ къ роду.

Если мы изслѣдуемъ различныя существующія опредѣленія предмета экономики, то мы замѣтимъ эволюцію, идущую почти параллельно съ эволюціей самой соціальной науки. Формулы, въ которыхъ пытались дать опредѣленіе экономики, мѣнялись по мѣрѣ

того, какъ содержаніе и границы соціальной науки становились все болѣе и болѣе научными.

Въ первомъ періодѣ, послѣ возникновенія христіанства и установленія католицизма, экономика была поглощена теологіей: ею занимались канонисты, какъ побочнымъ дѣломъ. Потомъ ею завладѣваютъ юристы и въ ней получаетъ господство метафизическая концепція естественнаго права, происшедшая изъ сочетанія древняго греко-римскаго *jus gentium* съ теологическимъ *jus divinum*. Наконецъ, съ Бодэномъ и Монтескье укрѣпляется взглядъ на экономику, какъ на особую отрасль политики, подъ которой при этомъ разумѣютъ науку объ управленіи. До этого момента, стало-быть, не были еще опредѣлены ни область, ни методъ экономики; она жила еще нераздѣльной жизнью съ другими соціальными науками; единственный результатъ, достигнутый на этой ступени развитія, заключается въ томъ, что она высвободилась сначала изъ теологической оболочки, затѣмъ изъ метафизической и соединилась съ политикой. Что касается этой послѣдней, то она не могла въ то время сложиться во вполне позитивную науку, потому что въ основаніи ея лежитъ прежде всего экономика и въ ней она получаетъ свое объясненіе. Послѣ Локка и Монтескье судьбы политики оказываются поэтому въ зависимости отъ тѣхъ этаповъ эволюціи, которые осталось еще пройти экономикѣ, чтобы стать автономной, основной наукой. Словомъ, пока экономика составляла часть политики, она и сама могла носить только эмпирической характеръ, быть искусствомъ, но не наукой. Ни чѣмъ инымъ, какъ искусствомъ, является она у теоретиковъ раздѣленія и равновѣсія властей, равно какъ у теоретиковъ народнаго суверенитета. Въ своемъ *Разсужденіи о Политической Экономіи*, написанномъ для Энциклопедіи, Ж. Ж. Руссо кладетъ въ основаніе политической экономіи *общую волю* и поступаетъ вполне логично, какъ авторъ теоріи общественнаго договора; но онъ не смотритъ на нее, какъ на науку позитивную и при томъ объективную, — науку, основанную *на природѣ вещей*. На его взглядъ право проистекаетъ изъ закона, а законъ получаетъ существованіе отъ законодателя, является результатомъ соглашенія. Всѣ учрежденія, въ томъ числѣ и экономическія, составляютъ продуктъ соглашенія. По этой теоріи, которая въ такой же высокой степени ошибочна, какъ и революціонна, экономія оказывается по существу политической не какъ наука, а какъ искусство, какъ орудіе, служащее абсолютному и неорганизованному народному суверенитету; она слѣдуетъ за эмпирической эволюціей политики вмѣсто того, чтобы надъ нею господствовать и управлять ею.

В. Основатели классической экономіи.

По словамъ Кэрнса *, „писатели, которые больше всѣхъ сдѣлали для политической экономіи на первыхъ ступеняхъ ея развитія, мало заботились объ ея опредѣленіяхъ. Всѣ опредѣленія, которыя встрѣчаются, напр., въ экономическихъ сочиненіяхъ Тюрго, Адама Смита, Рикардо, можно сосчитать по пальцамъ“. Онъ, однако, признаетъ, что хотя всякое опредѣленіе можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ прогрессу науки, тѣмъ не менѣе, оно необходимо, но при условіи, чтобы всегда помнили, что всякое опредѣленіе имѣетъ временное значеніе и можетъ измѣняться къ лучшему.

Физиократы, — насколько можно судить, по крайней мѣрѣ, по отдѣльнымъ намекамъ, — опредѣлили область соціальной экономіи, объявивъ, что существуетъ естественный порядокъ, и отдѣливъ, такимъ образомъ, науку отъ искусства и эмпиризма, они призывали къ наблюденію и изученію естественныхъ законовъ, которые они считали (и въ этомъ ихъ главное заблужденіе) предопредѣленными, неподвижными, непреложными.

А. Смитъ, какъ и физиократы, только мимоходомъ даетъ опредѣленіе политической экономіи. Хотя онъ и смотрѣлъ на свое великое произведеніе, какъ на отрывокъ изъ цѣлаго труда объ обществѣ, тѣмъ не менѣе онъ уже выдѣляетъ экономику изъ общей соціальной науки. Это было большимъ шагомъ впередъ, выдѣленіе было необходимо, такъ какъ до него въ соціальной наукѣ господствовала метафизическая теорія естественнаго права. Единственной связью его со старой концепціей права осталась естественная свобода. Къ сожалѣнію, ученики его довели это отдѣленіе экономики отъ соціальной науки до крайности, упустивъ изъ виду, что органическое обособленіе экономіи, какъ науки, не требуетъ вовсе радикальнаго разрыва съ соціальной наукой, какъ цѣлымъ: экономія только часть ея, хотя и основная.

Но до полного отдѣленія экономіи отъ политики А. Смитъ не дошелъ. Это и хорошо, и плохо; хорошо потому, что, благодаря этому, онъ не могъ такъ отрицательно отнестись къ коллективному вмѣшательству въ сферѣ экономіи, какъ его ученики; плохо потому, что онъ постоянно смѣшиваетъ, вслѣдствіе этого, чистую эконо-

* Le Caractère et la Methode logique de l'Economie politique, trad. franc. page 162. Paris, 1902.

мію съ прикладной, разсматриваемой, какъ искусство и функція законодателя.

Это видно изъ главнаго опредѣленія, которое мы у него находимъ: „Политическая экономія, разсматриваемая, какъ одна изъ наукъ, необходимыхъ для законодателя и государственнаго человѣка, имѣетъ предметомъ своимъ двѣ цѣли: первая состоитъ въ доставленіи народу достаточнаго дохода или обильныхъ средствъ существованія, или же, вѣрнѣе, въ доставленіи ему самому возможности получить эти обильныя средства; вторая состоитъ въ доставленіи государству или обществу достаточнаго дохода на общественныя потребности: она имѣетъ въ виду обогатить одновременно какъ народъ, такъ и государя“ *.

Здѣсь экономія скорѣе искусство, чѣмъ научная теорія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она можетъ и должна быть тѣмъ и другимъ; получивъ свое происхожденіе изъ эмпирической практики она поднялась на степень науки, чтобы съ обновленными силами вернуться въ сферу практической дѣятельности.

Ни у Рикардо, ни у Мальтуса мы не находимъ точнаго опредѣленія политической экономіи; правда, мы видимъ у нихъ, что экономія имѣетъ предметомъ своимъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе богатствъ, но всѣ разсужденія обыкновенно (особенно у Мальтуса, у котораго опредѣленіе употребляемыхъ въ экономіи терминовъ занимаетъ выдающееся мѣсто) сводятся къ вопросу, что разумѣть подъ словомъ „богатство“. Напр., слѣдуетъ ли, подобно Ж. Б. Сэю, отнести къ богатству нематеріальныя блага?

Въ самомъ заглавіи своего *Трактата политической экономіи* Ж. Б. Сэй опредѣляетъ ее, какъ науку, показывающую, какъ *происходитъ* образованіе, распредѣленіе и потребленіе богатствъ. „Правительство входитъ въ эту систему *вещныхъ* отношеній лишь какъ побочный факторъ, либо содѣйствуя развитію производства, либо задерживая его, либо взимая въ свою пользу часть продуктовъ“. Доходя въ своей проповѣди крайняго либерализма и индивидуализма до признанія, что государственное вмѣшательство—величайшее зло, Ж. Б. Сэй прибавляетъ однако („Курсъ“, стр. 4), что „экономическая наука во всемъ имѣетъ въ виду человѣческое общество“, что она „обнимаетъ всю соціальную систему“... „Она имѣетъ описательный характеръ; она учитъ тому, что происходитъ и что существуетъ“, говоритъ онъ въ этомъ же „Курсѣ“. Она представляетъ собою описаніе состоянія, находящагося какъ-бы въ застоѣ; ис-

* „Богатство народовъ“ книга VI, введеніе.

торическое развитіе совершенно исключается. Словомъ, Ж. Б. Сэй, какъ показываетъ вышеприведенное опредѣленіе, рассматриваетъ экономическіе законы, какъ чисто механическіе и автоматическіе, осуществляющіеся безъ всякаго коллективнаго вмѣшательства, причемъ концепція экономического строя у него не отдѣляется отъ концепціи науки о „всей соціальной системѣ“. Въ политикѣ Сэй тоже держится принциповъ либерализма: государство для него только жандармъ, обязанность котораго состоитъ въ обезпеченіи свободы личности и свободы вещей *

Методъ Ж. Б. Сэя былъ отрицаніемъ соціологическаго метода, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть методъ историческій. „Что можетъ дать намъ собраніе нелѣпыхъ мнѣній, заброшенныхъ доктринъ, ученій, которыя давно слѣдовало бы сдать въ архивъ? Это и бесполезно, и скучно“. Такая ненаучная точка зрѣнія вполне соответствовала тогдашнему фазису экономического развитія; нелицепріятная исторія, включивъ и самое пренебреженіе Ж. Б. Сэя и его школы къ исторіи въ общій ходъ исторической эволюціи соціальной экономіи, возложить на этого прародителя политической экономіи гораздо меньшую отвѣтственность, чѣмъ еслибы его теоріи совершенно не находили себѣ объясненія въ историческихъ условіяхъ.

С. Школа ортодоксальныхъ партикуляристовъ.

Исходя изъ того, что при потребленіи люди, вообще говоря, имѣютъ въ виду воспроизводство, Росси относитъ потребленіе къ производству; поэтому онъ ограничиваетъ предметъ науки производствомъ и распредѣленіемъ. Политическая экономія, по его мнѣнію, прежде всего наука о богатствѣ, хрематистика.

Для Бастіа и Уэтли это, напротивъ, наука объ обмѣнѣ. Но развѣ производство, потребленіе и распредѣленіе богатствъ не мыслимы безъ обмѣна? Развѣ обращеніе богатствъ не можетъ совершаться

* Ж. Б. Сэй, питавшій такое презрѣніе къ физиократамъ и опубликовавшій въ 1799 г. утопію подъ заглавіемъ: „Olbie“ (планъ образцоваго государства), былъ главнымъ представителемъ интересной формы буржуазной политической экономіи; онъ проповѣдывалъ абсолютный анархическій либерализмъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ физиократами и даже съ А. Смитомъ, либерализмъ котораго былъ органическимъ. Правительство, по его мнѣнію, болѣзненный наростъ; общество вовсе не обязано оказывать помощь своимъ членамъ; соединяясь въ общество, каждый обязанъ внести свои средства существованія.

независимо отъ обмѣна? Развѣ обмѣнъ, даже въ его натуральной формѣ, не находится въ соотвѣтствіи съ потребностями даннаго историческаго періода?

Ученія эти, при всемъ своемъ различіи и несовершенствѣ, въ общемъ, однако, содѣйствовали развитію соціальной экономіи. Какъ Родбертусъ и Марксъ многимъ обязаны А. Смигу и Рикардо, такъ Бастіа и Прудонъ имѣютъ между собою явныя точки соприкосновенія, хотя это мало согласуется съ тѣмъ неискренимымъ антагонизмомъ, который проявляется въ ихъ полемикѣ. Точка зрѣнія Бастіа и Уэтли заключаетъ въ себѣ задатки органической теоріи въ экономіи и имѣетъ тенденцію подчинить эту науку идеѣ движенія *.

D. Полу-иновѣрческая школа.

Выраженіе: „политика въ примѣненіи къ экономической наукѣ“ заключало въ себѣ, съ точки зрѣнія ортодоксальной школы, внутреннее противорѣчіе, такъ какъ школа эта желала исключить изъ области относящихся сюда явленій всякое правительственное и даже всякое коллективное вмѣшательство. Но мы видѣли, что еще А. Смигу, примыкая въ этомъ отношеніи къ Ж. Ж. Руссо, при всемъ своемъ либерализмѣ смотрѣлъ на экономію—въ смыслѣ ея примѣненія—какъ на одну изъ наукъ или, вѣрнѣе, какъ на одно изъ искусствъ, необходимыхъ для государственныхъ людей. Ж. Б. Сэй, напротивъ, радикально перерѣзалъ нить, связывавшую экономію съ политикой, оставивъ все-таки за нею названіе *политической* экономіи.

Это было шагомъ впередъ въ смыслѣ дифференцированія, но прогрессомъ это могло бы явиться только тогда, если бы экономія, отдѣлившись отъ *искусства* управлять, присоединилась къ соціальной наукѣ, какъ одному цѣлому. Съ этой точки зрѣнія изложеніе опредѣленій предмета соціальной экономіи представляетъ особый интересъ, потому что въ этихъ опредѣленіяхъ можно прослѣдить органическую, позитивную эволюцію, соотвѣтствующую не только эволюціи экономической науки, но и эволюціи соціальной науки, какъ одного цѣлага, и даже эволюціи реальныхъ экономическихъ явленій.

С. де-Сисмонди былъ первымъ еретикомъ классической системы, хотя онъ все же держится ея основныхъ принциповъ. Вмѣстѣ съ С. Симономъ, который, впрочемъ, держался иного теченія, онъ

* R. Whately, Introductory lectures on Poitical Economy. Lond 1831.

оказалъ наибольшее вліяніе на Родбертуса и Маркса. По его мнѣнію, экономія—это наука о физическомъ благосостояніи человѣка, и, поскольку это благосостояніе зависитъ отъ правительства, уже имѣетъ мѣсто коллективное вмѣшательство въ экономическую организацію, такъ какъ при представительномъ образѣ правленія коллективная воля осуществляется черезъ посредство правительства. Это именно—коллективное вмѣшательство, но не вмѣшательство абсолютной власти; оно осуществляется либеральнымъ народнымъ представительствомъ и въ этомъ смыслѣ оно является соціальнымъ.

Экономическій строй не считается уже неизмѣннымъ. Примѣненіе машинъ его преобразовало, и Сисмонди понимаетъ, что этому преобразованію должно соответствовать и новое экономическое право; такимъ образомъ, экономія снова обнаружила стремленіе къ союзу съ политикой, но не съ прежней политикой, а съ политикой, продолжавшей свою эволюцію и подвергшейся видоизмѣненію; въ экономіи, какъ и въ политикѣ, долженъ господствовать конституціонный режимъ.

Въ Англіи Д. С. Милль еще сильнѣе связалъ экономію съ соціальной наукой, показавъ ея отношеніе не только къ политикѣ, но и къ семейному строю, къ морали и праву. Обобщая и упрощая опредѣленіе экономической науки и вкладывая въ нее наиболѣе обширное содержаніе, онъ говоритъ: „это наука о богатствѣ“, но въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: „это—наука, изучающая природу богатства и законы его производства и распредѣленія“. Тутъ ужъ не самопроизвольное производство и распредѣленіе богатствъ, совершающееся въ силу яко бы естественныхъ законовъ свободы. Проблема распредѣленія пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе и дѣло доходитъ до того, что онъ готовъ пожертвовать либеральными преимуществами въ пользу самаго абсолютнаго коммунизма. „Если бы предстоялъ выборъ только между существующимъ порядкомъ вещей и коммунизмомъ, всѣ трудности, связанныя съ этимъ послѣднимъ, какъ бы онѣ ни были велики или малы, имѣли бы значеніе простой песчинки на чашкѣ вѣсовъ“.

Д. С. Милль разсматриваетъ экономію, какъ отдѣльную отрасль науки объ обществѣ. Вотъ почему онъ даетъ ей такое опредѣленіе: „Политическая экономія есть наука, намѣчающая законы соціальныхъ явленій, которыя вытекаютъ изъ сочетанія дѣйствій человѣчества, относящихся къ производству богатствъ, *поскольку эти явленія не видоизмѣняются подъ вліяніемъ преслѣдованія другихъ цѣлей*“. Стало быть, экономія—это уже не независимая наука, она независима только въ абстракціи и становится таковой путемъ ло-

гическаго, хотя и вполне законнаго процесса; затѣмъ, производство богатствъ есть результатъ не простаго сложенія индивидуальныхъ усилій, а—сочетанія дѣйствій человѣчества; трудъ является, слѣд., коллективнымъ дѣломъ сотрудничества, что дѣлаетъ необходимымъ коллективное же соглашеніе *. Подобно Миллю, и Кэрнсъ, самый замѣчательный изъ его учениковъ (1824—1875), признаетъ, что предпосылками политической экономіи служатъ одновременно и физическія, и нравственныя данныя; поэтому онъ опредѣляетъ экономію, какъ науку, которая, исходя, какъ изъ конечныхъ фактовъ, изъ началъ человѣческой природы и изъ физическихъ законовъ внѣшняго міра, а равно изъ политическихъ и социальныхъ условій различныхъ человѣческихъ обществъ, изслѣдуетъ законы производства и распредѣленія богатствъ, составляющихъ результатъ комбинированной дѣятельности обществъ; или правильнѣе: это—наука, которая излагаетъ явленія производства и распредѣленія богатствъ, восходя къ ихъ причинамъ, къ началамъ человѣческой природы и физическимъ, политическимъ и социальнымъ законамъ явленій внѣшняго міра **.

Въ томъ же смыслѣ выражается и современный ученый Ш. Жидъ: „Политическая экономія имѣетъ предметомъ своимъ отношенія людей, живущихъ въ обществѣ, поскольку эти отношенія направлены къ удовлетворенію ихъ матеріальныхъ потребностей и къ развитію ихъ благосостоянія“.

Вотъ путь, пройденный послѣдовательными опредѣленіями экономической науки. Первоначально ее рассматривали, какъ чисто матеріальную науку о богатствѣ; теперь на нее смотрятъ, какъ на науку общественную, человѣческую, до того даже, что матеріальнымъ факторомъ и чисто механической динамикой его, кажется, слишкомъ ужъ пренебрегаютъ, рассматривая съ біологической и социологической точки зрѣнія почти исключительно человѣческія отношенія; иные даже совсѣмъ сводятъ экономію къ явленіямъ чистой коллективной психологіи.

* Въ своихъ „Опытахъ о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ политической экономіи“ (стр. 132—134) Д. С. Милль рассматриваетъ политическую экономію, какъ *цѣлое*, слагающееся какъ изъ чисто физическихъ, такъ и изъ нравственныхъ законовъ, входящихъ между собою въ тѣсное сочетаніе, въ сочетаніе общественное. Онъ, кажется, догадывается, что всякое социальное явленіе есть одновременно явленіе физическое, органическое и психическое, какъ я пытался доказать это въ другомъ мѣстѣ.

** *Характеръ логическаго метода политической экономіи*, франц. переводъ Г. Вальрана, 1902 г., стр. 74.

Е. Школа національной экономіи.

Всѣ великіе мыслители и художники второй половины XVIII вѣка, въ томъ числѣ и основатели соціальной экономіи, какъ Кенэ, А. Смитъ, В. Годвинъ, были космополитами. Этотъ космополитизмъ существовалъ у нихъ не въ идеалѣ только: ихъ гуманитарная философія находилась въ соотвѣтствіи съ фактомъ завладѣнія или, по крайней мѣрѣ, ознакомленія людей со всѣмъ земнымъ шаромъ, благодаря путешественникамъ и въ особенности мореплавателямъ, которые, начиная съ Магеллана, совершали кругосвѣтныя путешествія. Космополитизмъ Дидро, напр., находился въ тѣсной связи съ путешествіями его современника Бугенвиля. Былъ такой моментъ, когда философы, художники, теоретики государственной науки, экономисты, реформаторы и революціонеры потеряли всякое представленіе о промежуточныхъ группахъ, отдѣляющихъ индивидуума отъ чело-вѣчества. А. Смитъ, который всегда останется общимъ родоначальникомъ всѣхъ экономическихъ теорій, образовавшихся въ силу дифференцированія, былъ, быть-можетъ, единственнымъ ученымъ, который понималъ какъ относительное, такъ и непреходящее значеніе соціальныхъ явленій; онъ—отецъ всѣхъ экономическихъ школъ, не исключая и соціологической, и это объясняется его добросовѣстнымъ примѣненіемъ метода наблюденія и сведеніемъ метафизическихъ гипотезъ къ минимуму даже въ его историческихъ экскурсіяхъ.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія дѣло мѣняется: зарождающаяся въ Соединенныхъ Штатахъ крупная промышленность нуждается въ покровительствѣ; въ континентальной Европѣ имперія Наполеона I, это военное и деспотическое воплощеніе космополитизма, послѣ титанической борьбы съ Англіей, наконецъ, рухнуло, предоставивъ отдѣльнымъ національностямъ независимость и возможность устраивать свою судьбу по своему, согласно съ особенностями и степенью развитія каждой.

Въ 1834 году выступилъ съ громкимъ протестомъ противъ космополитизма Смитовой школы Джонъ Рэ, выпустившій въ Бостонѣ трудъ подъ заглавіемъ: „Statement of some new principles on the subject of Political Economy exposing the fallacies of the system of free trade and of some others doctrines maintained in the „Wealth of Nations“,—тотъ самый Рэ, о которомъ недавно напомнилъ Бѣмъ-

Баверкъ * и который заслуживаетъ серьезнаго вниманія и въ другихъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, „политическая экономія есть наука, излагающая природу *національнаго хозяйства* или показывающая, какъ народъ обезпечиваетъ себя матеріальными благами при помощи экономическихъ усилій его членовъ“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1841 г., опубликовалъ свою „*Національную систему политической экономіи*“ Фр. Листъ, который, безъ сомнѣнія, познакомился съ Рэ во время своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1825 по 1832 г. и во всякомъ случаѣ испыталъ на себѣ вліяніе среды, гдѣ зарождающаяся промышленность нуждалась въ покровительствѣ. Въ своемъ трудѣ Листъ выступаетъ противъ либеральной школы Смита, а въ особенности Ж. Б. Сэя, котораго онъ осуждаетъ за его абстрактный космополитизмъ, имѣющій въ виду только человѣчество и индивидуума и оставляющій безъ вниманія промежуточныя группы—націи. А между тѣмъ націи—это производительныя и потребительныя силы, дѣйствующія при различныхъ условіяхъ и не могущія поэтому регулироваться въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ одинаковыми юридическими нормами. Каждая нація должна себѣ покровительствовать, поскольку это необходимо и доколѣ въ этомъ есть надобность; въ противномъ случаѣ болѣе слабыя націи сдѣлаются вассалами иностранцевъ. Только внутренняя торговля должна быть свободна, но противъ другихъ націй требуется извѣстное покровительство. Въ этомъ отношеніи Листъ вполне сходится съ Дж. Рэ. Отдѣльнымъ классамъ внутри страны не должно быть предоставлено никакихъ экономическихъ преимуществъ; свобода торговли должна быть правомъ всѣхъ, но только въ національныхъ предѣлахъ. Въ международныхъ же отношеніяхъ свобода торговли допускается только въ силу соглашенія между равноправными договаривающимися націями. Такъ какъ законы логики всегда и вездѣ одинаковы, то это понятіе равенства, признаваемое необходимымъ для международныхъ соглашеній, вскорѣ было распространено соціалистами на отношенія между членами разныхъ общественныхъ классовъ.

Можно сказать, что такой взглядъ на политическую экономію господствуетъ и въ настоящее время въ правительственныхъ сферахъ. Онъ гармонируетъ съ возстановленіемъ независимости націй. Противъ него можно, конечно, возразить, что національность сама есть историческая сила, возникшая въ силу завоеванія, и что у

* См. прим. на стр. 397 т. I. франц. изд. *Критической исторіи теорій о доходѣ на капиталъ*, 1902 г.

каждой отдѣльной націи могутъ существовать не только неравныя по своимъ силамъ стороны, которыя могутъ требовать для себя покровительства, но и неравные классы, изъ которыхъ слабѣйшіе могутъ также взывать о покровительствѣ. Какъ бы то ни было, однако, національная экономія отчасти отвѣчала дѣйствительнымъ стремленіямъ и реальному положенію вещей. Промышленность Германіи и Соединенныхъ Штатовъ не могла выдержать иностранной конкуренціи; созданный подъ вліяніемъ Листа германскій Zollverein способствовалъ возникновенію и росту національной промышленности и даже послужилъ въ послѣдствіи основаніемъ для политическаго объединенія Германіи.

Да и самъ Смитъ не призналъ ли Кромвелевскаго *Навигационнаго Акта* одной изъ причинъ превосходства Англіи? Не утверждалъ ли онъ, что этого великаго государственнаго человѣка слѣдуетъ считать общимъ родоначальникомъ всѣхъ образовавшихся въ послѣдствіи школъ, которыя были до такой степени односторонни и неблагодарны, что весьма часто отказывались признать это законное родство?

Въ послѣдствіи система національной экономіи сближается съ либерализмомъ, но эта эволюція происходитъ лишь тогда, когда Германіи удастся стать на одинъ уровень съ промышленнымъ развитіемъ передовыхъ странъ. Однако, и послѣ этого продолжаетъ господствовать тотъ взглядъ, что между человѣчествомъ и индивидуумомъ существуетъ рядъ промежуточныхъ группъ, которыхъ не долженъ игнорировать ни экономистъ, ни государство, поскольку послѣднее есть форма реальная и политическая. Таковъ именно смыслъ опредѣленія, даваемого экономической наукѣ Нейманомъ-Спаллартомъ (1837—1888), который, стремясь примирить свой экономическій либерализмъ съ историческими функціями современнаго государства, говоритъ: „это—теорія отношеній частныхъ хозяйствъ другъ къ другу и ко всему государству“.

***F.* Историческая школа національной экономіи.**

Она—продуктъ дифференцированія предыдущей школы. Историки и юристы пришли къ убѣжденію, что форма и содержаніе государства и права подвержены исторической эволюціи; эта точка зрѣнія получаетъ преобладаніе и въ наукѣ о жизни; общимъ теченіемъ увлечена и экономія. В. Рошеръ опредѣляетъ уже политическую экономію такъ: „это—теорія законовъ развитія національнаго

хозяйства“. Точка зрѣнія отличается здѣсь нѣкоторой новизной, такъ какъ методъ превращается въ историческій по преимуществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыто признается прямое родство исторической школы съ національной экономіей. Благодаря тому, что въ наукѣ примѣняется историческій методъ, и сама она получила характеръ исторической науки, доктрины сдѣлались менѣе односторонними). Возникаетъ вопросъ, не подчинены ли и эти послѣднія законамъ развитія? Не связаны ли онѣ узами преемственности, которыя скрѣпляютъ между собою даже противоположныя и взаимно исключаютія другъ друга доктрины?

Лучше всякаго другого это понимаетъ Шмоллеръ, который даетъ такое опредѣленіе экономіи: „это — наука, ставящая себѣ цѣлью *описать* экономическія явленія, дать имъ опредѣленіе и объяснить ихъ причины, рассматривающая ихъ, какъ одно связное цѣлое, что предполагаетъ предварительное опредѣленіе національнаго хозяйства“. То же самое говоритъ и А. Вагнеръ: „политическая экономія—это наука о Volkswirtschaft, т.-е. объ организациі частныхъ хозяйствъ у народовъ, имѣющихъ государственную организацию“.

Но дифференцированіе идетъ еще дальше. Мало того, что экономическія формы признаются историческими, что этотъ взглядъ влечетъ за собою ослабленіе консервативнаго духа и возрастающее преобладаніе идей реформированія экономической организациі, особенно внутренней,—для урегулированія новыхъ экономическихъ отношеній и улучшенія старыхъ призываются еще этика и право. Но мораль и право сами продѣлали эволюцію: теперь мы ужъ не имѣемъ дѣла съ естественнымъ правомъ и естественной моралью, съ ихъ неподвижнымъ метафизическимъ характеромъ. Историческое развитіе морали, права, экономіи совершается по направленію, которое, будучи продолжено за предѣлы настоящаго, намѣчаетъ прогрессивный идеаль будущаго, тѣсно связанный, однако, съ дѣйствительностью. И вотъ къ экономическимъ проблемамъ, вполне сохраняющимъ свой національный характеръ, присоединяется рабочій вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и происходитъ это потому, что стали придавать большее значеніе внутреннимъ экономическимъ отношеніямъ. Шмоллеръ и А. Вагнеръ распространяютъ свою историческую, моральную и юридическую концепцію національной экономіи на соціальный вопросъ. Они принимаютъ, какъ почетный титулъ, эпитетъ катедръ-соціалистовъ, которымъ думали ихъ уязвить. Они являются связующимъ звеномъ между старой экономіей Смита, Рикардо и Д. Ст. Милля (этотъ послѣдній уже сильно под-

винулъ ее впередъ) и социализмомъ, который, благодаря Лассалю, Родбертусу и Марксу, сдѣлался научнымъ.

Г. Электичская или смѣшанная школа ортодоксальной экономіи.

Она примыкаетъ въ общемъ къ Д. Ст. Миллю, который въ своихъ экономическихъ теоріяхъ и въ своей *Логикѣ* постоянно колеблется между либерализмомъ и социализмомъ, между дедуктивнымъ и индуктивнымъ методами. Эти колебанія подготовили преобразование науки. Въ Германіи Мангольдтъ (1824—1868) даетъ такое опредѣленіе экономіи: „это—научное изображеніе основныхъ экономическихъ силъ, направленій, въ которыхъ онѣ дѣйствуютъ, законовъ ихъ функционирования и условій ихъ успѣха“. Такимъ образомъ, точка зрѣнія динамики явленій, ихъ движенія становится господствующей.

То же самое находимъ во Франціи у П. Лера-Больё: экономика—это „наука, устанавливающая общіе законы, которыми опредѣляется дѣйствительность и успѣшность человѣческихъ усилій, направленныхъ на производство и потребленіе различныхъ благъ, которыхъ природа не даетъ человѣку даромъ, самопроизвольно“. (Трактатъ, т. I, стр. 11).

Н. Соціалистическая школа.

У творцовъ научнаго социализма, Томпсона, Родбертуса и К. Маркса, такъ же трудно найти точное опредѣленіе предмета соціальной экономіи, какъ у основателей либеральной экономіи. Что касается Томпсона, то у него производство богатствъ только средство, а не цѣль; онъ трактуетъ проблему съ моральной и юридической точки зрѣнія. Наибольшую важность представляетъ справедливое распредѣленіе богатствъ; поэтому экономія тѣсно связана съ соціальной наукой и вмѣстѣ съ нею является существенной отраслью искусства, задача котораго—достиженіе соціальнаго благоденствія. „Цѣль экономіи—изыскать способъ распредѣленія богатствъ, могущій осуществить возможно большее благоденствіе людей“. Такимъ образомъ, точка зрѣнія измѣнилась, но самое измѣненіе это стоитъ въ тѣсной связи со старыми теоріями Петти, А. Смита и другихъ классиковъ либеральной школы, провозгласившихъ, что трудъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей. Эта новая догма какъ разъ совпала съ

выступленіемъ на сцену рабочаго класса и съ ростомъ рабочихъ организацій, развивающихъ въ немъ классовое самосознаніе.

Между индивидуумомъ и индивидуалистической экономіей съ одной стороны,—экономіей, которая въ то же время была космополитической, но въ сущности носила идеалистическій характеръ и затѣмъ все болѣе и болѣе сближалась съ жизнью представителями національной экономіи въ родѣ Рэ и Фр. Листа, при чемъ послѣдняя въ свою очередь развилась въ историческую школу съ Рошеромъ, Шмоллеромъ и др. во главѣ,—націей и великимъ международнымъ, междуматериковымъ и даже міровымъ хозяйствомъ, все болѣе и болѣе развивающимся съ конца XV вѣка, съ другой стороны, образовался рядъ группъ, хотя и скромнымъ на видъ, но основныхъ и естественныхъ по существу,—группъ, составляющихъ продуктъ глубокаго внутренняго экономического развитія общества и стоящихъ болѣею частью внѣ зависимости отъ исторически сложившихся національностей. Это—профессіональныя группы рабочихъ и капиталистовъ, начиная отъ простыхъ ассоціацій и обществъ и кончая рабочими организаціями, національными и международными союзами, крупными компаніями, акціонерными обществами и международными трестами.

Такимъ образомъ, рабочій вопросъ, носителемъ котораго является одинъ классъ, сталъ лицомъ къ лицу съ капитализмомъ, носителемъ котораго тоже служитъ одинъ классъ. Зондъ проникъ теперь въ самую глубь экономической проблемы и великая міровая система, которая представлялась нашимъ предкамъ только въ ея крупныхъ, общихъ чертахъ и казалась сложенной изъ отдѣльныхъ песчинокъ въ лицѣ индивидуумовъ, теперь предстала передъ нами въ видѣ сложнаго цѣлаго, состоящаго изъ массы организмомъ, которые представляютъ собою переходныя стадіи отъ индивидуума къ человѣчеству, при чемъ само человѣчество является только послѣднимъ результатомъ медленнаго развитія этихъ организмомъ. Основанный въ 1864 г. Международный союзъ рабочихъ былъ скороспѣлымъ опытомъ; движеніе это могло получить органической характеръ лишь послѣ того, какъ окрѣпнутъ національныя организаціи; міровая эволюція его могла проявиться въ полной мѣрѣ только въ моментъ, подобный настоящему, когда она служитъ отвѣтомъ на развивающійся параллельно съ нимъ капитализмъ въ видѣ большихъ судоходныхъ, торговыхъ и, наконецъ, производительныхъ трестовъ.

Эволюція теоретическаго социализма состоитъ во все большемъ сближеніи съ этой практической эволюціей, въ лучшемъ ея познаниі, въ изученіи необходимыхъ подготовительныхъ условій ея.

Въ 1848 году соціалистическая школа находится еще въ неопредѣленномъ положеніи, но понятіе экономіи сдѣлалось уже вполне соціальнымъ. Фр. Видаль, коммунистъ и сторонникъ коллективнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, понимаетъ предметъ экономіи широко: „это—наука, которая учитъ, *какъ слѣдуетъ организовать* производство согласно съ общей пользой и распределить богатства согласно со справедливостью“. Такимъ образомъ, то вмѣшательство, которое наиболѣе передовые экономисты признаютъ справедливымъ для распределенія, распространено коммунизмомъ и на производство. Теперь поняли, что распределеніе цѣнностей, произведенныхъ трудомъ, находится въ необходимомъ соотношеніи съ организаціей самого труда. Но въ приведенномъ опредѣленіи предполагается, что организація распределенія и производства богатствъ не находится въ зависимости ни отъ органическихъ условій, ни отъ органической эволюціи, а исключительно отъ коллективной воли.

П. Ж. Прудонъ, главный представитель теоріи взаимности въ соціализмѣ, велъ сильную агитацію противъ коммунистической доктрины и государственнаго соціализма. По его мнѣнію, экономія—это „наука о законахъ труда“, — опредѣленіе и слишкомъ узкое, и слишкомъ неопредѣленное; онъ употребляетъ слово „трудъ“ въ необычайно широкомъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, подобно Марксу, онъ кладетъ трудъ въ основу своей системы распределенія богатствъ; но онъ отличается отъ нѣмецкаго соціалиста тѣмъ, что провозглашаетъ принципъ эквивалентности соціальныхъ функцій, который въ примѣненіи въ экономіи можетъ уничтожить всякое различіе въ вознагражденіи между отдѣльными профессіями, въ томъ числѣ и такъ называемыми либеральными, и между обученными и необученными рабочими. Онъ думаетъ, что рабочій получитъ весь продуктъ своего труда, если будутъ уничтожены рента, прибыль и процентъ на капиталъ, и что этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ организаціей обмѣна и дарового кредита на почвѣ свободныхъ производительныхъ, потребительныхъ и мѣновыхъ ассоціацій.

Какъ я уже сказалъ, у основателей научнаго соціализма трудно найти точное опредѣленіе науки; то же самое мы видѣли у основателей политической экономіи. Тѣ и другіе вполне законнымъ образомъ ограничили свою великую работу изслѣдованіемъ и развитіемъ содержанія науки, уклоняясь отъ скороспѣлаго опредѣленія границъ ея, такъ какъ послѣднія могутъ быть установлены лишь изъ соотношенія содержанія этой науки съ другими классами соціальныхъ явленій.

Родбертусъ полагаетъ, что естественныя богатства существуютъ,

такъ сказать, въ неограниченномъ количествѣ; машины еще умножаютъ производительность человѣческаго труда. Остается найти организацію, гарантирующую каждому продуктъ его собственнаго труда. Такова проблема политической экономіи, — проблема, съ постановкой которой она сдѣлалась соціальной наукой. Всѣ богатства, которыми занимается политическая экономія, стоятъ труда и только труда; сфера компетенціи политической экономіи распространяется только на матеріальныя богатства; ея задача—употребить въ дѣло существующія богатства, въ видахъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей; всѣ естественныя богатства становятся потребляемыми только послѣ затраты чловѣческой энергіи. Вотъ это вмѣшательство человѣческаго труда въ производство богатствъ и дѣлаетъ необходимой ту отрасль человѣческаго знанія, которая называется политической экономіей. Отсюда проистекаетъ теорія цѣнности, основанная на нормальной продолжительности и энергіи труда *.

К. Марксъ считаетъ экономику базисомъ всѣхъ надстроекъ общества; послѣднія всегда подчинены экономикѣ. Экономическая наука въ особенности предназначена для объясненія всѣхъ другихъ наукъ. Вѣрна ли эта концепція или нѣтъ, но фактъ тотъ, что она—концепція соціологическая. Ученики Маркса, кажется мнѣ, искажали ее, преувеличивъ матеріалистическій характеръ экономіи и напирая еще болѣе Маркса на различіе между нею и идеологіей. Экономическая наука, какъ базисъ соціальной науки, имѣетъ своимъ предметомъ познаніе общественныхъ матеріальныхъ производительныхъ силъ; эти силы проходятъ различныя послѣдовательныя ступени развитія, которымъ неизбѣжно соотвѣтствуютъ опредѣленные производственныя отношенія, независимыя отъ человѣческой воли и опредѣляемыя этими производительными силами. Совокупность этихъ отношеній образуетъ экономическую структуру, надъ которой возвышается структура юридическая и политическая. Производственныя отношенія измѣняются только путемъ развитія формъ производства, и экономическая наука имѣетъ своимъ предметомъ это двойное развитіе производительныхъ силъ и отношеній, неизбѣжно изъ нихъ вытекающихъ. Это развитіе должно въ концѣ концовъ привести къ обобществленію средствъ производства и съ наступленіемъ этого обобществленія произойдетъ *прыжокъ въ міръ свободы*, идеологическій элементъ возьметъ верхъ, человѣкъ сдѣлается господиномъ своей судьбы, что предполагаетъ организацію производи-

* См. „Die Forderungen der arbeitenden Klasse“ и „Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände“.

тельныхъ силъ и производственныхъ отношеній самимъ человѣкомъ при посредствѣ права и политики. На этой-то послѣдней стадіи коллективизмъ переходитъ въ практику, принимая активное участіе въ политической жизни и въ юридическихъ реформахъ, относящихся къ области законодательства о трудѣ. Тутъ кончается теоретическій дуализмъ Маркса, отгнанный Энгельсомъ и нѣкоторыми ихъ учениками.

Такимъ образомъ, область экономіи не представляется уже (за исключеніемъ развѣ абстракціи) областью, безусловно отдѣленной отъ всей соціальной науки; теперь опредѣленіе экономіи можетъ быть только соціологическимъ, т.-е. дефиниція можетъ быть сдѣлана только по соображенію со всей совокупностью соціальныхъ явленій.

75857
Благодаря Де-Папу и Бенедикту Малону, социализмъ становится все болѣе и болѣе позитивнымъ и цѣлостнымъ; онъ проламываетъ діалектическія формулы, препятствовавшія его развитію; абсолютный коммунизмъ смягчается въ относительный, историческій коллективизмъ, который облегчаетъ и подготавливаетъ сближеніе доктринъ, служащее провозвѣстникомъ новаго экономическаго права, которое, впрочемъ, и само преходящее и способно къ прогрессу. Въ настоящее время немного найдется такихъ экономистовъ, которые отказались бы, на примѣръ, принять опредѣленіе, предложенное Де-Папомъ въ его курсѣ соціальной экономіи. Принимая въ соображеніе и то, что существуетъ, и то, что должно быть, этотъ горячій апостоль коллективизма говоритъ: „соціальная экономія—это наука, которая учитъ, какъ совершаются производство, потребленіе и распредѣленіе богатствъ и какъ они должны совершаться для достиженія соціальнаго благосостоянія“. Де-Папъ смотритъ, слѣдовательно, на экономію, какъ на науку не чисто описательную, но этическую и политическую. Однако, и его опредѣленіе страдаетъ неполнотой, такъ какъ изъ него не видно, что развитіе науки не только имѣетъ историческій, эволюціонный характеръ, но и заключаетъ въ себѣ элементъ постоянства, другими словами—что въ самыхъ измѣненіяхъ кроется правильный порядокъ. Понятіе законосообразности имъ какъ будто бы не признается. Развѣ экономическіе законы являются законами чисто историческими? Развѣ нѣтъ абстрактныхъ универсальныхъ законовъ, которые выше ихъ? Съ другой стороны, сдѣлавъ изъ экономики нравственную науку, Де-Папъ не показалъ съ достаточной ясностью, что экономика—это только отрасль, хотя и основная, всей совокупности соціальныхъ наукъ, составляющей общую соціологію.

Л. Эклектическая школа социалистовъ.

Она находится въ связи, съ одной стороны, съ ученіемъ Д. Ст. Милля, а съ другой—съ реформаторскимъ духомъ социалистовъ вліянію котораго подвергся и Милль. Шарль Марло (1810—1865) и Эмиль де Лавелэ (1822—1892) являются наиболѣе оригинальными представителями этой школы примиренія и постепеннаго развитія, въ которой классическая экономія и социализмъ Фурье, Сень Симона и Луи Блана имѣютъ тенденцію слиться въ одну позитивную социологию. У Марло экономія снова усваиваетъ универсальную точку зрѣнія мірового хозяйства; онъ ставитъ ее въ тѣсную связь съ коллективной психологіей народовъ съ одной стороны, и организаціей труда—съ другой. По его мнѣнію, экономическое развитіе представляетъ собою эволюціонный процессъ, опредѣляемый первичными условіями физической природы, и находится въ соотвѣтствіи съ послѣдовательными стадіями умственнаго развитія человѣчества.

Важный вопросъ о томъ, существуютъ или нѣтъ социологическіе законы и, въ частности, абстрактные, общіе экономическіе законы,—вопросъ, трактуемый въ особенности Рюмелиномъ,—Э. де Лавелэ разрѣшаетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей слѣдующимъ образомъ: „политическая экономія,—говоритъ онъ,—есть наука, опредѣляющая, какіе законы должны установить люди, чтобы быть въ состояніи съ возможно меньшими усиліями добыть себѣ возможно больше полезныхъ предметовъ для удовлетворенія своихъ потребностей, распредѣлить ихъ сообразно съ требованіями справедливости и потребить согласно съ требованіями разума“. По мнѣнію Лавелэ, естественныхъ законовъ въ политической экономіи нѣтъ; законы этого рода имѣютъ примѣненіе только въ технологіи. Признаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, историческіе законы развитія? Нѣтъ: въ политической экономіи существуютъ только законы, издаваемые законодателемъ. Въ концѣ концовъ Лавелэ приходитъ къ тому же заключенію, какъ Милль и первые экономисты, т.-е. что „это—наука о благахъ или богатствѣ“. Но утверждая, что политическая экономія есть „наука, опредѣляющая, какіе законы должны устанавливать люди“, не допускаетъ ли онъ тѣмъ самымъ, что положительное законодательство, искусство издавать законы, подчинено научнымъ законамъ? А если такъ, то не вызываетъ ли его опредѣленіе рядъ недоумѣній? Что это за законы справедливости, что это за законы разума, съ которыми законодатель долженъ сообразоваться въ своемъ вмѣшателствѣ?

Запутанный и противорѣчивый тезисъ Лавелэ діаметрально противоположенъ тезису фізіократовъ, который былъ не менѣе абсолютенъ. Эти послѣдніе представляли себѣ общество подчиненнымъ естественному неизмѣнному порядку, и человѣку ничего больше не нужно, какъ познать этотъ порядокъ и слѣдовать ему, уничтоживъ всѣ искусственныя пути, которыя вытекаютъ изъ учреждений, создаваемыхъ законодателями. У Лавелэ, напротивъ, дѣятельность законодателя должна быть, повидимому, освобождена отъ всякихъ другихъ путей, кромѣ его личнаго мнѣнія о томъ, что справедливо и разумно. Но, благодаря этому раціоналистическому спиритуализму, авторъ „Первобытной собственности“ и „Современнаго социализма“ тѣмъ легче примкнулъ къ сторонникамъ социальныхъ реформъ, что его доктрина, будучи по существу либеральной, какъ отрицаніе всякаго органическаго и даже историческаго развитія экономіи оставляла для его критики и реформаторскихъ стремленій широкой просторъ въ дѣлѣ примиренія социализма съ классической экономіей.

Насколько Лавелэ расходится въ своемъ опредѣленіи политической экономіи съ фізіократами, настолько онъ близокъ къ Смиту который тоже разсматривалъ экономію, какъ науку политическую и практическую, т. е. и какъ науку, и какъ искусство. У Смита, какъ и у Лавелэ, осуществляютъ на практикѣ задачи политической экономіи означало разрѣшать ихъ при помощи раціональнаго законодательства; разница только въ томъ, что Смитъ, пропитанный, подобно фізіократамъ, концепціей естественнаго социальнаго порядка, поставилъ работу законодателя въ зависимость отъ проведенія въ жизнь этого естественнаго порядка. Естественный законъ—это свобода; поэтому работа законодателя должна быть либеральна. Наука въ настоящее время отвергла метафизическое понятіе о естественныхъ законахъ, и споръ идетъ лишь о томъ, существуютъ ли только чисто историческіе законы, которые измѣняются по періодамъ цивилизаціи, или же законы, какъ статическіе, такъ и динамическіе примѣнимы ко всѣмъ цивилизаціямъ. Это социологическій споръ. Лавелэ поступилъ практично и съ пользой для дѣла, оставивъ въ сторонѣ проблему и напирая на то, что человѣческому вмѣшательству въ область социальныхъ фактовъ и ихъ измѣненій должно быть предоставлено широкое поле дѣйствія. Мирный, обыкновенный способъ устраненія борьбы классовъ можно было предвидѣть и ожидать—и это тоже облегчало и подготавливало возникновеніе экономической социологіи, какъ одной изъ основныхъ отраслей позитивной социологіи, гдѣ понятіе о законѣ окончательно теряетъ свой старый

абсолютный характеръ и подъ нимъ разумѣютъ—даже въ его наиболѣе абстрактномъ значеніи—всегда измѣнчивый, но и всегда уравновѣщенный порядокъ вещей или, другими словами, координированное развитіе.

II. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

Разъ на экономію стали смотрѣть, какъ на отдѣльную отрасль общей социологіи, то этимъ самымъ было признано, что полное и правильное разрѣшеніе всякой экономической проблемы находится въ зависимости отъ совокупности данныхъ социологіи. Поэтому логическій методъ политической экономіи теперь уже не можетъ состоять, какъ думалъ Кэрнсъ, исключительно въ томъ, чтобы, основываясь на физическихъ послыкахъ и свойствахъ человѣческой природы, *выводить* отсюда, какъ сложится подъ ихъ вліяніемъ собственно экономическое явленіе; здѣсь нужно принять еще въ расчетъ дѣйствіе, оказываемое другими силами социальной жизни: половыми, эстетическими, коллективно-психологическими, нравственными, юридическими и политическими. Силы эти, будучи болѣе или менѣе измѣнчивы, оказываютъ, однако постоянное дѣйствіе на экономическія явленія и поэтому нельзя исключать ихъ изъ экономической проблемы; исключать можно только случайныя причины. Сказать абстрактно, что *при отсутствіи другихъ силъ* населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ существованія, значитъ—указать, пожалуй, біологическія свойства вида *homo sapiens*, но никакъ не экономической характеръ его, который, будучи социологическимъ, требуетъ полнаго объясненія, а при полномъ объясненіи нельзя игнорировать тѣхъ социальныхъ факторовъ, которые оказываютъ на изучаемое явленіе постоянное дѣйствіе. Другими словами: въ социальной экономіи нельзя оставлять въ сторонѣ социальные факторы. Это похоже на трюизмъ, и тѣмъ не менѣе несоблюденіе этого именно принципа послужило причиною, что Мальтусъ и Рикардо формулировали въ видѣ экономическихъ законовъ простыя наблюденія, выведенныя изъ посылокъ или данныхъ социальной экономіи, данныхъ, которыя по Кэрнсу сводятся къ физическому міру и человѣческой природѣ или, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, къ территоріи и населенію. Экономисты могли, конечно, исходить въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ данныхъ физической природы, но не было никакого основанія строить на этихъ данныхъ всю рѣшительно политическую экономію: послѣдняя присоединяетъ къ этимъ дан-

нымъ рядъ своихъ индукцій и спеціальныхъ законовъ и ей помогаютъ въ этомъ всѣ другія соціальныя науки. Поэтому вполне правильно утверждение Рикардо, что производительность земли не возрастаетъ пропорціонально количеству вложенныхъ въ нее труда и капитала; это—законъ. Но, съ другой стороны, Дж. Ст. Милль совершенно вѣрно замѣтилъ, что законъ уменьшающейся производительности постоянно нейтрализуется въ той или другой степени усовершенствованіями техники и прогрессомъ цивилизаціи. Противорѣчатъ ли оба закона другъ другу? Конечно, нѣтъ, если только признать, какъ это понимаетъ и Милль, что законъ Рикардо изображаетъ только вліяніе, оказываемое отдѣльной причиной — физическими свойствами земли—на производство земледѣльческаго богатства. Это — одно изъ основныхъ данныхъ экономическаго закона, но не экономической законъ въ настоящемъ смыслѣ и тѣмъ болѣе не соціологическій законъ. Законъ Рикардо вѣренъ, если совершенно исключить цивилизацію. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя считать его примѣнимымъ въ томъ случаѣ, когда въ одну и ту же землю при одномъ и томъ же состояніи цивилизаціи вкладывается больше капитала и труда, потому что это увеличеніе капитала и труда уже составляетъ развитіе цивилизаціи, а стало быть и ея измѣненіе.

Словомъ, соціологическая точка зрѣнія въ политической экономіи обязываетъ считаться со всѣми постоянными соціальными факторами, включая въ ихъ число и переменные факторы, дѣйствіе которыхъ можетъ быть постояннымъ; соціологія, а слѣдовательно и соціальная экономія могутъ даже въ абстракціи исключать только пертурбаціонныя причины, имѣющія побочный, временный и случайный характеръ. Эта точка зрѣнія прямо выражена въ опредѣленіи А. Шефлэ: „экономія—это теорія проявленій экономическаго принципа въ соціальной жизни“.

Въ общемъ видѣ трактуемый вопросъ получаетъ такую форму: представляетъ ли политическая экономія науку или просто искусство? существуютъ ли соціологическіе законы? знаемъ ли мы и можемъ ли когда-либо узнать координированную систему постоянныхъ, необходимыхъ соціальныхъ отношеній, имѣющихъ универсальное, абстрактное значеніе и стоящихъ выше преходящихъ историческихъ отношеній? Или вѣрнѣе, не существуютъ ли одни только соціологическіе законы, и, какъ слѣдствіе ихъ, законы экономическіе и историческіе, т.-е. приложимые лишь къ извѣстнымъ періодамъ и извѣстнымъ общественнымъ формамъ?

Такую именно постановку вопроса мы находимъ у Рюмелина въ его *Проблемахъ политической экономіи и статистики*. Въ своихъ *Соціо-*

логічнихъ законахъ и въ другихъ мѣстахъ мнѣ удалось, кажется, доказать, что существуетъ абстрактная соціологія, законы которой существуютъ отдѣльно отъ конкретной, описательной соціологіи. Экономика, по моему мнѣнію, есть отдѣльная отрасль всей системы соціальной науки, т. е. какъ и послѣдняя, она имѣетъ двойственную природу — конкретную и абстрактную, тѣсно, неразрывно связана съ соціальной наукой и обладаетъ всѣми свойствами, которыя мы признаемъ за этой послѣдней.

Такъ какъ политическая экономія есть самая простая и самая общая наука, а изъ экономическихъ явленій и формъ простѣйшими и наиболѣе общими оказываются явленія и формы, относящіяся къ обращенію, то естественно, что первые абстрактные соціальные законы легче всего было открыть въ экономическихъ явленіяхъ и въ частности—въ явленіяхъ, относящихся къ обращенію. Такимъ-то образомъ я формулировалъ абстрактный законъ, что развитіе обращенія характеризуется постояннымъ, необходимымъ сокращеніемъ мертваго вѣса сравнительно съ полезнымъ эффектомъ. Этотъ законъ рельефнѣе всего выступаетъ, напр., въ транспортѣ и торговлѣ, а также въ эволюціи знаковъ, служащихъ представителями обращающихся благъ, т. е. въ эволюціи денегъ. Основываясь на этомъ, можно было бы сказать, что цѣль всей соціальной экономіи—это экономія силъ.

Соціологія учитъ, что историческія или конкретныя общества и общество вообще представляютъ собою огромныя, весьма сложныя надъ-органическія существа, отличающіяся въ количественномъ и отчасти въ качественномъ отношеніи отъ организмовъ, которыми занимается біологія.

Подобно организму, общество имѣетъ органы, аппараты органовъ и системы аппаратовъ съ ихъ соответствующими отправленіями.

Экономика есть одна изъ этихъ системъ, въ которой можно найти тѣ же подраздѣленія. Съ соціологической точки зрѣнія, которая, какъ мнѣ кажется, является господствующей точкой зрѣнія всѣхъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, можно сказать, что экономика есть *основная составная часть соціальной науки, какъ угла соціологіи*), имѣющая своимъ предметомъ изученіе и познаніе абстрактныхъ законовъ строенія и жизни общественныхъ органовъ питанія, а равно условій историческаго и практическаго осуществленія этихъ законовъ.

Стало быть, существуютъ абстрактныя экономическія законы и конкретныя,—постоянныя, необходимыя универсальныя законы и переменныя историческія; словомъ, существуетъ извѣстный порядокъ въ

самыхъ измѣненіяхъ, въ самой исторической эволюціи. Соотвѣтственно съ этимъ существуетъ экономія, какъ абстрактная наука, или *чистая экономія*, и экономія, какъ искусство, или *прикладная экономія*,—*экономія соціальная* и *экономія политическая*.

Экономическія явленія—это самыя общія и самыя простыя явленія; они входятъ въ составъ всѣхъ другихъ соціальныхъ явленій и сами могутъ быть сведены только къ біологическимъ и психическимъ явленіямъ, составляющимъ область непосредственно предшествующихъ наукъ.

Питаніе общества есть первичное, существенное условіе его существованія, сохраненія, роста и прогресса съ точки зрѣнія вида и составляющихъ его индивидуумовъ; формами этого питанія въ обществѣ непосредственно опредѣляются всѣ болѣе спеціальныя и высокія общественныя формы и дѣйствія. Эти послѣднія, напротивъ, оказываютъ на питаніе только косвенное и частное дѣйствіе. Такъ, формы обращенія, собственности, труда вліяютъ на семейную жизнь, искусство, вѣрованія и нравы, на мораль, право и политику.

Такимъ образомъ, всѣ соціальные органы, всѣ аппараты этихъ органовъ и всѣ системы этихъ аппаратовъ въ дѣйствительности сплетены между собою по своему строенію и зависятъ другъ отъ друга въ своихъ функціяхъ; всѣ они, начиная съ самыхъ малыхъ и кончая самыми большими, несутъ общую службу одному цѣлому, имѣющему составную структуру, всѣ части которой координированы между собою.

III. ДѢЛЕНІЕ СОЦІАЛЬНОЙ ЭКОНОМІИ.

Разсматриваемое само въ себѣ, экономическое состояніе всякаго общества представляетъ цѣлостную систему, въ томъ смыслѣ, что всѣ его элементарныя части, его органы и аппараты устроены такъ, что служатъ общимъ потребностямъ всего экономическаго строя и всей экономической жизни; экономическій строй и экономическая жизнь въ свою очередь приспособлены къ структурѣ и жизни всего соціальнаго тѣла.

Такимъ образомъ, всякій соціальный сверхъ-организмъ (*Superorganisme*) состоитъ изъ многихъ тѣсно связанныхъ между собою системъ, которыя, однако, поддаются путемъ абстракціи дѣленію и классифицированію съ точки зрѣнія логики, догматики, исторіи и естествознанія; системы эти—экономика, генетика *), эстетика, кол-

* Что авторъ разумѣетъ подъ генетикой см. стр. 28. *Перев.*

лективна психологія, етика, право и політика. Эта класифікація побудована въ порядку зростаючої складності и спеціальності и убываючої общности и простоты явленій, относящихся къ тому или другому классу.

Въ економічеській системѣ мы различаемъ *аппаратъ обращенія*, (разумѣя подъ этимъ словомъ обмѣнъ и распредѣленіе), *аппаратъ потребленія* и *аппаратъ производства*. Теоріи, касающіяся транспорта, мѣноваго процесса, мѣновой цѣнности, денегъ, кредита и торговли, относятся къ обмѣну благъ; право собственности и налоги—къ распредѣленію.

Экономисты обыкновенно удѣляютъ праву собственности особую главу въ отдѣлѣ *производства*, а налоги иногда относятъ къ *потребленію*, но на самомъ дѣлѣ право собственности и налоги въ ихъ послѣдовательныхъ формахъ являются институтами, относящимися къ распредѣленію богатствъ и общественныхъ повинностей. Они только косвенно связаны съ формами производства и потребленія.

Наконецъ, почти всѣ экономисты совершенно неправильно включаютъ обмѣнъ и мѣновую цѣнность въ отдѣлѣ *производства*.

Каждый изъ аппаратовъ экономической системы—обращеніе, потребленіе, производство—состоитъ изъ бѣльшого или меньшого числа спеціальныхъ органовъ; напр., органами обращенія являются: транспортъ, торговля, деньги, банки и пр.

Вы видите, что я включаю въ аппаратъ обращенія сухопутную и морскую перевозку. Экономисты путемъ страннаго смѣшенія понятій создали изъ этой циркуляціонной по преимуществу и даже первичной функціи отдѣльную отрасль производства подъ названіемъ перевозочной промышленности. Обмѣнъ, торговля, транспортъ составляютъ у нихъ часть организациіи производства (см. особенно у Жида стр. 171 и 202 его „Началь политической экономіи“, 2-е франц. изд. 1884 г.); ассоціациіи, раздѣленіе труда, формы производства или потребленія они включаютъ въ одну рубрику съ орудіями обращенія—деньгами и кредитомъ. Мы же, напротивъ, относимъ транспортъ, мѣновой процессъ, торговлю, кредитъ къ обмѣну благъ и помещаемъ ихъ поэтому въ числѣ формъ обращенія.

Транспортъ относится къ промышленности лишь постольку, поскольку его средства, его предметы оборудованія суть продукты промышленности; таково, на примѣръ, производство судовъ, экипажей и вагоновъ, рельсовъ, паровыхъ машинъ и пр. Помимо производства предметовъ оборудованія транспортъ по существу принадлежитъ къ группѣ органовъ обмѣна въ аппаратѣ обращенія. Наконецъ,

первоначально (да и теперь еще) перевозочнымъ средствомъ служилъ человѣкъ. Какое же это имѣетъ отношеніе къ производству?

Что касается постоянной функціи торговли, даже тамъ, гдѣ нѣтъ обмѣна, то она состоитъ въ перевозкѣ, доставкѣ на складъ и распредѣленіи благъ въ надлежащій *моментъ* въ надлежащемъ *мѣстѣ* и въ надлежащемъ *количествѣ* согласно потребностямъ. Въ этой постоянной функціи и заключается соціальная роль транспорта; что же касается нынѣшнихъ болѣе или менѣе крупныхъ розничныхъ магазиновъ, то это по преимуществу органы потребленія, хотя до нѣкоторой степени они относятся и къ органамъ обмѣна; но во всякомъ случаѣ ихъ нельзя причислять къ органамъ производства.

IV. ОТНОШЕНІЕ СОЦІАЛЬНОЙ ЭКОНОМІИ КЪ ДРУГИМЪ НАУКАМЪ.

Математическія науки, механика, астрономія, физика, химія имѣютъ своимъ предметомъ исключительно изученіе явленій внѣшняго міра; біологія имѣетъ уже болѣе сложный характеръ, такъ какъ жизнь, по опредѣленію Г. Спенсера, есть приспособленіе организма къ средѣ. Психологія, представляющая это приспособленіе въ болѣе специальномъ и сложномъ видѣ, изучаетъ отношенія, существующія между связью явленій внутренняго міра и связью явленій внѣшняго міра.

Общественность—это жизнь въ еще болѣе специальномъ и сложномъ видѣ, рассматриваемая, какъ тройное отношеніе: индивидуумовъ между собою, индивидуумовъ къ соціальнымъ группамъ и однѣхъ соціальныхъ группъ къ другимъ, со включеніемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ окружающей физической среды, которая, впрочемъ, есть составная часть соціальнаго организма. Такъ какъ въ основѣ соціальной жизни лежатъ отношенія, то при изученіи явленій, относящихся къ обращенію, потребленію и производству богатствъ, соціальная экономія никогда не должна упускать изъ виду, что функціи и органы экономической жизни и всѣ относящіяся къ ней явленія имѣютъ характеръ отношеній, и при томъ не простыхъ отношеній, а двойныхъ и тройныхъ, отношеній, такъ сказать, 2-й и 3-й степени, т.-е. существуютъ не только отношенія циркулирующихъ, потребляемыхъ и производимыхъ благъ другъ къ другу, но и этихъ благъ къ человѣческимъ единицамъ, группамъ единицъ и обществамъ, въ которыхъ реализуются экономическія функціи и которыя соединяютъ соціальныя отношенія въ одно цѣлое. Нужно еще прибавить, что существуетъ постоянная связь между благами, чело-

вѣческими единицами и социальными группами, съ одной стороны, и совокупностью условій и связей окружающей внѣшней среды—съ другой. Съ социологической точки зрѣнія внѣшняя среда эта есть въ сущности внутренняя среда, такъ какъ всякая социальная группа представляетъ собою, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, высшую комбинацію двухъ существенныхъ факторовъ всякаго общества: территории и населенія.

Стало быть, экономическая наука всегда должна находиться въ зависимости отъ изученія всей совокупности физическихъ, биологическихъ, психическихъ и социальныхъ условій, составляющихъ среду, въ которой совершаются процессы питанія общества. Среда эта—внутренняя, такъ какъ она безусловно слита съ экономической структурой.

Экономическія явленія сложены изъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ явленій, возведенныхъ въ социальную степень; то же слѣдуетъ сказать о формахъ, органахъ, аппаратахъ органовъ и системахъ аппаратовъ, въ которыхъ реализуются экономическіе факты въ теченіе историческаго развитія.

Отсюда слѣдуетъ, что политическая экономія вовсе не имѣетъ дѣла только съ матеріальной стороной социальной жизни въ отличіе отъ искусства, морали, права и политики, представляющихъ, такъ сказать, ея идеологическую сторону: всякое экономическое явленіе имѣетъ также идеологическій характеръ и всякое идеологическое явленіе имѣетъ также матеріальный характеръ. Экономическія явленія имѣютъ такой сложный составъ наравнѣ со всѣми другими социальными явленіями; это единство композиціи, проявляющееся уже въ психо-физиологіи, продолжается или, вѣрнѣе, достигаетъ своего полного развитія въ социальныхъ явленіяхъ, особенно же въ экономическихъ; само собою разумѣется, что послѣднія имѣютъ свои спеціальныя свойства, которыя проводятъ точную границу между социальной сверхъ-организацией и организацией чисто биологической или био-психической. Но какъ нѣтъ дуализма между тѣломъ и душой, такъ и нѣтъ дуализма между экономическимъ обществомъ и коллективной душой. Эта коллективная душа неразрывно связана со всѣми формами и проявленіями коллективной жизни и въ частности—экономической.

Правда, болѣе передовые экономисты допускали, что существуютъ извѣстныя отношенія между политической экономіей и другими науками, а именно: моралью, правомъ и политикой, но они разумѣли здѣсь просто, такъ сказать, сосѣдскія отношенія. Мы же понимаемъ теперь, что отношенія эти въ истинномъ смыслѣ органиче-

скія, что экономическія структура и жизнь являются составной частью общей структуры и жизни общества, а общая структура и жизнь общества, съ своей стороны, сложена изъ элементовъ какъ неорганической, такъ и органической природы.

Такимъ образомъ, соціальная экономія, какъ наука, находится въ постоянной связи не только съ другими частными соціальными науками, но и со всѣми предшествующими науками. Равнымъ образомъ, она подчинена не только соціологіи, но и общей философіи наукъ. Это справедливо какъ для прикладной или практической экономіи, такъ и для абстрактной или чисто теоретической экономіи. Она связана съ обѣихъ сторонъ со всей совокупностью конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Абстрактныя науки.	Конкретныя науки.	Примѣненіе къ экономикѣ.
1) Математика.	1) Описательная геометрія, строительныя и подражательныя искусства.	1) Межеваніе; кадастръ. Статистика.
2) Механика.		
3) Астрономія.	3) Метеорологія, геодезія, географія.	3) Географія коммерческая, промышленная, сельско-хозяйственная; естественные факторы.
4) Физика.	4) Физика прикладная, промышленная; электричество, магнетизмъ, свѣтъ, гидростатика.	4) Промышленность, земледѣліе.
5) Химія.	5) Минералогія, геологія, стратиграфія, палеонтологія, промышленная и агрономическая химія.	5) Культура и удобреніе; способы эксплуатаціи, сельско-хоз. улучшенія.
6) Физиологія.	6) Ботаника, зоологія.	6) Разведеніе скота; продовольствіе и населеніе, продолжительность труда и плата за него.
7) Психологія.	7) Обученіе, воспитаніе, педагогія.	7) Профессиональныя школы; трата нервной силы при работѣ.
8) Соціологія.	8) Антропологія, мезологія, этнографія, археологія, право и пр.	8) Структура и функціи, эволюція экономическихъ учрежденій; гражданское и промышленное экономическое право и пр.

Съ другой стороны, экономическая наука находится въ отношеніяхъ взаимной связи и зависимости со всѣми другими болѣе сложными и спеціальными общественными науками.

Отношеніе къ генетикѣ: вліяніе экономическихъ формъ на населеніе вообще, на строй и жизнь семьи; дѣйствіе, оказываемое благосостояніемъ на рождаемость, смертность, брачность; дѣйствіе, оказываемое продолжительностью труда и платой за него на домашнюю жизнь; эволюція семейнаго строя и понятія о семьѣ на разныхъ ступеняхъ экономического развитія общества и пр. Подтвержденіе этой связи фактомъ смѣшенія въ прежнее время политической экономіи съ домашней (*οἶκος, νόμος*).

Отношеніе къ эстетикѣ: прямая связь эстетическаго чувства съ органической жизнью и въ частности съ питаніемъ, согласно послѣднимъ даннымъ психологіи (Lange, Sergi); досугъ, черезъ посредство котораго искусство прямо производится изъ экономической жизни; необходимость извѣстнаго фізіологическаго и экономического досуга для проявленія искусства; промышленныя искусства, какъ соединительное звено между промышленностью и изящными искусствами: общая зависимость искусствъ отъ экономическихъ условій и учрежденій, отъ кастъ, классовъ и пр.

Отношеніе къ вѣрованіямъ или коллективной психологіи: религіозныя, метафизическія и научныя концепціи экономического строя. Примѣры: концепція труда, данная библіей и католицизмомъ, метафизическая концепція сестественнаго экономического порядка въ обществѣ; соціологическая концепція соціальной экономіи; примѣненіе индуктивнаго и научнаго методовъ къ изученію экономіи.

Отношеніе къ этикѣ: нравы или закрѣпленіе и обобщеніе обычныхъ способовъ поведенія въ обществѣ, опредѣляемыхъ въ общемъ экономическими условіями. Примѣры: дѣтоубійство и самоубійство. Далѣе, происходящее, согласно экономическимъ условіямъ, чередованіе морали религіозной, метафизической, позитивной, эгалитарной и не-эгалитарной, альтруистической и эгоистической, мирной и военной, капиталистической, буржуазной и соціалистической. Беспорядочное половое общеніе, фактическая, если не узаконенная полигамія, проституція находятся въ связи съ экономическими условіями. Условная ложь частной и публичной морали, опредѣляемая главнымъ образомъ реальной экономической жизнью, которая и обнаруживаетъ лицемѣріе этой морали; примѣръ: такъ называемое христіанское братство. Слабое воздѣйствіе прогрессивной морали на экономической строй, доказываемое незначительнымъ вліяніемъ нравственныхъ совѣтовъ и разсужденій на фактическое поведеніе. Постоянная подчиненность нравственнаго идеала экономическому.

Отношеніе къ праву: подчиненность экономическому праву всѣхъ другихъ отдѣловъ права, какъ гражданскаго, такъ и публичнаго; личное право, семейственное, наслѣдственное, обязательственное и вещное, право гражданское и публичное, національное и международное находятся всегда въ связи съ экономическимъ состояніемъ общества. Въ Спартѣ воровство между спартиатами было неизвѣстно. Законодательство покоится самымъ существеннымъ образомъ на экономическомъ базисѣ: законы гражданскіе, торговые, промышленные, рабочій договоръ, законы о художественной и литературной собственности; сравнительно съ правомъ, экономія даетъ высшее и точнѣйшее опредѣленіе юридическихъ нормъ и санкцій. Каждый новый экономическій періодъ требуетъ и особаго новаго права. Экономическое право регулируетъ посредствомъ коллективнаго принужденія экономическія отношенія, не вошедшія еще въ достаточной степени въ нравственное сознаніе. Примѣчаніе: въ настоящее время происходитъ пересмотръ нашего гражданскаго уложенія, совершающійся отрывочно и безсистемно, и изъ экономистовъ никто не приглашенъ въ комиссію пересмотра для ознакомленія ея съ дѣйствительнымъ состояніемъ экономическихъ отношеній, которыя такъ измѣнились со времени изданія кодекса Наполеона. А между тѣмъ, основаніемъ для построенія новаго права должны служить именно экономическія отношенія.

Отношеніе къ политикѣ. Экономическая наука находится въ связи съ управленіемъ всей коллективной жизнью, составляющимъ предметъ политики. Это управленіе, плохо или хорошо организованное при посредствѣ политическихъ учреждений, относящихся къ представительству, обсужденію и осуществленію различныхъ соціальныхъ интересовъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, экономическими интересами, какъ внутренними, такъ и внѣшними; существуетъ не только національная, но и международная экономическая политика. Большее или меньшее сдѣпленіе между элементами экономической организациі какъ внутренней, такъ и внѣшней, находится въ прямой связи съ состояніемъ мира или войны, будь то война гражданская или чисто политическая; между политическими и гражданскими войнами разница только въ степени; соціальныя войны, опредѣляемыя экономическими конфликтами, могутъ быть интенсивнѣе внѣшнихъ войнъ, которыя, впрочемъ, тоже преслѣдуютъ—сознательно или безсознательно—экономическія цѣли. Сама по себѣ война не всегда имѣетъ политическій характеръ, но она имѣетъ тенденцію стать таковой, когда она разыгрывается на экономической почвѣ. Политика находится также въ связи съ организаціей классовъ внутри страны

и організаціей соціальныхъ группъ за-границею, группъ, между которыми тоже происходитъ борьба за преобладаніе, преслѣдующая, главнымъ образомъ, экономическія задачи. Политика стоитъ, такимъ образомъ, въ связи съ различными экономическими системами: меркантилизмомъ, протекціонизмомъ, свободой торговли, социализмомъ, системой торговыхъ договоровъ (контрактурализмомъ). Политическія формы, какъ національныя, такъ и международныя, стоятъ въ связи съ экономическимъ строемъ, которымъ онѣ и опредѣляются. Съ неизбѣжнымъ при господствѣ капиталистической конкуренціи расширеніемъ рынковъ обнаруживается неизбѣжная тенденція къ расширенію и концентраціи государствъ, путемъ проведенія въ жизнь идеи имперіализма, что мы видимъ не только въ Россіи и Германіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и въ мелкихъ государствахъ съ интенсивнымъ промышленнымъ и капиталистическимъ режимомъ, подобно Бельгіи. Это расширеніе могло бы быть осуществлено просто договорнымъ путемъ при установленіи высшаго соціального строя и могло бы выразиться въ созданіи ряда представительныхъ, совѣщательныхъ и исполнительныхъ органовъ, начиная отъ простыхъ фабричныхъ совѣтовъ и крестьянскихъ сходокъ и кончая большимъ международнымъ представительствомъ всѣхъ крупныхъ соціальныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, международная политическая федерація, покоящаяся на мирномъ экономическомъ базисѣ, смѣнила бы большія военныя государства, оспаривающія другъ у друга верховенство, которое всегда будетъ неустойчивымъ и никогда не осуществится въ полной мѣрѣ.

V. МЕТОДЪ СОЦІАЛЬНОЙ ЭКОНОМІИ.

Методомъ различныхъ соціальныхъ наукъ,—экономики, генетики, коллективной психологіи, эстетики, этики, права и политики,—служитъ историческій методъ, который представляетъ собою только расширеніе и усовершенствованіе общаго метода наблюденія. Историческій методъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ изученію этихъ наукъ; по своей гибкости это орудіе наблюденія болѣе всего приспособлено къ объему, массѣ, сложности и пластичности соціальныхъ явленій.

Историческій методъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; хотя онъ примѣняется въ особенности къ эволюціонной или динамической сторонѣ фактовъ, учреждений и обществъ, тѣмъ не менѣе, какъ методъ описательный по существу, онъ годится

и для изученія ихъ структуры, т. е. статики. Статистика даетъ обѣ эти стороны—статическую и динамическую; она представляетъ собою историческій приемъ, принаровленный для наблюденія элементарныхъ количественныхъ явленій соціальной экономіи; она примѣнима въ особенности къ соціальнымъ элементамъ, рассматриваемымъ сами въ себѣ,—элементамъ, сплетеніе которыхъ образуетъ учрежденія или органы, аппараты и системы, изъ коихъ слагается всякое общество. Статистика—наука аналитическая и абстрактная, между тѣмъ какъ исторія—наука, главнымъ образомъ, описательная, синтетическая и конкретная. Хотя исторія показываетъ намъ по преимуществу послѣдовательность и развитіе соціальныхъ фактовъ, послѣдовательный порядокъ ихъ измѣненія и эволюціи, а статистика—порядокъ ихъ сосуществованія, тѣмъ не менѣе послѣдняя въ тѣхъ случаяхъ, когда она охватываетъ болѣе или менѣе длинные періоды, обладаетъ также историческими свойствами. Всякая діаграмма, обнимающая опредѣленное количество наблюденій одного рода, относящихся къ извѣстному періоду времени, представляетъ въ формѣ чертежа историческое описаніе; если рассматриваемый періодъ допускаетъ мало измѣненій или вовсе ихъ не допускаетъ, то мы имѣемъ дѣло со статикой явленій, въ противномъ случаѣ—съ ихъ динамикой, и это послѣднее имѣетъ мѣсто тогда, когда наблюденія, изображенныя въ формѣ діаграммы, распространяются на длинные періоды времени вмѣсто того, чтобы ограничиться небольшимъ числомъ лѣтъ, такъ какъ измѣненія, происшедшія въ короткій промежутокъ времени, не всегда могутъ быть подмѣнены и оцѣнены и почти не привлекаютъ къ себѣ вниманія.

Науку можно считать сложившейся только тогда, когда она имѣетъ свой методъ, орудіе, приспособленное къ предмету ея изученія, и затѣмъ—когда всѣ ея элементы, вся область ея, начиная съ самыхъ поверхностныхъ частей и кончая самыми глубокими, начиная съ самыхъ сложныхъ и кончая самыми простыми, въ точности изучены и подвергнуты анализу.

Такимъ образомъ, статистика, какъ методъ, естественно лежитъ въ основѣ экономической науки; она—главная книга, въ которую записываются кредитъ и дебетъ повседневной соціальной жизни; отъ нея мы получаемъ цифровыя данныя, итоги и балансы нашей экономической и даже соціологической дѣйствительности.

Аналитическій и историческій методы—это спеціальныя, дополнительные формы общаго метода наблюденія, т. е. индуктивнаго метода.

Свойственный соціальнымъ наукамъ, а потому и экономикѣ исто-

рической методъ не составляетъ, однако, ихъ исключительнаго достоянія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, появленіе его въ социальной наукѣ повело къ распространенію его на всѣ предшествующія науки, а во вторыхъ—методы, свойственные предшествующимъ наукамъ, въ свою очередь примѣняются ко всѣмъ социальнымъ наукамъ, не исключая и экономики.

Какими методами пользуются предшествующія науки?

1) Математика и астрономія пользуются методомъ прямого и косвеннаго наблюденія;

2) механическія и физико-химическія науки — методомъ наблюденія+экспериментальный методъ;

3) біологическія науки — двумя предыдущими + сравнительный методъ;

4) психологія—тремя предыдущими+логическіе методы, т. е. методы познанія, согласные съ законами строенія и функціонированія человѣческаго духа.

Къ этимъ логическимъ методамъ или приемамъ относятся дедукція и индукція. Индукція имѣетъ различныя формы: методъ согласія, методъ разницы, методъ остатковъ и методъ сопутствующихъ измѣненій. Послѣдній приемъ имѣетъ наибольшее значеніе для объясненія социальныхъ и, въ частности, экономическихъ фактовъ.

Примѣры примѣненія логическихъ методовъ къ объясненію экономической жизни (заработной платы) въ ея отношеніяхъ къ половой жизни (незаконнымъ рожденіямъ) я представилъ въ своихъ *Соціологическихъ законахъ* * и въ *Общей элементарной соціологіи* **;

5) социальныя науки, слѣдовательно и экономика, пользуются четырьмя главными предыдущими методами+историческій методъ.

Въ другомъ мѣстѣ я показалъ также, что, въ силу взаимной связи между социальными фактами и относящимися къ нимъ социальными науками, методы ихъ обладаютъ и обратной силой, такъ что примѣненіе болѣе сложныхъ отражается на менѣе сложныхъ. Такъ и историческій методъ, свойственный социальнымъ наукамъ, въ концѣ концовъ оказалъ вліяніе на всѣ предшествующія науки, содѣйствуя ихъ усовершенствованію путемъ изученія ихъ историческаго развитія. Изучая процессъ открытій въ сферѣ промышленности, историческій методъ является могучимъ пособникомъ въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній, знакомство съ историческимъ ходомъ развитія cadaго орудія направляетъ изобрѣтателей

* Стр. 106—112, 3-го французскаго изданія.

** Стр. 14—15 и 91—92.

по пути дальнѣйшихъ усовершенствованій. Точно также знаніе исторіи способствуетъ развитію и выясненію нашихъ идеаловъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Въ настоящее время почти никто уже не споритъ противъ примѣнимости различныхъ методовъ прямого и косвеннаго наблюденія къ изученію экономическихъ фактовъ. Исключеніе составляетъ только экспериментальный методъ. Будучи свойственъ физико-химическимъ наукамъ, онъ уже примѣненъ въ біологіи и психологіи, но еще отрицаютъ возможность его примѣненія въ соціальныхъ наукахъ и, въ частности, въ экономической наукѣ.

Возраженія сводятся къ невозможности или, по крайней мѣрѣ, къ трудности искусственно создать условія опыта, т. е. среду, необходимую для проявленія феномена, который желаютъ произвести или воспроизвести. Трудность эта происходитъ отъ многообразія и сложности соціальной среды, и затѣмъ—отъ ея чрезвычайной подвижности и пластичности.

Такое же возраженіе было выдвинуто и тѣми учеными, которые, подобно г. де-Роберти и по примѣру Ог. Конта, полагаютъ, что соціальныя явленія недѣлимы и не поддаются классифицированію.

Я отвѣчаю на это:

1) Потому именно, что соціальная среда сложнѣе, пластичнѣе, измѣнчивѣе біологической и психической, а въ особенности физической, по этой именно причинѣ она легче поддается модификаціямъ и экспериментамъ, какъ мы это вообще видимъ по мѣрѣ перехода отъ самыхъ простыхъ и общихъ наукъ къ болѣе сложнымъ и спеціальнымъ. Начиная отъ физики и особенно отъ химіи, науки становятся все болѣе экспериментальными; біологія и психологія сдѣлались таковыми позже всѣхъ, и очередь дойдетъ, наконецъ, и до соціологіи. Конечно, здѣсь встрѣчаются большія затрудненія, чѣмъ и объясняется медленное развитіе экспериментальнаго метода въ этихъ наукахъ.

2) Исторія постоянно повторяется, хотя и при мѣняющихся условіяхъ; она даетъ намъ, слѣдовательно, аналогичныя соціальныя среды, или, по крайней мѣрѣ, достаточно аналогичныя для созданія правильнаго опыта; логическіе приемы даютъ намъ возможность устранять случайныя измѣненія и наиболѣе измѣнчивыя условія, чтобы получить такимъ образомъ постоянные законы, которые становятся прочнымъ основаніемъ нашего соціальнаго предвидѣнія. Выраженіе „опытъ исторіи“, пользующееся почти вездѣ правомъ гражданства, представляетъ только неудачную формулу, которую практической инстинктъ общества противопоставляетъ хитросплетеніямъ метафизиковъ соціальной экономіи.

3) Обычай и законъ представляютъ собою, по меньшей мѣрѣ, практическое и эмпирическое закрѣпленіе и координированіе традицій, т. е. накопленнаго опыта. Законодательство иногда само производитъ опыты, которые могутъ быть вполне научными, если элементы ихъ хорошо изучены, классифицированы, координированы, если они подверглись методическому наблюденію и при этомъ сдѣланы правильные выводы. Сравнительное изученіе законодательствъ можетъ разсматриваться, какъ одна изъ формъ опыта, если его дополнить сравненіемъ дѣйствій законовъ при болѣе или менѣе аналогичныхъ средахъ. Съ этой точки зрѣнія общество можетъ, напримеръ, какъ это показалъ Donnat въ своей *Экспериментальной политикѣ*, испытать дѣйствіе закона въ предѣлахъ одной мѣстности, прежде чѣмъ распространить его на все общество.

4) При этихъ условіяхъ отдѣльныя личности и особенно группы и государства могутъ производить соціальные эксперименты, въ томъ числѣ и экономическіе. Само собою разумѣется, что коллективная личность въ этомъ отношеніи является болѣе сильнымъ экспериментаторомъ, чѣмъ индивидуумъ. Но не исключается и личная инициатива, при чемъ дѣятельность индивидуума тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше его реформаторскіе опыты соответствують реальнымъ общественнымъ потребностямъ.

Впрочемъ, на этотъ путь выступили только недавно. Частные и коллективные опыты производились, по собственному побужденію или по предписанію закона, въ сферѣ продолжительности труда, минимума заработной платы, формы производства и отношеній между капиталомъ и трудомъ. Учрежденныя въ передовыхъ странахъ министерства труда съ ихъ необходимыми вспомогательными учрежденіями — центральными статистическими бюро, приводящими въ систему наблюденія спеціальныхъ органовъ, сдѣлались настоящими орудіями коллективнаго наблюденія и опыта. Международное учрежденіе могло бы, въ свою очередь, заняться приведеніемъ въ систему наблюденія и опытъ отдѣльныхъ странъ и выработать главныя основанія международнаго законодательства о трудѣ или даже новаго экономическаго права для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вообще, а также и тѣ столь же необходимыя нормы, которыми должны регулироваться отношенія цивилизованныхъ народовъ къ низшимъ расамъ для предотвращенія разнузданной эксплуатаціи съ нашей стороны.

Приведемъ примѣръ соціальнаго эксперимента, относящагося къ ограниченію продолжительности труда, на основаніи таблицъ, напечатанныхъ у Луйо Brentano.

А. Состояніе хлопчато-бумажной промышленности
въ Англіи съ 1835 по 1890 г.

Годъ.	Число прядиль- ныхъ и ткацкихъ заведеній.	Число веретенъ.	Число ткацкихъ станковъ.	Число механиче- скихъ станковъ.	Число рабочихъ.
1835	1202	?	?	109,626	220,134
1839	1819	?	?	?	259,336
1850	1932	20.977,017	?	248,627	330.924
1870	2483	33.995,221	3.723,521	440,676	450,087
1874	2655	37.515,772	4.366,017	463,118	479,515
1879	2674	39.527,920	4.678,770	514,911	482,903
1885	2635	40.120,451	4.228,470	560,955	504,069
1890	2538	40.111,934	3.992,835	615,714	528,795

Въ 1847 г., не смотря на сильную оппозицію фабрикантовъ, былъ изданъ законъ, ограничивающій женскій и дѣтскій трудъ на всѣхъ фабрикахъ 10 часами въ сутки и 58 часами въ недѣлю. Противники закона утверждали, что сократится производство, что необходимость прибѣгать къ все большему употребленію машинъ повлечетъ за собою уменьшеніе числа рабочихъ, что вывозъ сократится, цѣны поднимутся и потребленіе уменьшится.

Приведенная таблица показываетъ, однако, что, не смотря на развитіе машинъ, число рабочихъ правильно растетъ, и этому не воспрепятствовало также кризисъ послѣднихъ годовъ.

В. Потребленіе хлопка въ Англіи и вывозъ его.

Г о д ы.	Потребленіе хлоп- ка-сырца въ тыс. фунт. стерл.	Вывозъ хлоп.-бу- мажн. тканей въ мил. фунт. стерл.
1846 — 1850	581,680	25,33
1851 — 1855]	748,250	31,84
1871 — 1875	1.259,380	
1881 — 1885	1.438,910	1888 г. 70,54

Мы видимъ, что потребленіе въ Англіи необычайно развилось, а экспортъ возросъ почти въ той же пропорціи.

Оппозиція прекратилась со времени кодификаціи фабричныхъ законовъ въ 1878 г.

Но, быть можетъ, ограниченіе продолжительности женскаго и дѣтскаго труда повлекло за собою увеличеніе издержекъ производства, такъ какъ женщины и дѣти стали меньше работать и вслѣдствіе этого пришлось увеличить число взрослыхъ рабочихъ или машинъ? Факты даютъ на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ.

А. Прядильное производство.

Годы.	Сумма производ- ства въ годъ (въ тыс. ф. ст.).	Число рабочихъ.	Сумма производ- ства на одного рабочаго.	Плата за трудъ по разсчету на 1 ф. ст. произ- водства.	Средняя зара- ботная плата въ годъ.
1844—1846	523,300	190,000	2,754	2 шил. 3 п. 28 ф. ст.	12 ш.
1859—1861	910,000	248,000	3,671	2 „ 1 „ 32 „	10 „
1880—1882	1.324.900	249,000	5,520	1 „ 9 „ 44 „	4 „

В. Ткацкое производство.

1844—1846	348,110	210,000	1,658	3 шил. 5 п. 25 ф. ст.	10 ш.
1859—1861	650,870	203,000	3,206	2 „ 9 „ 30 „	15 „
1880—1882	993,540	246,000	4,959	2 „ 3 „ 39 „	30 „

Слѣдовательно, издержки производства уменьшились, а сумма производства увеличилась; производительность труда возросла, и вмѣстѣ съ этимъ повысился также заработокъ рабочаго.

Слѣдствіемъ этого эксперимента было возбужденіе вопроса объ урегулированіи и ограниченіи продолжительности труда взрослыхъ рабочихъ.

Вмѣшательство закона въ сферу труда взрослыхъ рабочихъ впервые коснулось желѣзныхъ дорогъ. Согласно *Railway Regulation Act*, если продолжительность труда на желѣзныхъ дорогахъ чрезмѣрна, то рабочій можетъ обратиться съ жалобой въ департаментъ труда, который въ правѣ вмѣшаться и установить ограниченіе рабочаго дня въ разумныхъ предѣлахъ.

Быль внесенъ также проектъ закона, ограничивающаго наибольшую продолжительность труда въ копияхъ семью часами, но онъ не прошелъ. Въ дѣйствительности, однако, рабочій день въ ко-

няхъ почти не превышаетъ 8 часовъ, чѣмъ и объясняется непріязненное отношеніе нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ къ вмѣшательству государства въ эту область.

Въ февралѣ 1894 г. восьмичасовой рабочій день введенъ въ силу административнаго распоряженія почти во всѣхъ казенныхъ предприятияхъ Англіи, въ томъ числѣ въ арсеналахъ.

Таковы коллективные національные эксперименты, произведенные посредствомъ законодательнаго или административнаго вмѣшательства. Точно такимъ же образомъ могутъ поступать отдѣльныя лица или группы лицъ, не дожидаясь принятія общихъ мѣръ.

Въ 1893 году одна рочдэльская фирма уменьшила продолжительность труда съ 55 на 48 час. въ недѣлю, оставивъ заработную плату безъ измѣненія, и это, повидимому, не вызвало никакого сокращенія производства.

Нѣкій Макальпинъ, крупный шахтовладѣлецъ, которому принадлежатъ, между прочимъ, Альтамскія угольныя копи, что вблизи Акрингтона, ввелъ въ видѣ опыта для рабочихъ, занятыхъ въ этихъ копияхъ, въ числѣ 1000 чел., восьмичасовой рабочій день безъ уменьшенія заработной платы. Убѣдившись въ томъ, что производство не сократилось, онъ ввелъ эту мѣру, т. е. 48 час. работы въ недѣлю, и для рабочихъ, занятыхъ на поверхности земли, а также для грузчиковъ (1894 г.).

Отмѣтимъ еще очень хорошо обставленный въ научномъ отношеніи экспериментъ, произведенный, нѣкоторое время спустя, гг. Матеръ и Платъ на ихъ *Salford Iron Works*, близъ Манчестера, на которыхъ занято 1200 рабочихъ. Хотя опытъ этотъ произведенъ былъ при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, въ моментъ общаго угнетеннаго состоянія промышленности, во время стачки, руководимой изъ центра, и при сильной иностранной конкуренціи, тѣмъ не менѣе результаты получились замѣчательные.

Наблюденія дѣлались ежедневно и записывались съ большою точностью; регистрація велась въ теченіе года. Вотъ выводы:

Что касается заработной платы, то сокращеніе продолжительности труда повлекло за собою экономію въ издержкахъ производства на 0,4%, что вполне возмѣщаетъ потерю въ 0,4%, происшедшую вслѣдствіе увеличенія расхода на заработную плату;

произошла экономія въ непроизводительной тратѣ времени;

производство не сократилось даже у работающихъ сдѣльно.

Въ 1892 г. Германія ограничила продолжительность труда взрослыхъ работницъ 11 часами. Въ 1893 г. насчитывалось въ германской промышленности 616,620 работницъ.

Официальные отчеты фабричных инспекторов Эльзась-Лотарингии и Дюссельдорфского округа, где в 1894 г. занято было в ткацком и прядильном производствах 98,000 работниц, свидетельствуют, что благодаря закону:

- 1) качество труда улучшилось, а именно, вследствие:
 - a) введения усовершенствованных машин скорого действия;
 - b) употребления материалов высшего качества;
 - c) более правильной организации труда;
 - d) более однообразного распределения заказов по дням недели;
 - e) лучшей утилизации способностей рабочих.

Следовательно, с точки зрения производства реформа оказалась выгодной.

- 2) Что же касается выгод для рабочих, то
 - a) в начале думали, что закон будет иметь своим последствием вытеснение женщин мужчинами, так как продолжительность труда последних не была ограничена. На самом деле этого не случилось; напротив, число взрослых работниц увеличилось в 1893 и 1894 гг.;
 - b) в Эльзась-Лотарингии заработная плата как мужчин, так и женщин повысилась, так как увеличилась производительность труда.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, что экспериментальный метод применим и в экономии, что экспериментатор может произвести здесь искусственное сочетание условий, чтобы изучить явление и сделать подлежащие выводы*.

Не следует также забывать, что политическая экономия находится в связи не только с другими социальными науками, но и со всеми предшествующими науками, в том числе с физиологией и психологией.

Поэтому, хотя длина рабочего дня варьирует в зависимости от условий экономической структуры—обращения, производства и их техники, тем не менее вопрос о нормальной продолжительности труда, взятый с более общей точки зрения, зависит от законов органической и технической жизни.

Это очень хорошо выяснили Моссо и Бине в своих трудах об умственном и физическом переутомлении,—трудах, основан-

* За подробностями, касающимися опытов введения 8 часового рабочего дня, отсылаю читателя к замечательному труду Джона Рэ: *Восьмичасовой рабочий день. Теория и сравнительное изучение его применения и экономических и социальных результатов*. 1900.

ныхъ, главнымъ образомъ, на экспериментальномъ методѣ. Не потому ли экономическія явленія дѣлаютъ необходимымъ примѣненіе экспериментальнаго метода, что съ общей точки зрѣнія они находятся въ зависимости отъ органическихъ наукъ? Добавимъ еще, что черезъ посредство этихъ наукъ соціальная экономія соединяется, сверхъ того, прямо съ физико-химическими науками, а методомъ, свойственнымъ этимъ послѣднимъ, является именно методъ экспериментальный.

Изъ всего изложеннаго мы въ правѣ, слѣдовательно, заключить, что экспериментальный методъ примѣнимъ въ экономіи не менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ соціальныхъ наукахъ.

Введеніе въ исторію соціальной экономіи.

Методомъ, наиболѣе пригоднымъ для различныхъ соціальныхъ наукъ, является, какъ мы видѣли, методъ историческій; онъ болѣе всего подходитъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій. Слѣдовательно, историческій методъ примѣнимъ также въ экономической наукѣ.

Историческій методъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; хотя онъ имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, эволюцію соціальныхъ формъ и рассматриваетъ соціальныя явленія съ динамической стороны, тѣмъ не менѣе при этомъ имѣетъ мѣсто и описаніе явленій со стороны ихъ статики, т. е. въ состояніи равновѣсія, на ограниченномъ пространствѣ и въ опредѣленный моментъ или даже—путемъ абстракціи—безъ различія мѣста и времени, т. е. въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Сверхъ того, историческій методъ имѣетъ своимъ предметомъ изученіе не только соціальныхъ формъ, но и ихъ составныхъ элементовъ, изученіе гистологіи обществъ. Эту роль исполняетъ статистика. Статистика со своимъ двойственнымъ характеромъ—статическимъ и динамическимъ—примыкаетъ также къ исторіи: она беретъ у нея матеріаль и приводитъ его въ порядокъ путемъ счета и группировки; она—великій резервуаръ соціальныхъ и, въ частности, экономическихъ фактовъ.

Статистика лежитъ въ основѣ всей описательной и конкретной соціологіи, точно такъ же, какъ эта послѣдняя есть необходимый фундаментъ для построенія абстрактной соціологіи.

Діаграммы въ соціальной экономіи показываютъ въ формѣ чертежей эволюцію различныхъ элементовъ, входящихъ въ экономичес-

кую структуру и жизнь общества; онъ, слѣдовательно, тоже имѣютъ историческій характеръ.

Вы видите, что въ соціальной экономіи историческій методъ есть примѣненіе и распространеніе индуктивнаго метода вообще. Это—орудіе, которое по своей силѣ, размѣрамъ, гибкости и постоянству приспособлено къ послѣдовательному и глубокому наблюденію явленій, отличающихся сложностью и охватывающихъ большія пространства и значительные промежутки времени.

Въ самомъ дѣлѣ, соціальные факты обладаютъ протяженностью и непрерывностью не только какъ факты сосуществующіе, но и какъ факты, послѣдовательно развивающіеся въ пространствѣ и во времени; ихъ масса и сложность велики; поэтому они превосходятъ органическія и особенно неорганическія явленія по своей измѣнчивости, пластичности и способности къ модификаціямъ.

Историческій методъ имѣетъ то драгоцѣнное преимущество, что онъ даетъ намъ возможность воссоздать въ своемъ представленіи эту непрерывность въ послѣдовательномъ развитіи фактовъ, въ ихъ соотношеніи съ точки зрѣнія статики и взаимной зависимости съ точки зрѣнія динамики.

Исторія соціальной экономіи обнимаетъ не только исторію экономическихъ вѣрованій и доктринъ, не только исторію идей. Мы не принадлежимъ къ той старой школѣ, которая полагала, что міромъ управляютъ идеи или Идея; напротивъ, идея—это только болѣе или менѣе точный образъ внѣшнихъ раздраженій, болѣе или менѣе ясный отвѣтъ на вопросы, непрерывно поднимаемые физической или соціальной внѣшней средой и обращаемые то къ индивидууму, то къ коллективной личности. Психическая жизнь, а слѣдовательно, и научная жизнь, которая служитъ ея выраженіемъ, есть только приспособленіе, согласованіе съ окружающимъ; она нѣчто иное, какъ отношеніе.

Даже въ области психологіи, какъ индивидуальной, такъ и коллективной, чувства и эмоціи оказываютъ болѣе интенсивное и общее дѣйствіе, чѣмъ идеи, а чувства и эмоціи, въ свою очередь, находятся подъ вліяніемъ практическихъ дѣйствій, главнымъ образомъ, рефлекторныхъ, произвольныхъ, отчасти бессознательныхъ.

Свести экономическую исторію къ изложенію идей и доктринъ значитъ сдѣлать ее безусловно неполной, непонятной и ошибочной; кромѣ того, она будетъ фатально стремиться приписывать отдѣльнымъ концепціямъ преувеличенное значеніе, придавать имъ соціальную цѣнность. Коллективная работа всегда важнѣе единичной; теоретикъ только классифицируетъ и координируетъ разсѣянные

отрывочныя идеи и концепціи; послѣднія, въ свою очередь, имѣютъ своимъ источникомъ практическую дѣятельность, акты текущей жизни. Вообще, идеи и еще болѣе—теоріи всегда идутъ позади фактовъ.

Тѣмъ не менѣе, въ силу относительности, присущей всякому знанію,—разъ идея и теорія формулированы, то онѣ, въ свою очередь, оказываютъ воздѣйствіе на факты, на практическую дѣятельность и учрежденія.

Слѣдовательно, экономическія идеи и теоріи мы должны объяснить соціальными чувствами, соціальныя чувства—сознательными или безсознательными волевыми дѣйствіями, волевыя дѣйствія—необходимостью индивидуальнаго или коллективнаго приспособленія. Экономическія теоріи являются поэтому только систематизаціей частныхъ идей, всплывающихъ на поверхность обширнаго бурнаго моря нашихъ чувствъ и эмоцій. Точно также и экономическіе институты—это координированная систематизація разсѣянныхъ, несвязанныхъ фактовъ практической жизни.

Необходимость такого способа объясненія подтверждается тѣмъ, что въ первобытномъ обществѣ идеи и вѣрованія находятъ себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ актахъ и учрежденіяхъ, подобно тому, какъ мы узнаемъ потребности и чувства дѣтей по ихъ жестицамъ, крику и мимикѣ.

Мы думаемъ также, что исторія политической экономіи нераздѣльно связана съ исторіей пракческаго и теоретическаго социализма; вотъ почему мы озаглавили нашъ очеркъ: „Исторія соціальной экономіи“.

Наша точка зрѣнія дѣйствительно отличается полнотой, потому что это—соціологическая точка зрѣнія.

Индивидуумъ и общество, разсматриваемые отдѣльно, представляютъ собою абстракціи, изъ которыхъ одна лишь сектантская метафизика могла сдѣлать не только разныя, но и противоположныя сущности; индивидуализмъ и социализмъ суть историческія стадіи экономической жизни и мысли; въ позитивной соціологіи они должны слиться. *

Разсматриваемая съ этой широкой практической и теоретической точки зрѣнія, исторія соціальной экономіи имѣетъ то преимущество, что она посвящаетъ насъ въ тѣ великія проблемы, которыми

* Развитие этого взгляда см. въ моихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „*Humanité Nouvelle*“, октябрь 1898 г. и слѣд.

всегда, главнымъ образомъ, занималась экономическая наука и продолжаетъ заниматься до сихъ поръ. Эти проблемы предстанутъ предъ нами въ болѣе живой и тѣсной связи со всей исторіей общества (какъ это и имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности) и поэтому будутъ гораздо лучше освѣщены и поняты, чѣмъ это могло бы сдѣлать чисто догматическое изложеніе экономіи.

Историческая и соціологическая точка зрѣнія сама по себѣ причитъ насъ къ необходимой въ соціальныхъ наукахъ идеѣ трансформизма, совершающагося съ извѣстной правильностью и въ извѣстномъ направленіи, при чемъ эта правильность и это направленіе выступаютъ съ возрастающей очевидностью по мѣрѣ того, какъ исторія освобождается отъ своего таинственнаго покрывала. Разсмотрѣніе историческаго движенія отдѣльныхъ цивилизацій — прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, въ связи съ разсмотрѣніемъ всей вообще цивилизаціи въ совокупности, придастъ исторіи соціальной экономіи истинно-философскій, т. е. соціологическій характеръ. Мы будемъ лучше подготовлены къ пониманію темныхъ подчасъ деталей науки, если высота, на которую мы поднимемся съ самаго начала, направитъ наше вниманіе на крупныя линіи картины, детали которой будутъ развертываться передъ нами постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ приближаться къ отдѣльнымъ историческимъ періодамъ и областямъ.

Исторія экономическаго развитія, разсматриваемаго, какъ развитіе отдѣльныхъ обществъ и всей цивилизаціи вообще, дастъ намъ возможность лучше опредѣлить, какое направленіе приметъ будущая эволюція; исторія — это самый поучительный и богатый результатами опытъ; ея изученіе развиваетъ не только наши знанія, но и нашу власть въ отношеніи предвидѣнія и предусмотрѣнія.

Въ то же время исторія раскроетъ предъ нами постоянную соціальную функцію какъ теоретической, такъ и практической экономіи, а вѣдь позитивное опредѣленіе предмета экономической науки и практической экономіи можетъ быть только результатомъ познанія этой постоянной абстрактной функціи всѣхъ побочныхъ и временныхъ варіацій и пертурбацій.

То же самое нужно сказать, въ частности, объ исторіи экономическихъ доктринъ. Доктрина — это общая, координированная концепція знаній, которыя, будучи первоначально безсвязными, въ концѣ-концовъ слагаются въ систему или въ цѣлостную философію. Поэтому, объясненіе образованія и содержанія доктринъ слѣдуетъ искать въ отрывочныхъ идеяхъ или даже въ чувствахъ и дѣйствіяхъ, поставленныхъ въ связь съ вызвавшими ихъ потребностями; въ против-

номъ случаѣ исторія эволюціи доктринъ превратится въ кладбище, гдѣ только возвышаются пышные надгробные памятники выдающихся личностей, которыя, господствуя надъ огромной толпой неизвѣстныхъ мертвецовъ, безъ всякаго основанія считаются авторами того, что представляетъ собою результатъ коллективнаго сотрудничества. Въ дѣйствительности же они—не авторы пьесы, а только артисты и режиссеры, поставившіе ее на сцену, и лишь въ этомъ узкомъ смыслѣ ихъ можно назвать творцами.

Доктрины въ собственномъ смыслѣ всегда тѣсно связаны не только съ учрежденіями, но и съ повседневными фактами практической жизни; по общему правилу онѣ слѣдуютъ за ними, иногда сопровождаютъ ихъ, рѣдко идутъ впереди. Доктрины то ограничиваются тѣмъ, что содѣйствуютъ поддержанію и укрѣпленію существующихъ формъ,—это ихъ положительная, консервативная функція; то способствуютъ разложенію устарѣвшихъ, отжившихъ или низшихъ формъ,—это ихъ отрицательная, критическая, разрушительная функція; то, опережая практику и учрежденія, готовятъ реформы, т. е. соціальныя приспособленія, сдѣлавшіяся необходимыми или признанныя болѣе удобными,—это ихъ высокая реформаторская, положительная, органическая функція. Эта послѣдняя функція представляетъ, къ сожалѣнію, исключительное явленіе, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ періодѣ цивилизаціи, когда прогрессивная эволюція еще не подчинена въ достаточной мѣрѣ методическому регулированію; впрочемъ, бессознательная жизнь вообще отличается болѣшимъ распространеніемъ, чѣмъ сознательная, и новыя пріобрѣтенія наши, по мѣрѣ проникновенія ихъ въ коллективный сверхъ-организмъ, какъ и въ индивидуальныя организмы, все увеличиваютъ наслѣдство, передаваемое однимъ поколѣніемъ другому.

Исторія соціальной экономіи, развитіе которой я излагаю въ своихъ курсахъ и сочиненіяхъ, начинается общую эволюцію соціальной экономіи только съ древняго греко-римскаго міра. Что же касается первобытныхъ обществъ и великихъ древнихъ цивилизацій, какъ-то: Китая, Египта, Индіи, Ирана и Персіи, Ассиріи и Вавилоніи, Сиріи и Палестины, то интересующихся ихъ исторіей отсылаю къ моей *Эволюціи взрваній и политическихъ ученій*, къ моимъ очеркамъ о Китаѣ и Индіи, напечатаннымъ въ *Avenir Social*, къ многочисленнымъ лекціямъ, читаннымъ мною въ Новомъ брюсельскомъ университетѣ, и къ историческимъ работамъ, напечатаннымъ съ 1896 по 1900 г. въ *Annales de l'Institut des Sciences Sociales*, а также въ *Revue Socialiste* и въ *Humanité Nouvelle* за 1898 и 1899 гг.

Впрочемъ, каждая цивилизація представляетъ собою въ сокра-

щенномъ видѣ картину различныхъ стадій, пройденныхъ предшествующими цивилизаціями, которыя съ этой точки зрѣнія дѣйствительно являются какъ бы ея прародительницами. Само собою разумѣется, что это относится только къ тѣмъ цивилизаціямъ, которыя доходятъ до стадій, пройденныхъ предшествующими цивилизаціями или даже опережаютъ ихъ. Кромѣ того, въ соціологіи нельзя этому закону придавать такого абсолютнаго значенія, какъ въ біологіи, гдѣ, впрочемъ, онъ примѣняется тоже не безъ исключеній; я имѣю въ виду законъ, гласящій, что онтогенезисъ воспроизводитъ филогенезисъ.

Вульгарное дѣленіе исторіи соціальной экономіи на три или четыре періода, какъ-то: древнее время, средніе вѣка, новое время и новѣйшее,—очевидно, совершенно произвольное и поверхностное дѣленіе; оно не имѣетъ никакихъ научныхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, экономическое развитіе отличается преемственностью; это не значитъ, что всегда имѣетъ мѣсто прогрессъ, это означаетъ только, что повсюду и во всѣ времена будущія соціальныя условія по необходимости опредѣляются настоящими, которыя, въ свою очередь, опредѣляются условіями прошедшими. Соціальную и, въ частности, экономическую исторію нельзя понять внѣ этой преемственной истинно-органической связи между явленіями, изученіемъ которыхъ она занимается и изъ которыхъ слагается сложная, непрерывная нить коллективнаго развитія. Словомъ, законъ исторической преемственности—это только частный случай всеобщаго закона детерминизма.

Историки, естественно, увлеклись этимъ грубымъ дѣленіемъ исторіи на періоды и стали искать, къ какому моменту и къ какому крупному событію приурочить начальный и конечный моменты каждаго періода. Въ теченіе очень долгаго времени служили границами между періодами болѣе или менѣе замѣчательныя, характерныя политическія событія. Основывать научную классификацію на самыхъ внѣшнихъ признакахъ разсматриваемыхъ явленій—таковъ обычный пріемъ, примѣняемый на эмпирической ступени человѣческихъ знаній пока болѣе глубокое наблюденіе не приведетъ къ открытію болѣе общихъ и простыхъ, дѣйствительно основныхъ признаковъ, по отношенію къ которымъ первые являются только внѣшнимъ наслоеніемъ, а не фундаментомъ.

Съ соціологической точки зрѣнія, дѣленіе цивилизаціи на періоды должно, какъ мнѣ кажется, основываться на свойствахъ экономической жизни народовъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы доказали, что самымъ общимъ факторомъ, опредѣляющимъ всѣ виды дѣятельности общества, являются эконо-

мическія формы. Это не значитъ, что экономической жизнью исчерпывается вся коллективная жизнь и что она сама не подвергается вліянію болѣе спеціальныхъ факторовъ, каковы искусство, мораль, право, политика; это означаетъ только, что экономическая жизнь лежитъ въ основаніи всѣхъ этихъ высшихъ коллективныхъ формъ и составляетъ ихъ оболочку, что ея строеніе налагаетъ свою печать на ихъ строеніе и наоборотъ.

Становясь, такъ сказать, инстинктивно на эту точку зрѣнія ученые издавна пытались установить лѣстницу цивилизацій, не придавая, впрочемъ, своимъ попыткамъ значенія теоріи. Такъ, напр., различаются:

- 1) народы, питающіеся дикими плодами; ихъ занятіе—собираніе плодовъ;
- 2) охотничьи народы: ихъ занятіе—охота и рыболовство;
- 3) пастушескіе народы, кочевники или полусѣдлые;
- 4) земледѣльческіе народы, осѣдлые по преимуществу;
- 5) промышленные народы, исключительно осѣдлые;
- 6) торговые народы, ведущіе осѣдлый и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижный образъ жизни.

Считаю нужнымъ оговориться относительно мѣста, которое должны занимать народы земледѣльческіе и торговые съ точки зрѣнія соціальной эволюціи. Я думаю, что возникновенію земледѣльческихъ обществъ предшествовало довольно значительное промышленное развитіе, о чемъ свидѣтельствуютъ издѣлія изъ отбивного кремня и полированного камня, относящіяся къ доисторическому періоду. Земледѣліе требуетъ значительныхъ свѣдѣній изъ области химіи, и біологіи; поэтому оно могло появиться въ соціальной жизни позже промышленности. Кромѣ того, я думаю, что *соціальное* развитіе транспорта, обращенія вообще предшествовало развитію промышленности и земледѣлія.

Нужно, сверхъ того, замѣтить: 1) что приведенныя формы вовсе не исключаютъ одна другую, а могутъ существовать рядомъ; 2) что та или другая стадія можетъ отсутствовать, если нѣтъ на лицо естественныхъ условій ея возникновенія, и 3) что помимо приведенныхъ формъ существуютъ промежуточные и смѣшанныя формы.

Если объясненіе историческихъ фактовъ вообще имѣло тенденцію сдѣлаться экономическимъ объясненіемъ, то очевидно, что спеціальное объясненіе экономической исторіи, дѣленіе ея на періоды тѣмъ болѣе должно основываться на свойствахъ экономической жизни. Мы дѣйствительно видимъ, что формы и концепціи, относящіяся къ праву собственности и богатству, различаются между со-

бою, смотря по тому, къ какой изъ приведенныхъ категорій принадлежитъ рассматриваемое общество.

Интересно отмѣтить, что одной изъ первыхъ школъ, пытавшихся установить теоретическую классификацію цивилизацій, основываясь на ихъ экономической структурѣ и въ частности на формахъ производства и производственной техники, была школа Ле Плэ (1806—1882).

Ле Плэ принадлежатъ слѣдующіе труды: „L'organisation du travail“ 1870; „Les ouvriers Européens“ (1885), 6 томовъ, 36 монографій; „La Réforme sociale en France, deduite de l'observation comparée des peuples Européens“, 1864; „La Constitution essentielle de l'Humanité“, 1881. Въ 1881 г. онъ основалъ журналъ: „La Réforme sociale“. Начатыи имъ обширный трудъ о европейскихъ рабочихъ ученики его продолжали подъ заглавіемъ: „Les ouvriers des deux mondes“.

По ученію Ле Плэ и его школы, главныя соціальныя измѣненія стоятъ въ связи съ эволюціей способовъ производства средствъ существованія. Школа Ле Плэ различаетъ три главные періода:

1-ый періодъ. — Это — эпоха самопроизвольнаго производства; разнообразіе обществъ и видовъ труда объясняется разнообразіемъ физической среды; человекъ, обладая ручными сѣтями или безъ нихъ, живетъ рыболовствомъ, звѣроловствомъ, скотоводствомъ, словомъ, тѣмъ, что природа прямо предоставляетъ въ его распоряженіе. Вы видите, что первый періодъ, по ученію школы Ле Плэ, вполне соответствуетъ тремъ первымъ фазисамъ предыдущей классификаціи.

2-ой періодъ. — Это — эпоха изобрѣтенія машинъ, приводимыхъ въ движеніе силой животныхъ, вѣтра и текучей воды. Въ этомъ же періодѣ сложились домашніе промыслы: прибрежный рыбный промыселъ, земледѣліе, эксплуатація лѣсовъ и рудниковъ, производство издѣлій, транспортъ и торговля. Человекъ реагируетъ на физическую среду, и хотя земля продолжаетъ еще играть значительную роль, но въ то же время возрастаетъ вліяніе расы, предковъ, наследственности. Различіе между обществами зависитъ главнымъ образомъ отъ промышленныхъ, земледѣльческихъ, торговыхъ, художественныхъ и политическихъ изобрѣтеній.

3-ий періодъ. — Это — эпоха каменнаго угля, пара и электричества, примѣняемыхъ къ производству средствъ существованія и къ транспорту. Различіе между обществами основано теперь на капиталѣ, а также на минеральномъ топливѣ и товарахъ, дающихъ возможность утилизировать и доставать капиталы.

Эту классификацію я заимствовалъ изъ труда одного изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Ле Плэ — J. B. Vignes, „La Science sociale. d'après les principes de Le Play et de ses continuateurs“, Paris, 1897, 2 тома.

Итакъ, эволюцію, согласно приведенной классификаціи, можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: 1) эпоха самопроизвольнаго производства, 2) эпоха ремесленнаго производства и 3) эпоха капиталистическаго производства.

По ученію школы Ле Плэ, экономическими фазисами опредѣляются всѣ другія соціальныя формы и именно формы, относящіяся къ семейному строю. Съ этой точки зрѣнія Ле Плэ связалъ основныя формы семьи съ теоріей среды, различая три вида среды: степь, морское побережье и остальную сушу съ разнообразной природой. Въ степяхъ складывается патріархальная семья, гдѣ всѣ дѣти соединены подъ властью отца и составляютъ племя. На морскомъ побережьѣ возникаетъ „коренная семья“, состоящая изъ одного хозяйства, въ которое входятъ родители, малолѣтнія дѣти и женатый наслѣдникъ; къ послѣднему переходятъ жилище съ его принадлежностями и главное орудіе труда—лодка. Морское побережье, какъ и степь, обезпечиваетъ чело-вѣку неистощимый запасъ средствъ: въ одномъ случаѣ—пастбища, въ другомъ—рыбныя ловли; кризисъ никогда не угрожаетъ семьѣ.

Напротивъ, тамъ, гдѣ территорія состоитъ изъ земель разнаго рода, образуются различныя расы, не отличающіяся устойчивостью; здѣсь уже нѣтъ неистощимыхъ запасовъ, возникающихъ самопроизвольно. Семьи предаются различнымъ занятіямъ: а) лѣсоводству и связаннымъ съ нимъ производствомъ; б) каменно-угольной и металлургической промышленности; в) земледѣлію и связаннымъ съ нимъ производствомъ; д) обрабатывающей промышленности е) торговлѣ, куда входятъ храненіе и раздача по магазинамъ, перевозка и обмѣнъ продуктовъ. Наименѣе устойчивыми являются семьи, занимающіяся обрабатывающей промышленностью: онѣ характеризуются господствомъ наемнаго труда, отдѣленіемъ отъ земли, скопленіемъ вокругъ фабрикъ, и поэтому онѣ болѣе всѣхъ подвержены кризисамъ, которые затѣмъ даютъ себя чувствовать и другимъ членамъ общества.

Я не стану здѣсь излагать плана соціальной реформы, представленнаго Ле Плэ и его школой; я хотѣлъ только показать, что экономическое пониманіе исторіи, основанное на формахъ и техникахъ производства, имѣло своихъ замѣчательныхъ представителей еще до Маркса, который опубликовалъ свою „Критику политической экономіи“ въ 1859 г., а I томъ „Капитала“, составляющій продолженіе предыдущаго труда,—лишь въ 1867 г. Впрочемъ, въ моемъ „Соціальномъ трансформизмѣ“ читатель найдетъ теоріи нѣкоторыхъ другихъ представителей экономическаго пониманія исторіи, жившихъ задолго до Ле Плэ (напр. Т. Моръ и Гаррингтонъ въ XVI и XVII стол.),

Не вдаваясь здѣсь въ критику возрѣній школы Ле Плэ, укажу только на невозможность возврата къ простымъ формамъ, свойственнымъ степямъ и морскому побережью, а также на то, что нельзя считать обезпеченными въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ простыя общества, подверженныя вліянію перенаселенія и страдающія отъ отсутствія средствъ у младшихъ членовъ семьи, и что, наконецъ, рыбныя ловли внезапно могутъ изсякнуть, какъ это случилось недавно въ Бретани. Я хотѣлъ только показать, что послѣ того, какъ почти всѣ сошлись въ признаніи экономическихъ явленій основными, естественно возникъ вопросъ: какое же изъ экономическихъ явленій оказываетъ наибольшее вліяніе? Вполнѣ понятно, что первоначально должны были выдвинуть наиболѣе сложное, наиболѣе замѣтное явленіе — производство и технику производства. Школа Ле Плэ дошла до этого вывода методомъ наблюденія и сравненія, школа Маркса — методомъ умозрительнымъ, діалектическимъ, какъ главнымъ способомъ изслѣдованія, и историческимъ, какъ второстепеннымъ, вспомогательнымъ средствомъ.

Всѣ эти классификаціи сходятся между собою въ томъ, что преобладающее вліяніе на общую организацію и эволюцію обществъ признается не только за экономическими формами вообще, но за формами производства и производственной техники въ частности.

Какъ извѣстно, К. Марксъ и Энгельсъ утверждаютъ, что экономическая и вся остальная структура античнаго періода и послѣдующаго феодальнаго зависѣла отъ производства при помощи рабовъ и крѣпостныхъ. За этими двумя первыми періодами слѣдуетъ третій, называемый буржуазнымъ, который въ свою очередь подраздѣляется: 1) на переходную эпоху съ господствомъ мелкой промышленности и 2) на капиталистическую эпоху съ господствомъ крупной промышленности. Въ первую эпоху трудъ и капиталъ еще соединены, во вторую они уже отдѣлены другъ отъ друга. По мнѣнію Маркса и Энгельса, эта естественная эволюція должна привести къ обобществленію орудій производства и къ соответственному цѣлостному экономическому строю, который, въ свою очередь, преобразуетъ всѣ высшія соціальныя формы, составляющія надстройку общества.

Однако, въ предѣлахъ самаго производства наибольшее вліяніе оказываетъ производственная техника.

Остатки древнихъ орудій труда имѣютъ для изученія исчезнувшихъ общественно-экономическихъ формацій такое же важное значеніе, какъ строеніе ископаемыхъ костей для изученія организаціи исчезнувшихъ животныхъ видовъ. Экономическія эпохи

различаются не тѣмъ, что производится, а тѣмъ, какъ производится, какими орудіями труда. Орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа“ (Капиталь, т. 1, гл. V, § 1).

Въ предисловіи къ 3-му изданію брошюры „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“, написанной К. Марксомъ въ 1852 году, Фр. Энгельсъ говоритъ: „Марксъ первый открылъ великій законъ историческаго развитія, состоящій въ томъ, что всякая историческая борьба, на какой бы почвѣ она ни велась, — на политической, религіозной, философской или какой-нибудь другой идеологической, — есть на самомъ дѣлѣ только болѣе или менѣе точное выраженіе борьбы общественныхъ классовъ, а существованіе классовъ и конфликты между ними, въ свою очередь, обусловливаются степенью ихъ экономическаго развитія, ихъ способомъ производства и, наконецъ, вытекающимъ изъ этого послѣдняго способомъ обмѣна“.

Эта точка зрѣнія Маркса и Энгельса является, собственно говоря, наслѣдіемъ старой классической экономіи, которая смотрѣла на обмѣнъ и обращеніе, какъ на слѣдствіе раздѣленія труда, при чемъ раздѣленіе труда, въ свою очередь, разсматривалось, какъ особая форма производства.

Весьма возможно, что Энгельсъ въ приведенной выдержкѣ довелъ мысль Маркса до крайности. По словамъ Andler'a („Происхожденіе государственнаго социализма въ Германіи“, стр. 417—418, Парижъ, 1897), Марксъ въ 3-мъ томѣ (стр. 226 и слѣд. *), по видимому, самъ призналъ, что обращеніе и логически, и исторически должно было предшествовать производству: „Марксъ, говоритъ онъ, не отрицалъ, что исторически торговля предшествовала всѣмъ другимъ явленіямъ... Въ ходѣ научнаго анализа образованіе общей нормы прибыли представляется какъ бы исходящимъ отъ промышленныхъ капиталовъ и ихъ конкуренціи и только въ послѣдствіи въ такое представленіе вносится поправка, оно дополняется и изменяется вмѣшательствомъ купеческаго капитала. Въ ходѣ историческаго развитія дѣло представляется совершенно наоборотъ“. Происхожденіе торговой прибыли Марксъ объясняетъ тѣмъ, что цѣна, по которой купецъ покупаетъ товаръ, ниже дѣйствительной цѣнности его, считая и расходы по перевозкѣ, храненію и счетоводству; желая на свой авансированный капиталъ получить барышъ соотвѣтственно затратѣ, онъ входитъ членомъ въ великую акціонер-

* Русск. перев., изд. 1896 г.

ную компанію, состоящую изъ собственниковъ, капиталистовъ и предпринимателей, между которыми капиталистическій доходъ распредѣляется пропорціонально ихъ вкладамъ.

Но изслѣдованіе Маркса касается лишь капиталистической стадіи общественнаго развитія, торговля же мыслима и внѣ капиталистической формы производства и, сверхъ того, она сама является только одной изъ функцій общаго обращенія богатствъ. Мысль Маркса не ясна, а кроющіяся въ ней противорѣчія онъ примиряетъ при помощи гипотезы, что каждый историческій періодъ имѣетъ свои законы, отличные отъ законовъ другихъ періодовъ,—гипотезой, которая, въ свою очередь, противорѣчитъ его собственной теоріи, по которой общественное развитіе представляетъ собою необходимый процессъ и въ современномъ обществѣ кроется уже зародышъ будущаго общества.

Марксъ утверждаетъ, что уже въ XVI вѣкѣ поняли, что торговля для своего полнаго развитія должна опираться на мѣстное производство, и приводитъ для примѣра Голландію, въ которой мануфактурная промышленность и земледѣліе достигли значительнаго для этой эпохи развитія въ отличіе отъ Португаліи. Это — спорный вопросъ, но во всякомъ случаѣ торговля—только частная форма обращенія (Капиталь, т. III, стр. 266).

Онъ говоритъ: „На первыхъ ступеняхъ капиталистическаго общества торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современномъ обществѣ — наоборотъ“ (стр. 264). Но развѣ коммерческія операціи банковъ не продолжаютъ и въ настоящее время господствовать надъ промышленностью?

Марксъ любитъ открывать между различными историческими періодами противорѣчія, чередованіе которыхъ онъ возводитъ въ систему; такъ, напр., въ силу законовъ общественнаго діалектическаго развитія за капиталистическимъ строемъ необходимо должно послѣдовать обобществленіе капитала. Какъ и Энгельсъ, онъ полагаетъ, что въ этомъ послѣднемъ періодѣ человѣчество перейдетъ изъ царства необходимости въ царство свободы; это — тотъ знаменитый прыжокъ, о которомъ говоритъ Энгельсъ.

Марксъ въ концѣ концовъ и самъ смотритъ на экономическое развитіе, какъ на результатъ идеологическаго діалектическаго развитія. Такъ напр., меркантильная система была, по его мнѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ ложной теоріей; меркантилизмъ отдавалъ себѣ отчетъ только въ поверхностныхъ явленіяхъ; „дѣйствительная наука, новѣйшая политическая экономія, начинается только съ того времени, когда теоретическое изслѣдованіе переходитъ отъ про-

цесса обращенія къ процессу производства“ (стр. 270). Это замѣчаніе о ходѣ развитія науки вѣрно, но меркантилизмъ не былъ только доктриной; это была, главнымъ образомъ, практическая система, соотвѣтствующая одной изъ стадій органическаго, позитивнаго развитія общества. Какъ практическая система, меркантилизмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со структурой и концепціей замкнутаго, абсолютнаго государства; какъ доктрина, онъ былъ ошибоченъ въ томъ смыслѣ, что меркантильная школа хотѣла, подобно другимъ школамъ, возвести свою концепцію въ абсолютное, универсальное и неподвижное правило, упуская изъ виду ея относительный, преходящій характеръ. Тѣмъ не менѣе, мысль Маркса, что въ эпоху, предшествующую капиталическому производству, торговля была господствующимъ факторомъ,—мысль эта не можетъ быть отвергнута; она не лишена значенія, но съ еще большимъ правомъ могла бы быть примѣнена къ болѣе общимъ формамъ обращенія, ибо послѣднее можетъ существовать и безъ торговли.

Словомъ, Марксъ основываетъ свое объясненіе экономическаго развитія на наблюденіи современныхъ формъ, составляющихъ результатъ этого развитія, а не на наблюденіи послѣдовательныхъ предыдущихъ формъ, начиная съ простѣйшихъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ: „Работа научной мысли, изслѣдующей формы человѣческой жизни и, слѣдовательно, стремящейся къ ихъ научному анализу, идетъ вообще путемъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ идетъ реальное развитіе. Научное изслѣдованіе начинается *post festum* и, стало быть, исходитъ отъ готовыхъ *результатовъ* процесса развитія“ (т. I, стр. 37, пер. подъ ред. П. Струве). Марксъ смѣшиваетъ здѣсь, какъ это дѣлаетъ и Контъ въ соціологіи, научный методъ съ эмпирическимъ приемомъ; дѣйствительно, поверхностныя формы, результаты прежде всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе; мы и видимъ это у Маркса, который отводитъ господствующее мѣсто формамъ производства, составляющимъ оболочку глубоко лежащихъ, простѣйшихъ формъ обращенія вообще.

Точно также, оставаясь до конца послѣдовательнымъ въ своемъ заблужденіи, которое, впрочемъ, не трудно объяснить, Марксъ заявляетъ, что *древній капитализмъ* не можетъ служить для объясненія логической конструкціи *современнаго капитализма*; напротивъ, „продолжая наше изслѣдованіе, мы найдемъ какъ торговый капиталъ, такъ и ростовщическій въ видѣ *производныхъ формъ* капитала и въ то же время мы увидимъ, почему исторически они появляются ранѣе современной основной формы капитала“ (т. I, стр. 115).

Если исходить изъ теоріи Маркса, то при дѣленіи соціальной экономіи на историческіе періоды слѣдовало бы основываться скорѣе на техникѣ производства, чѣмъ на развитіи капиталистическаго производства (рабство, крѣпостничество, свободный трудъ, отдѣленіе труда отъ капитала, обобществленіе орудій труда). Съ точки же зрѣнія техники производства слѣдовало бы дать совершенно другую классификацію, приближающуюся къ классификаціи Ле Плэ. А именно:

- 1) вѣкъ камня и другихъ грубыхъ матеріаловъ;
- 2) вѣкъ отбивного камня и другихъ обдѣланныхъ матеріаловъ;
- 3) вѣкъ полированного камня;
- 4) вѣкъ металловъ: а) бронзовый, б) желѣзный. Пахотныя и ручныя промышленныя орудія;
- 5) вѣкъ машинъ, мореходныхъ судовъ, двигателей.

Установивъ такую классификацію, нужно было бы показать, какимъ образомъ отдѣльныя стадіи технического развитія оказывали свое непосредственное вліяніе на формы производства.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: если самымъ общимъ условіемъ развитія формъ производства и всѣхъ производныхъ экономическихъ и соціальныхъ формъ является техника, то не наука ли двигаетъ технику впередъ и въ частности—не играютъ ли тутъ главную роль успѣхи механики и физики? Если бы это было такъ, то при дѣленіи экономической исторіи на періоды слѣдовало бы опереться прежде всего на идеологическую эволюцію. На это совершенно вѣрно замѣчаетъ Brentano, что великая армія изобрѣтателей состоитъ не изъ ученыхъ, а главнымъ образомъ изъ людей, принадлежащихъ къ промышленнымъ профессіямъ, людей практики и эмпирическихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ Картрайта, принадлежавшаго къ духовному званію.

Словомъ, самой общей причиной эволюціи нельзя считать ни техническія усовершенствованія, въ родѣ изобрѣтеній XVIII вѣка, ни прогрессъ чистой науки или теоріи.

Шульце-Геверницъ припоминаетъ въ своей „Исторіи крупной промышленности“, что машины въ родѣ тѣхъ, которыя стали примѣняться въ XVIII вѣкѣ, были изобрѣтены много вѣковъ назадъ и утилизовались въ отдѣльныхъ случаяхъ, не оказывая никакого экономического вліянія. Онъ приводитъ многочисленные примѣры, къ которымъ я прибавилъ не мало новыхъ въ своемъ экономическомъ этюдѣ о XVIII вѣкѣ, напечатанномъ въ „Анналахъ соціальныхъ наукъ“ за 1900 годъ. Напомню только, что въ первомъ томѣ своей *Исторіи изобрѣтеній*

Жанъ Бекманъ указываетъ, что механическое ткачество было открыто въ Данцигѣ еще около 1579 г. Это признаетъ и К. Марксъ въ *Капиталѣ*, за исключеніемъ только даты. Почему изобрѣтеніе это не было утилизировано въ то время и почему оно не вызвало промышленной революціи двумя столѣтіями раньше? Мнѣ удалось, кажется, доказать, что это объясняется тѣмъ, что изобрѣтеніе въ то время не отвѣчало потребностямъ міроваго производства, — потребностямъ, которыя возникли и начали развиваться лишь послѣ великой революціи, совершившейся въ сферѣ обращенія вслѣдствіе открытія Америки и морского пути вокругъ мыса Доброй Надежды. Чѣмъ же инымъ объяснить тотъ фактъ, что Флоренція и Венеція, лучше всѣхъ оборудованныя въ промышленномъ отношеніи, потеряли съ этого времени свое экономическое верховенство, сначала въ пользу Португаліи и Испаніи, потомъ Голландіи и, наконецъ, Англіи?

Замѣтите, что, по словамъ Бэна, въ половинѣ XVIII стол. техника промышленнаго производства стояла въ Англіи не выше, чѣмъ въ Индіи.

М. М. Ковалевскій, съ своей стороны, приписываетъ первичное, преобладающее вліяніе росту населенія; но мнѣ кажется, что самымъ общимъ факторомъ, отъ котораго зависитъ ростъ населенія, являются средства существованія людей, ихъ благосостояніе, — стало быть, степень производительности.*

По мнѣнію моего ученаго друга, современный способъ производства, распредѣленія и обмѣна экономическихъ благъ представляетъ собою переходную ступень развитія. Важнѣйшимъ факторомъ эволюціи формъ народнаго хозяйства является ростъ населенія. Онъ критикуетъ ученіе А. Лоріа, основанное на прогрессивномъ исчезновеніи свободныхъ для занятія земель или *res nullius*; онъ утверждаетъ, что заимки могли происходить только съ согласія общины или ея представителей; индивидуальной собственности предшествовала собственность клана, общины или цѣлаго племени.

М. М. Ковалевскій допускаетъ вмѣстѣ съ Лоріа, что обѣ формы принудительнаго труда, рабство и крѣпостничество, исчезли одновременно съ послѣдними остатками не занятыхъ удобныхъ для культуры земель; но факты эти не стоятъ въ причинной связи между собою, а имѣютъ другую, общую имъ причину — ростъ населенія. Увеличивающаяся густота населенія вызываетъ необходимость

* М. Ковалевскій. Очеркъ эволюціи экономическаго строя и дѣленіе ея на періоды. Оттискъ изъ «Devenir Social», іюнь 1896 г.

присвоения новыхъ земель и перехода къ интенсивнымъ формамъ хозяйства. Пустоши, служащія только для пастьбы скота, должны исчезнуть, и болѣе производительный свободный трудъ долженъ занять мѣсто феодальныхъ повинностей.

Племена, занимающіяся звѣроловствомъ и рыболовствомъ нуждаются въ большихъ пространствахъ земли; увеличивающаяся густота населенія заставляетъ ихъ посягать на территорію сосѣдей. Когда захватъ сосѣднихъ земель оказывается невозможнымъ, происходитъ прирученіе животныхъ и закабаленіе плѣнниковъ. Еще до перехода къ скотоводству мы находимъ у этихъ племенъ уже нѣчто въ родѣ индивидуальной собственности — не на землю и ея продукты, а на оружіе и первобытную одежду. На этой ступени развитія еще нѣтъ производства, связаннаго съ недвижимой собственностью; но весьма часто мы находили у нихъ производство въ коммунистической формѣ, когда, напр., отдѣльныя группы одного и того же народа охотятся на большихъ звѣрей или на людей. Дѣлежъ добычи производится рѣдко; она съѣдается тутъ же, за исключеніемъ того, что можетъ сохраняться: жиръ, шкуры, рога. Послѣднее дѣлится согласно обычаю; за основаніе дѣлежа берется или степень участія каждаго въ охотѣ, или же характеръ вклада, сдѣланнаго каждымъ участникомъ.

Значительную часть рыболовной добычи получаетъ тотъ, кто доставилъ сѣть или лодку; меньшая доля достается тому, кто участвовалъ однѣми руками. Въ основаніи этого строя лежитъ обширность территоріи, свободной для промысла, и незначительная густота населенія. Все это вѣрно; территорія и населеніе—это факторы всякаго соціальнаго явленія, но не само *соціальное явленіе*; послѣднее есть результатъ сочетанія обоихъ факторовъ, ихъ взаимной связи. М. М. Ковалевскій это понимаетъ; но въ такомъ случаѣ, почему онъ отдаетъ предпочтеніе одному фактору передъ другимъ? Ни территорія, ни населеніе не суть соціальныя явленія, но своимъ сочетаніемъ они порождаютъ эти послѣднія.

М. М. Ковалевскій очень хорошо изображаетъ процессъ, какъ племя переходитъ отъ звѣроловства и рыболовства къ скотоводству, а затѣмъ къ земледѣлію. Скотоводство нуждается въ территоріи менѣе обширной, но болѣе защищенной отъ непріятельскихъ вторженій, чѣмъ территорія охотниковъ. При недостаткѣ корма или по временамъ года пастухи переходятъ изъ долинъ въ горы; въ случаѣ нужды они заставляютъ сосѣднее племя взять ихъ скотъ на прокормъ; иногда горы и лѣса составляютъ общее достояніе разныхъ народцевъ. Смотря по обстоятельствамъ, въ зависимое состояніе по-

падаютъ или обитатели долинъ, или обитатели горъ. Одни богаты скотомъ, но бѣдны пастбищами; другіе имѣютъ слишкомъ много пастбищъ сравнительно съ количествомъ скота. Это ведетъ или къ дружественнымъ отношеніямъ, или къ враждебнымъ, т.-е. къ войнамъ. Примѣръ: нашествіе Гиксовъ на Египетъ. Повторяю: самой общей причиною М. М. Ковалевскій считаетъ, съ одной стороны, величину территоріи и съ другой — количество разводимаго скота. Ирландскій „фуид-гиръ“ попадаетъ въ зависимость къ „боайре“, т.-е. владѣющему стадами, подобно тому, какъ Іаковъ зарабатывалъ себѣ часть стадъ и женъ службою у Лавана. Даже слово *fief*, повидимому, происходитъ отъ *Ve* или *Vieh*, скоть, равно какъ „капиталь“ отъ *Cattle*. Такъ возникло несвободное состояніе людей, выражавшееся въ зависимости одного клана и народца отъ другого. Тогда еще не было индивидуальной собственности на людей и скоть; слуги составляли часть семьи, иногда даже клана или племени; точно также и скоть принадлежалъ семьѣ, клану или племени, а продукты его молоко и шерсть, составляли предметъ индивидуальнаго владѣнія въ предѣлахъ, установленныхъ для удовлетворенія личныхъ потребностей. Существенная разница между этой формой и предыдущей заключается въ неравенствѣ между кланами или семьями. Слѣдствіемъ этого явилось то, что менѣе зажиточные кланы или семьи обязывались работать на членовъ болѣе богатыхъ и сильныхъ клановъ или семей въ качествѣ слугъ, пастуховъ, пряхъ.

Замѣтивъ, что скотоводство не вытѣсняетъ окончательно охотничьяго промысла, но что послѣдній перестаетъ служить основой соціальной структуры, М. М. Ковалевскій показываетъ, какъ незамѣтно совершается переходъ къ земледѣлію. Германскія племена свевовъ, по описанію Цезаря, занимаются одновременно земледѣліемъ, звѣроловствомъ, скотоводствомъ. Женщины обрабатываютъ землю, мужчины остаются охотниками, пастухами, воинами. Причина перехода къ земледѣльческому состоянію лежитъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, въ возрастаніи числа браковъ у пастушескихъ народовъ. Хотя жизнь теперь становится болѣе осѣдлой, но земледѣлецъ остается еще кочевникомъ, въ томъ именно смыслѣ, что каждый годъ или каждая нѣсколько лѣтъ земледѣлецъ покидаетъ свою пашню и производитъ въ лѣсу новыя заимки (германцы временъ Тацита; колонисты въ Америкѣ); жилищемъ служитъ весьма часто кибитка; вотъ почему нѣкоторые историки считаютъ жилище движимымъ имуществомъ.

Если населеніе растетъ, не будучи въ состояніи раздвинуться то общиной устанавливается правильный сѣвооборотъ на отведен-

ныхъ отдѣльнымъ членамъ доляхъ, при чемъ первые два или три года, смотря по количеству населенія, земля оставляется подъ паромъ. Это своего рода аграрный коммунизмъ; онъ существовалъ у краснокожихъ ацтековъ, ирландскихъ и галльскихъ кельтовъ, германцевъ временъ Цезаря и Тацита, яванцевъ, нѣкоторыхъ арійскихъ или туранскихъ племенъ Индіи, китайцевъ. Русскій „міръ“, будучи позднѣйшаго происхожденія, отличается и болѣе сложнымъ характеромъ.

Такимъ образомъ, земля не составляетъ индивидуальной собственности, но находится во владѣніи индивидуума или семьи; она—коллективная собственность съ сѣвооборотомъ, регулируемымъ общиной. Пережитокъ этого строя можно видѣть въ „помочахъ“ членовъ русскаго „міра“ во время жатвы и въ средневѣковомъ прекариіи въ пользу сеньера.

Земледѣльческій строй характеризуется распространеніемъ рабства и крѣпостничества; рабы существуютъ даже при общинномъ владѣніи землею; это военно-плѣнные или бѣдняки; иногда люди отдають себя въ кабалу добровольно съ цѣлью получить взамѣнъ этого скотъ. Зависимое отношеніе не создается исключительно войною; „мертвая рука“ имѣетъ экономическое происхожденіе. Были крѣпостные, попавшіе въ зависимое состояніе изъ-за долговъ на законномъ основаніи, крѣпостные изъ-за нужды.

Такова теорія Ковалевскаго, поскольку она касается вопроса объ эволюціи собственности. Brentano и другіе ученые называютъ этотъ періодъ Haus-или Familienwirthschaft, но это скорѣе производство и потребленіе орды, клана, племени; въ основѣ отношенія здѣсь лежитъ матриархатъ, между тѣмъ какъ основой семьи является отецъ.

Послѣ прекраснаго изображенія эволюціи собственности, на которомъ мы не будемъ останавливаться, г. Ковалевскій пытается дать дѣленіе экономической исторіи на періоды. Прежде всего онъ критикуетъ предложенное Гильдебрандомъ дѣленіе на три состоянія: натуральное хозяйство, денежное хозяйство, кредитное хозяйство. По моему, г. Ковалевскій не правъ, отрицая различіе между денежнымъ хозяйствомъ и кредитнымъ; ошибка его проистекаетъ изъ того, что онъ отказывается допустить, что когда кредитное хозяйство еще опирается на металлическое основаніе, оно стремится къ устраненію этого послѣдняго. Онъ совершенно правъ, говоря, что кредитъ встрѣчается и въ видѣ займа скота; но вѣдь онъ самъ призналъ, что переходы незамѣтны. Какъ бы то ни было, онъ допускаетъ только два періода: періодъ натурального хозяйства или непосредственнаго потребленія и періодъ обмѣна.

Бюхеръ въ своей монографіи о происхожденіи народнаго хозяйства дѣлитъ исторію его на три періода: 1) періодъ домашняго хозяйства: потребленіе группой своихъ собственныхъ продуктовъ безъ обмѣна; 2) періодъ хозяйства гражданской общины: обмѣнъ существуетъ, но онъ ограничивается болѣе или менѣе тѣснымъ и неподвижнымъ кругомъ кліентовъ, потребляющихъ пріобрѣтаемые продукты, не уступая ихъ третьимъ лицамъ; 3) періодъ національнаго хозяйства: производство мѣновыхъ цѣнностей и обращеніе ихъ отъ одного хозяйства къ другому, прежде чѣмъ пойти въ употребленіе.

По теоріи Бюхера, въ основаніи дѣленія исторіи соціальной экономіи лежитъ въ сущности обращеніе, хотя онъ и не высказываетъ этого прямо; но онъ ошибается, предполагая, что все древнее хозяйство можетъ умѣститься въ его двухъ первыхъ періодахъ изолированнаго или замкнутаго и автономнаго хозяйства. Такъ думали также Родбертусъ, Марксъ и Энгельсъ; вмѣстѣ съ ними онъ полагаетъ, что хозяйство древнихъ народовъ покоилось на принудительномъ трудѣ, но это ложное обобщеніе.

Замѣчательно то, что и Бюхеръ, и Ковалевскій въ сущности склонны признать обращеніе основой для дѣленія исторіи соціальной экономіи на періоды. Дѣйствительно, установивъ свои два періода—періодъ непосредственнаго потребленія и періодъ обмѣна, г. Ковалевскій замѣчаетъ, что каждый изъ этихъ періодовъ имѣетъ свои подраздѣленія, основывающіяся на фактѣ расширенія обмѣна по мѣрѣ роста населенія. Я думаю, что если бы вмѣсто обмѣна который составляетъ только отдѣльную форму обращенія, мой знаменитый другъ взялъ это послѣднее, то мы пришли бы къ одному и тому же выводу. Въ самъ дѣлѣ, сообразно съ ростомъ населенія, онъ различаетъ:

- а) хозяйство орды, племени;
- б) хозяйство сельской общины;
- в) хозяйство помѣстья и гражданской общины;
- г) національное хозяйство;
- д) всемірное хозяйство.

Это—классификація, основанная на развитіи обращенія.

Вы видите, что, если оставить въ сторонѣ тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что соціальное развитіе зависитъ прежде всего отъ прогресса знаній, то между всѣми другими существуетъ, по видимому, полное и знаменательное согласіе въ томъ отношеніи, что они приписываютъ экономическому фактору преобладающее вліяніе на остальные формы соціальной дѣятельности. Это съ избыткомъ оправдываетъ то важное значеніе, которое слѣдуетъ при-

давать изученію экономической исторіи. Однако, въ видахъ раціональнаго, позитивнаго дѣленія этой послѣдней, остается отыскать тотъ наиболѣе общій экономическій факторъ, который долженъ быть положенъ въ основаніе естественной классификаціи историческихъ формъ соціальной экономіи, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ.

Нашъ критическій обзоръ былъ бы не полонъ, если бы мы не остановились на разсмотрѣніи точки зрѣнія двухъ самыхъ выдающихся представителей современной соціологіи — Ог. Конта и Г. Спенсера, и если бы мы не добавили сюда нѣкоторыхъ эклектическихъ и даже спеціальныхъ классификацій, имѣющихъ, однако, свое значеніе, какъ призывъ къ дѣйствительности—объективной (Шульце-Геверницъ) или просто идеологической (Шмоллеръ). Послѣ этого я приведу вкратцѣ тѣ главные аргументы, въ силу которыхъ я склоняюсь къ мысли, что явленія обращенія должны быть признаны простѣйшими и самыми общими и что они являются, слѣдовательно, какъ съ логической, такъ и съ исторической точки зрѣнія, факторами, оказывающими наиболѣе сильное вліяніе на послѣдовательныя формы экономического развитія общества *.

* Классификація Левассера отчасти примыкаетъ къ классификаціи Ковалевскаго. Ученый экономистъ различаетъ пять ступеней экономического развитія, соответствующихъ пяти этапамъ, пройденнымъ населеніемъ съ точки зрѣнія густоты его:

1) Періодъ дикости или звѣроловства; каждый охотникъ нуждается въ обширныхъ земельныхъ пространствахъ; у эскимосовъ приходится 2 чел. на 1 квадрат. километръ, въ Амазонской провинціи (Бразилія)—3 чел.

2) Періодъ кочевой; въ киргизскихъ степяхъ приходится 1 чел. на кв. километръ, въ Туркестанѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 2,7 чел.

3) Періодъ земледѣльческой: до 40 чел. на 1 кв. килом.

4) Періодъ промышленный; искусственное удобреніе и индустрія; 160 чел. на 1 кв. кил.

5) Періодъ коммерческой: ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ, оплачиваемыхъ произведеніями промышленности; густота населенія почти неограниченная.

Слѣдовательно, ростъ населенія заставляетъ людей искать новыя формы дѣятельности; но, съ другой стороны, эти новыя формы увеличиваютъ населеніе; здѣсь существуетъ соотношеніе. Я думаю, что развитіе населенія, находясь въ непосредственной связи съ развитіемъ хозяйства, есть соціальное явленіе болѣе сложнаго и болѣе спеціальнаго порядка, чѣмъ хозяйство, и поэтому оно должно быть подчинено этому послѣднему.

У Конта основная классификація обществъ построена на преобладаніи теологическаго, метафизическаго или позитивнаго состоянія; классификація эта является, такимъ образомъ, идеологической по существу; она покоится на болѣе или менѣе точномъ законѣ коллективной психологіи, т. е. на социальномъ факторѣ, который слишкомъ спеціаленъ для того, чтобы служить базисомъ для общей классификаціи. Законъ этотъ можно было бы, пожалуй, примѣнить къ исторической классификаціи экономическихъ доктринъ, но ужъ никакъ не къ классификаціи экономическихъ учреждений и структуръ. Впрочемъ, Контъ разсматриваетъ прежнюю эволюцію доктринъ, какъ рядъ заблужденій, тогда какъ, напротивъ, каждая изъ этихъ великихъ теорій имѣетъ вполне позитивный и органический характеръ, находясь въ соотвѣтствіи съ социальной структурой каждаго періода. Эта по существу своему ошибочная точка зрѣнія особенно рельефно выступаетъ въ той оцѣнкѣ, которую Ог. Контъ даетъ всему періоду, слѣдующему за французской революціей: этотъ періодъ, по его мнѣнію, исключительно пертурбаціонный и разрушительный. Нужно, однако, замѣтить, что въ концѣ ранняго періода среднихъ вѣковъ, который, безъ сомнѣнія, былъ шагомъ назадъ, экономическіе вопросы снова стали обсуждаться, дѣйствительно, въ богословскихъ книгахъ, именно, въ книгахъ, трактующихъ объ исповѣди и покаяніи, а затѣмъ методъ первыхъ экономистовъ былъ явно метафизическимъ, какъ основанный на абсолютныхъ концепціяхъ естественнаго права и свободы. Поэтому нельзя окончательно отвергнуть точку зрѣнія Конта; она можетъ служить психологическимъ дополненіемъ къ социологической классификаціи и социологическому истолкованію социальной экономіи.

Г. Спенсеръ (Основаніи социологіи, т. I, ч. 2, стр. 343 и слѣд., рус. пер., изд. 1898 г.) кладетъ въ основаніе классификаціи социальные типы. Его точка зрѣнія вѣрна, но онъ еще долженъ былъ бы постараться найти тотъ вполне общій признакъ, при помощи котораго можно было бы отличить одинъ типъ отъ другого. Признакъ же, на которомъ онъ основываетъ свою классификацію, является крайне поверхностнымъ. Знаменитый социологъ дѣлитъ общества, прежде всего, на: а) простые, б) сложные, в) вдвойнѣ сложные, г) втройнѣ сложные и т. д. По его мнѣнію, „существуютъ общества различной степени сложности“.

„Всякое общество должно было пройти въ своемъ развитіи черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней все большаго и большаго усложненія. Никакое племя не превращается въ народъ путемъ прос-

того роста или размноженія, и ни одно большое общество не сложилось путемъ прямого союза самыхъ мелкихъ обществъ другъ съ другомъ“.

Слѣдовательно, по мнѣнію Спенсера, социальное развитіе не есть продуктъ только внутреннихъ социальныхъ условій; общество растетъ не иначе, какъ входя въ сочетаніе съ другими обществами. Чтобы быть логичнымъ, нужно поэтому отвергнуть гипотезу, согласно которой родъ человѣческой зародился въ одномъ центрѣ и всѣ отдѣльныя общества затѣмъ возникли путемъ послѣдовательнаго дифференцированія, — гипотезу, которая признаетъ происхождение великихъ древнихъ и современныхъ цивилизацій, а также и формирующагося всемірнаго общества отъ одной первобытной группы. А между тѣмъ, ложность этой гипотезы далеко еще не доказана. Затѣмъ, изъ теоріи Спенсера вытекаетъ, что разъ сложилось великое всемірное общество, то всякое дальнѣйшее развитіе уже становится невозможнымъ, такъ какъ развитіе въ этомъ случаѣ было бы по необходимости внутреннимъ. Но развѣ ростъ общества, какъ бы оно ни было велико или мало, хотя бы оно обнимало собою даже весь міръ, не можетъ выразиться въ ростѣ внутренней силы и организациі? Нѣтъ основанія утверждать противное.

Что остается вѣрнымъ въ теоріи Спенсера, это — утвержденіе, что общества, „стоящія на одной и той же ступени развитія, сходны между собою по строенію“. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы показать намъ, въ чемъ именно заключаются черты сходства между обществами, стоящими на одной и той же ступени развитія, и черты различія между обществами, стоящими на разныхъ ступеняхъ. Сказать, что одни общества отличаются большей сложностью, чѣмъ другія, — значитъ остаться въ области неизвѣстнаго, если только не допустить, что мѣриломъ должна служить — какъ это, думается мнѣ, я доказалъ — степень организациі и въ частности — степень экономической организациі, при чемъ въ этой послѣдней основной чертой, которая должна служить общимъ отличительнымъ признакомъ, является обращеніе богатствъ.

Что касается обществъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, то, по теоріи Спенсера, послѣдовательное развитіе ихъ происходитъ въ порядкѣ, указанномъ въ его классификаціи.

Классификація Спенсера.

А. Простыя или не цивилизованныя общества:

- а) полное отсутствіе всякаго главы или вождя. { Кочевники: огнеземельцы, нѣкоторые австралійцы, бушмены;

- а) полное отсутствіе всякаго главы или вождя. { Полу-осѣдлые: эскимосы;
Осѣдлые: арафурасы, дайаки.
Кочевники: тасманійцы, нѣкоторые австралійцы;
- б) главенство случайнаго характера. { Полу-осѣдлые: караибы;
Осѣдлые: нѣкоторые уапы, верховьевъ Ріо-Негро.
Кочевники: андаманезцы, абипоны, змѣиные индѣйцы, нѣкоторые бедуины;
- в) неопредѣленное и неустойчивое главенство. { Полу-осѣдлые: бодосы, чинуки, сельскіе веддахи;
Осѣдлые: санталы, гвіанскія племена, манданы.
- г) прочное главенство. { Полу-осѣдлые: патагонцы, кафры, новокаледонцы;
Осѣдлые: гуаранисы, пуэблосы.

Б. Сложныя общества.

- а) главенство случайнаго характера. { Кочевники: (пастухи) нѣкоторые бедуины;
Полу-осѣдлые: таннезійцы.
- б) неустойчивое главенство. { Кочевники: (охотники дакоты, охотники и пастухи) команчи, (пастухи) калмыки;
Полу осѣдлые: белучисы, обитатели Конго, тевтоны до V стол.
Осѣдлые: малагазы, греки временъ Гомера, англо-саксы временъ семи королевствъ, тевтоны V стол., франкскіе феоды X стол.
- в) прочное главенство. { Кочевники: (пастухи) киргизы;
Полу-осѣдлые: бечуаны, зулусы;
Осѣдлые: уапы, фиджійцы при первомъ ихъ посѣщеніи европейцами, новозеландцы и сандвичане (временъ Кука); яванцы, готтентоты, дагемейцы, ашантіи, нѣкоторые абисинцы, древніе юкатанцы, ново-гренадцы, гондурасцы, чибчасы, нѣкоторые арабы, живущіе городами.

С. Вдвойнѣ сложныя общества.

Всѣ осѣдлые.

а) главенство случайнаго характера: самоанцы;

б) неустойчивое главенство: таитяне, тонганцы, мѣстами яванцы; фиджійцы со времени введенія огнестрѣльнаго оружія, малагазы послѣдняго времени, аѣинская конфедерація, спартанская конфедерація; тевтонскія королевства съ VI по IX стол.; большіе феодалы Франціи XIII стол.

в) прочное главенство: ирокезы, арауканцы, сандвичане послѣ Кука; обитатели древняго Вера-Пацъ и древней Боготы, гватемальцы, перуанцы; вагабиты, оманы, древнее египетское царство, Англія послѣ X стол.

Д. Общества втройнѣ сложныя.

а) главенство случайнаго характера: большинство великихъ древнихъ цивилизацій: древняя Мексика, ассирійская имперія, египетская имперія, римская имперія, а изъ современныхъ—итальянское королевство и германская имперія, которыя „еще не выдержали испытанія времени“;

б) прочное главенство: Великобританія, Франція, Россія.

Что лежитъ въ основаніи спенсеровой классификаціи? Признакъ осѣдлости? Въ такомъ случаѣ дѣло сводится къ движенію и обращенію, т. е. къ тому же признаку, который и я принимаю, но съ той разницей, что здѣсь берется въ расчетъ только одинъ факторъ—населеніе. Однако, обращаясь къ степени сложности общества, Спенсеръ выдвигаетъ на первый планъ большую или меньшую прочность центральной координаціи. Но, представляя себѣ эту центральную координацію въ видѣ верховенства, онъ не правъ даже съ точки зрѣнія своей доктрины. Во всякомъ случаѣ, политическій факторъ—слишкомъ спеціальнѣйшій и сложный факторъ, чтобы положить его въ основу классификаціи, которая вслѣдствіе этого, по необходимости, дѣлается поверхностной.

Мы видѣли, что въ въ классификаціи Спенсера существуетъ всегда извѣстное соотношеніе между характеромъ центральной координаціи и степенью подвижности населенія; кочевники и полусѣдлые послѣдовательно исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ центральная координація становится болѣе прочной. Но почему Спенсеръ сводитъ центральную координацію къ верховенству, которое имѣетъ

весьма спеціальный и сложный характеръ, а не рассматриваетъ ее съ болѣе общей точки зрѣнія, именно, какъ экономическую координацію или какъ упроченіе экономическихъ центровъ и въ частности—центровъ цивилизаціи?

Если бы онъ глубже изслѣдовалъ вопросъ, то онъ не отнесъ бы къ одному классу, напр., цивилизаціи афинской конфедераціи и таитянъ, точно также онъ нашель бы, я полагаю, чувствительную разницу между нынѣшней Германской имперіей и Италіей съ одной стороны и ассирійской монархіей съ другой. Я думаю также, что при менѣе поверхностной классификаціи онъ не поставилъ бы во главѣ обществъ втройнѣ-сложныхъ безразлично Великобританію, Францію и Россію. Впрочемъ, онъ и самъ понимаетъ всю слабость своей классификаціи; въ самомъ дѣлѣ, говоря объ обществахъ втройнѣ-сложныхъ, онъ прибавляетъ: „эта классификація не должна быть признаваема за что-либо большее, чѣмъ приближеніе къ истинѣ“. Затѣмъ, по поводу политической прочности правительствъ онъ замѣчаетъ: „я говорю не о политической прочности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но о прочности въ смыслѣ продолжительности того времени, въ теченіе котораго каждое изъ нихъ имѣетъ надежду сохранять роль верховнаго центра этихъ огромныхъ агрегатовъ“. Но, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, состояніе осѣдлости встрѣчается какъ въ простыхъ, такъ и въ сложныхъ обществахъ, а такъ какъ въ тѣхъ и другихъ имѣется и прочное верховенство, то основаніемъ классификаціи остается только большая или меньшая сложность каждаго общества. Но мы только что видѣли, насколько удачно онъ опредѣляетъ понятіе объ обществѣ втройнѣ-сложномъ, когда ставитъ въ одинъ рядъ различныя цивилизаціи. Если ему не удалось это опредѣленіе, то, главнымъ образомъ, потому, что опредѣленію сложнаго общества по необходимости должно предшествовать опредѣленіе простаго общества. Что же касается послѣдняго, то „намъ остается,—говоритъ онъ,—открытымъ только одинъ путь, состоящій въ томъ, чтобы считать простымъ такое общество, которое образуетъ единое дѣйствующее цѣлое, не подчиненное никакому другому цѣлому, и части котораго кооперируются другъ съ другомъ, подъ управленіемъ общаго регулятивнаго центра или безъ вмѣшательства такового, для достиженія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей“. Слѣдовательно, по имѣнію Спенсера, простое общество характеризуется слѣдующими двумя признаками: 1) неподчиненностью его другому обществу; 2) сотрудничествомъ всѣхъ его членовъ въ виду общей цѣли, при чемъ общій регулятивный центръ можетъ быть, но можетъ и не быть.

Но разъ общество имѣеть одинъ или нѣсколько регулятивныхъ центровъ, то это уже общество дифференцированное, а не простое. Кромѣ того, развѣ соціальная группа, оставаясь автономной, не можетъ дифференцироваться? Напр., касты и классы не могутъ развѣ образоваться въ обществѣ, помимо всякаго политическаго подчиненія его другому обществу?

Въ концѣ концовъ, сохраняя свою обычную научную добросовѣстность, Спенсеръ, не будучи въ состояніи дать опредѣленіе сложнаго общества, признается также, что „мы не можемъ всегда сказать съ точностью, во всѣхъ случаяхъ, что именно составляетъ простое общество“. Это, дѣйствительно, единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ его попытки.

По нашему мнѣнію, простымъ обществомъ нужно считать, какъ и всякій организмъ, такое общество, всѣ однородныя части котораго исполняютъ безъ всякаго различія однѣ и тѣ же функціи, въ которомъ, слѣдовательно, еще не дифференцировались даже самыя общія и простѣйшія функціи—экономическія, въ которомъ вся экономическая жизнь (производство, потребленіе, обмѣнъ, распредѣленіе) сводится къ самому общему и простѣйшему явленію — движенію, перемѣщенію естественныхъ благъ къ человѣческимъ единицамъ и этихъ послѣднихъ къ естественнымъ благамъ, въ которомъ потребленіе, производство, обмѣнъ и распредѣленіе еще совмѣщаются въ одномъ феноменѣ—въ обращеніи, какъ мы это видимъ у всѣхъ первобытныхъ племенъ, живущихъ охотой, рыболовствомъ и дикой пищей. Такія общества остаются простыми и однородными не только до тѣхъ поръ, пока они не подчинены другому обществу, но и пока остаются однообразными общія условія ихъ экономической жизни, пока всѣ ихъ составныя части и единицы исполняютъ одну и ту же функцію. Стоитъ только, напр., естественнымъ произведеніямъ оказаться недостаточными для удовлетворенія потребностей населенія, вслѣдствіе чего подъ страхомъ вымиранія простое общество должно будетъ приспособиться къ новымъ условіямъ—и по необходимости произойдетъ разьединеніе общественнаго труда, т. е. совершится переходъ отъ однороднаго къ разнородному съ тенденціей къ образованію центральныхъ органовъ координаціи.

Г. Спенсеръ допускаетъ еще одну классификацію соціальныхъ типовъ, которая тоже зиждется, какъ онъ выражается, „на кардинальныхъ чертахъ отличія“. По этой классификаціи различаются „общества хищническія по преимуществу, и общества промышленныя по преимуществу. Къ первымъ относятся такія, у которыхъ самое широкое развитіе получила организація, имѣющая цѣлью оборону

и нападеніе, а ко вторымъ—такія, у которыхъ всего лучше развита организація аппаратовъ, служащихъ для поддержанія жизни агрегата“. Съ этой классификаціей мы встрѣчались уже у Ог. Конта. Она крайне поверхностна; въ самомъ дѣлѣ, высокое промышленное развитіе можетъ совпадать съ чисто военной хищнической дѣятельностью или промышленная организація можетъ быть хищнической, не будучи военной; такъ именно смотрятъ, не безъ основанія, на промышленный капиталистическій строй социалисты. Послѣдній фатальнымъ образомъ стремится стать военнымъ. Различіе между періодами, проводимое въ этомъ случаѣ Контомъ и Спенсеромъ, обладаетъ только относительной точностью и всегда можетъ случиться, что промышленный режимъ придется отнести къ разнымъ періодамъ, смотря по его собственному развитію.

Спенсеръ указываетъ также, что военный строй характеризуется господствомъ принужденія, тогда какъ промышленный строй, который онъ отождествляетъ съ мирнымъ, характеризуется господствомъ свободнаго договора. Это утвержденіе тоже правильно только относительно: самыя консервативныя правительства вынуждены были признать, что при экономическомъ строѣ, основанномъ на неравенствѣ, немислимъ свободный договоръ, и что для защиты труда противъ капитала представляется умѣстнымъ возстановить принципъ принужденія въ видѣ законовъ о трудѣ. Слѣдовательно, промышленный строй не характеризуется ни отсутствіемъ принужденія, ни тѣмъ болѣе ограниченіемъ хищническихъ формъ; самое большее, чего можно ожидать—это смягченія и урегулированія хищническихъ формъ.

Итакъ, раціональное, позитивное дѣленіе исторіи соціальной экономіи на періоды можетъ быть основано на развитіи самой соціальной экономіи. Послѣ изложеннаго остается, кажется, внѣ сомнѣнія, что на этотъ счетъ нѣтъ разномыслія; даже у Конта и особенно у Спенсера классификація обществъ по относительному преобладанію въ нихъ хищнической или мирной структуры основана на болѣе или менѣе значительномъ развитіи ихъ промышленнаго строя.

Установивъ это положеніе, можно, конечно, при разсмотрѣніи развитія исключительно доктринъ соціальной экономіи, трактовать это развитіе съ частной точки зрѣнія исторіи этой отрасли коллективной психологіи. Но эта точка зрѣнія по необходимости страдала бы неполнотой, во-первыхъ, потому, что эволюція доктринъ представляетъ собою только одну сторону развитія соціальной экономіи, какъ таковой, и, во вторыхъ, потому, что ходъ экономической исторіи долженъ стоять въ связи съ развитіемъ не только соціологическихъ доктринъ, но и обществъ.

Съ такой коренной оговоркой можно принять въ общихъ чертахъ класификацію и способъ изображенія исторіи экономическихъ доктринъ, встрѣчаемые у большинства представителей германской исторической школы, каковы: Рошеръ, Гильдебрандъ, Книсъ, Шмоллеръ и др. А именно, въ средніе вѣка, приблизительно до конца XIV вѣка, экономическіе вопросы трактовались почти исключительно въ богословскихъ сочиненіяхъ, касающихся исповѣди и покаянія; вопросы эти сводятся здѣсь къ проблемѣ процента на капиталъ. Съ начала XV вѣка до середины XVIII экономическія доктрины выразились въ теоріяхъ естественнаго права, которыя, начиная съ Бодэна во Франціи и кончая Х. Вольфомъ въ Германіи, находились въ извѣстномъ соотношеніи съ строемъ новѣйшаго государства, съ присвоеніемъ государству роли руководителя и контролера надъ отдѣльными лицами и цѣлыми корпораціями въ экономической области, — роли, выразившейся въ формѣ правительственной регламентаціи, запрещеній и привилегій. Меркантилизмъ опирается отчасти на административные и политическіе взгляды римской имперіи и эпохи возрожденія; онъ регламентируетъ денежное обращеніе, торговлю и промышленность, сообразуясь, главнымъ образомъ, съ потребностями минуты, но при отсутствіи настоящей политико-экономической теоріи.

Съ 1650 по 1750 годъ происходитъ накопленіе отдѣльныхъ экономическихъ свѣдѣній, наблюденій, описаній въ книгахъ, сборникахъ, энциклопедіяхъ; они отличаются чисто практическимъ характеромъ и имѣютъ въ виду исключительно интересы государственнаго казначейства. Рациональной, живой обработки мы здѣсь не находимъ. Къ концу XVIII вѣка экономія, подъ вліяніемъ философіи, становится автономной. Возникаютъ двѣ великія теоріи, господствующія надъ умами и дѣйствіями людей съ 1770 г. до нашихъ дней; это — индивидуалистическая политическая экономія и социалистическая. Индивидуалистическая теорія фізіократовъ представляла собою отвлеченный выводъ изъ принциповъ природы и естественнаго права; Адамъ Смитъ и его школа, которые тоже принадлежатъ къ индивидуалистамъ, ограничиваютъ понятіе естественнаго права сводя его къ понятію свободы, но въ метафизическомъ смыслѣ; последнее подвергается извѣстной эволюціи, проходя чрезъ возрѣнія Дж. Ст. Милля и К. Г. Рау. Въ XIX вѣкѣ социалистическая школа съ Годвиномъ, Р. Овэномъ, В. Томпсономъ и и особенно К. Марксомъ во главѣ возвращаетъ экономіи ея социальный характеръ, а ортодоксальная школа, бывшая первоначально индивидуалистической, ищетъ благодаря улучшенію научныхъ методовъ, почвы для примиренія

между индивидуализмомъ и социализмомъ. Съ развитіемъ историческаго, эволюціоннаго метода во всѣхъ наукахъ, идея примиренія свила себѣ прочное гнѣздо въ ученіи катедръ-соціалистической школы, появленію которой способствовала критика индивидуализма, выдвинутая Сисмонди во Франціи и Фр. Листомъ въ Германіи. Новѣйшая точка зрѣнія,—та именно, на которой я стою,— есть точка зрѣнія соціологическая, согласно которой не только экономическія доктрины находятъ себѣ объясненіе въ экономическихъ фактахъ и учрежденіяхъ и обратно—факты и учрежденія находятъ себѣ объясненіе въ доктринахъ, но и вся соціальная экономія разсматривается, какъ система и функція, стоящая въ извѣстномъ отношеніи ко всей структурѣ и жизни общества.

Все вышеизложенное даетъ намъ право признать слишкомъ поверхностной, даже съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ доктринъ, классификацію, предложенную Л. Косса; онъ различаетъ: 1) эпоху фрагментовъ, которая обнимаетъ древнее время и средніе вѣка и доводится нѣкоторыми писателями до XVII в.; 2) эпоху монографій и эмпирическихъ системъ, начинающуюся съ XVI вѣка и кончающуюся половиной XVIII; 3) эпоху предтечей науки, сюда относятся ученія физиократовъ, Адама Смита и его непосредственныхъ преемниковъ; они восходятъ еще къ XVII вѣку, но достигаютъ развитія и совершенства во 2-й половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка; 4) современный критическій періодъ, характеризующійся, главнымъ образомъ, накопленіемъ и обработкой матеріаловъ и улучшеніемъ методовъ. Тотъ фактъ, что настоящей моментъ тоже отличается обиліемъ экономическихъ монографій, какъ и 2-й періодъ по классификаціи Косса, доказываетъ, что эта послѣдняя не вѣрна. Нужно еще добавить, что современную эпоху далеко нельзя назвать критической по преимуществу; ее можно считать также органической, ибо, благодаря критикѣ социалистовъ, которая пріобрѣтаетъ все болѣе научный характеръ, въ большинствѣ цивилизованныхъ обществъ отчасти удалось провести въ жизнь новое экономическое право, съ развитіемъ котораго все труднѣе и труднѣе становится бороться.

Косса дѣлитъ, кромѣ того, исторію экономическихъ доктринъ на: 1) внѣшнюю исторію, имѣющую своимъ предметомъ изученіе происхожденія и развитія теорій и системъ въ ихъ совокупности и въ главныхъ ихъ частяхъ; исторія эта можетъ быть общей или ограничиться одной эпохой, націей, системой и т. п; 2) внутреннюю или догматическую исторію, имѣющую своимъ предметомъ изученіе процесса образованія и развитія отдѣльныхъ теорій, какъ, напр., теоріи цѣнности, денежнаго обращенія, налоговъ, ренты и пр. Вы

видите, что это — чисто формальная классификація; затѣмъ изъ нея совершенно исключены соціалистическія ученія; Косса говоритъ даже: „современный теоретическій соціализмъ, который такъ торжественно объявилъ себя научнымъ... при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, напротивъ, чистымъ отрицаніемъ экономической науки. Въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ не признаетъ существованія соціального порядка распределенія богатствъ и основывается на гипотезѣ, что въ свободѣ неизбежно кроются несправедливость, кризисы, нищета; отсюда онъ выводитъ правила экономической политики, которыя клонятся къ полному или частному уничтоженію частной собственности и конкуренціи, т. е. основъ существующей экономической системы“.

Косса не видитъ органической, положительной работы соціализма, онъ смотритъ на него исключительно какъ на пертурбаціонный элементъ; въ виду противорѣчивости соціалистическихъ ученій, онъ отказывается отъ всякой попытки ихъ классифицировать. Однако, какъ на одинъ изъ примѣровъ подобной классификаціи, укажемъ на прекрасную классификацію, приводимую А. Шефлэ въ его „Сущности соціализма“ и статью, напечатанную въ „Соціальномъ и Политическомъ Обзорѣніи“ *.

По нашему мнѣнію, политическая экономія должна стать соціологической, и подготовленію этой стадіи соціализмъ способствовалъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ классическая политическая экономія; этимъ двумъ потокамъ суждено слиться именно въ великую соціологическую рѣку.

А. Эспинасъ въ своей *Исторіи экономическихъ доктринъ* отводитъ болѣе подобающее мѣсто соціализму. Онъ показываетъ связь соціализма не только съ школой національной экономіи, но и съ школой исторической и даже ортодоксальной экономіи. Онъ подраздѣляетъ соціалистическія ученія, съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, на соціализмъ гуманитарный (въ противоположность абсолютному экономическому индивидуализму), революціонный и государственный или академическій.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о соціологическихъ системахъ (Парижъ 1902 г., 2 тома) В. Парето, къ сожалѣнію, упускаетъ изъ вида положительную функцію, исполненную соціализмомъ. Въ историческомъ развитіи соціализма онъ различаетъ: 1) реальныя системы, т. е. практическія и независимыя отъ всякой теоретической концепціи

* См. мою статью о коллективизмѣ: „Письма о независимости Бельгіи“. Брюссель, 1894.

пціи и 2) системы теоретическія. Эти послѣднія, въ свою очередь, подраздѣляются на религіозныя, метафизическія и научныя. Онъ различаетъ социализмъ научный и ненаучный, но совершенно не замѣчаетъ органическаго характера социализма. Онъ находитъ въ немъ только борьбу классовъ или скорѣе борьбу избранныхъ за преобладаніе въ сферѣ самого социализма; но онъ не замѣчаетъ, къ чему постепенно приводитъ это торжество избранныхъ и какъ характеръ ихъ съ теченіемъ времени видоизмѣняется, сближаясь съ организованными массами. Поэтому все его теоретическое и критическое изложеніе развитія социализма носитъ исключительно отрицательный характеръ и эта часть исторіи соціальной экономіи кажется ему просто рядомъ заблужденій человѣчества. Если бы вздумали примѣнить этотъ же пріемъ къ классической политической экономіи, то мы пришли бы къ такому же выводу. Этотъ пріемъ основанъ на томъ слишкомъ еще распространенномъ взглядѣ, будто бы вся исторія человѣчества представляется только исторіей заблужденій, при чемъ каждый теоретикъ думаетъ, что онъ одинъ провозглашаетъ абсолютную истину.

Въ исторіи соціальной экономіи все болѣе и болѣе дѣлается господствующей соціологическая точка зрѣнія, т. е. она становится въ тѣсную связь со всей структурой и жизнью обществъ. Если это такъ, то экономическія доктрины тѣмъ болѣе не могутъ быть объяснены и поняты внѣ ихъ соотношенія съ экономическими фактами и учрежденіями. Поэтому, дѣленіе исторіи соціальной экономіи должно покоиться одновременно и на идеологическомъ, и на матеріальномъ фундаментѣ; и въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ точки зрѣнія—какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ *—нераздѣльны между собою и образуютъ не что иное, какъ одну соціологическую точку зрѣнія.

Вопросъ о естественной классификаціи историческихъ стадій соціальной экономіи особенно важенъ потому, что классификація эта, будучи примѣнена къ простѣйшимъ и самымъ общимъ явленіямъ общественной жизни, потомъ послужитъ философскимъ основаніемъ для объясненія соціальныхъ явленій болѣе сложнаго и спеціального порядка, какъ-то: семьи, искусства, морали, права и политики.

Что различныя соціальныя школы все болѣе и болѣе, повидимому, склоняются къ признанію экономическаго базиса основнымъ базисомъ общества—этотъ фактъ есть крупное пріобрѣтеніе науки. Но проблема требуетъ болѣе точнаго рѣшенія. Изъ экономическихъ явленій и функцій, какія именно отличаются наибольшей общностью

* См. ниже, очеркъ „Историческій матеріализмъ“.

и простотой? Какой факторъ слѣдуетъ считать самымъ основнымъ въ этомъ экономическомъ строѣ, который и самъ является основнымъ?

Здѣсь нужно оговориться: дѣло идетъ не объ отысканіи въ социологіи первопричины, первоначальной движущей силы; для социальныхъ явленій, какъ и для другихъ естественныхъ явленій, не существуетъ первопричины, ибо здѣсь, какъ и вездѣ, тотчасъ же возникъ бы вопросъ: гдѣ же причина этой первопричины? Въ социологіи существуютъ только отдѣльныя рядомъ дѣйствующія причины. Какъ совершенно вѣрно говоритъ Шульце-Геверницъ, причины—это „стеченіе ряда экономическихъ обстоятельствъ, приведшее къ техническому прогрессу; изобрѣтенія, относящіяся къ давнему времени, законченныя вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, на половину, но оставшіяся безъ вліянія на экономическую жизнь, получили примѣненіе только въ новѣйшей промышленности, когда наступилъ соотвѣтствующій моментъ“. Всякое развитіе относится, очевидно, къ совокупности сложныхъ и перемѣшанныхъ между собою обстоятельствъ. Соціальная среда вся цѣликомъ является опредѣляющей причиною различныхъ послѣдовательныхъ формъ строенія и жизни обществъ, но въ этой сложной средѣ можно различить условія болѣе общія и простыя и менѣе общія и простыя, а среди послѣднихъ—тѣ, которыя относятся къ сферѣ обращенія. Какъ въ біологіи мускулы и нервы являются главными органами передачи ощущеній и движенія вообще, такъ въ социологіи главную роль играютъ органы, относящіяся къ передвиженію благъ и людей.

Вотъ почему учрежденія, относящіяся къ сферѣ обращенія, подвинулись дальше всѣхъ въ своей эволюціи; они обладаютъ самыми высшими социальными формами; таковы: дороги, каналы, рельсовые пути, почта и телеграфъ, деньги, банки и пр. *.

Первымъ основаніемъ для классификаціи могъ бы служить тотъ фактъ, что въ однихъ обществахъ существуетъ обмѣнъ, въ другихъ—нѣтъ. Въ обществахъ съ коммунистическимъ строемъ, начиная съ самыхъ рудиментарныхъ и кончая древнимъ Перу, нѣтъ обмѣна. Дареніе и противоположность его—воровство предшествуютъ обмѣну, что можно констатировать и въ настоящее время, когда приходятъ въ соприкосновеніе общества съ различными цивилизаціями, какъ, напр., въ Конго.

За обществами безъ обмѣна слѣдуютъ общества съ обмѣномъ, но въ натуральной формѣ; это—режимъ непосредственной мѣны.

* Э. Вандервельде въ своей книгѣ «Коллективизмъ и промышленная эволюція» констатируетъ этотъ фактъ, не объясняя его (стр. 95).

Далѣе идутъ общества, въ которыхъ обмѣнъ совершается при посредствѣ товара, исполняющаго роль денегъ. Потомъ происходитъ естественный подборъ между товарами, употребляющимися въ качествѣ денегъ; въ концѣ концовъ побѣду одерживаютъ въ этой борьбѣ металлы; между металлами опять-таки совершается подборъ: за желѣзомъ и бронзой слѣдуетъ мѣдь, серебро, золото.

Въ самомъ началѣ металлы, служащіе деньгами, разсматриваются, какъ товаръ; при обмѣнѣ они идутъ на вѣсъ. Потомъ вводятся слитки, на которыхъ особыми знаками указываются вѣсъ и проба; затѣмъ, нѣкоторые менѣе цѣнные металлы, какъ, напр., мѣдь и серебро, становятся до нѣкоторой степени кредитными деньгами, т. е. общественными знаками, обращающимися въ качествѣ орудія обмѣна по своей номинальной цѣнности, которая ниже ихъ реальной цѣнности. Потомъ появляются настоящія кредитныя деньги, банковые билеты, чеки и др., которые уже совсѣмъ не имѣютъ внутренней нѣнности, какъ товаръ, но могутъ еще превращаться въ металлическія деньги. Дальнѣйшая эволюція, какъ можно теперь предвидѣть, будетъ состоять въ томъ, что орудія обращенія потеряютъ свою способность превращаться въ металлическія деньги и будутъ служить только простымъ количественнымъ выраженіемъ цѣнности, которую можно на нихъ пріобрѣсти, поставивъ это количественное выраженіе въ извѣстное соотношеніе съ цѣнностью какого-либо товара, принятаго за мѣрило, напр., съ золотомъ или съ часомъ труда. Такимъ образомъ, человѣчество сложнымъ путемъ вернется къ исходной точкѣ эволюціи обмѣна, т. е. къ непосредственной мѣнѣ, но пройдя промежуточную стадію чисто символическихъ общественныхъ знаковъ, лишенныхъ всякой товарной цѣнности и обладающихъ лишь цѣнностью платежнаго и пріобрѣтательнаго средства (боны, система расчетныхъ платъ (Clearing Houses) и пр.).

Приведетъ-ли эта эволюція когда-нибудь къ чисто коммунистическому обществу, которое тоже явится съ внѣшней стороны возвратомъ къ еще болѣе первобытнымъ формамъ, когда вовсе не было обмѣна? Рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время превышаетъ наши силы научнаго предвидѣнія. Во всякомъ случаѣ, какъ и для обмѣна, это будетъ возвратомъ только *повидимому*.

Историческая эволюція обмѣна представляетъ собою одну изъ самыхъ яркихъ иллюстрацій экономическаго закона прогрессивнаго уменьшенія мертваго вѣса и соотвѣтственнаго возрастанія полезнаго дѣйствія, — самаго общаго закона экономическаго обращенія, который, по моему мнѣнію, господствуетъ не только надъ всѣмъ экономическимъ развитіемъ потребленія, производства и распредѣ-

ленія богатствъ, но и надъ всѣми болѣе спеціальными формами соціальной структуры.

Однако, обмѣнъ не есть еще первичный, самый общій элементъ, такъ какъ мы видѣли, что существуютъ общества безъ обмѣна. Но нѣтъ ни одного общества, въ которомъ бы не было извѣстнаго обращенія людей и благъ; простѣйшее экономическое явленіе—это ихъ перемѣщеніе, движеніе. Слѣдовательно, самымъ общимъ факторомъ, опредѣляющимъ всѣ экономическіе процессы, а также и болѣе спеціальныя, производныя общественныя процессы, является въ конечномъ счетѣ органическое развитіе обращенія какъ въ экстенсивномъ, такъ и въ интенсивномъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ пространству и по отношенію къ населенію.

Самое элементарное дѣленіе исторіи соціальной экономіи могло бы быть, поэтому, основано на ея собственныхъ отличительныхъ чертахъ, согласно которымъ всякое общество имѣетъ экономическое обращеніе, совершающееся въ большихъ или меньшихъ предѣлахъ: обращеніе это можетъ быть мѣстнымъ, національнымъ, международнымъ или всемірнымъ.

Вопросъ этотъ имѣетъ не только теоретическій, но и практической интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь рѣчь идетъ о самыхъ общихъ явленіяхъ, которыя дѣйствуютъ съ наибольшей силой на всѣ другія; если явленія эти относятся къ сферѣ обращенія, то мы должны стараться прежде всего улучшить сферу обращенія; если явленія эти относятся къ области производства или техники производства, то мы должны первымъ дѣломъ заняться сферою производства; если самымъ общимъ факторомъ является развитіе населенія, то мы должны, главнымъ образомъ, дѣйствовать на развитіе населенія и т. д.; вообще, нашъ образъ дѣйствій зависитъ отъ того, какое изъ предложенныхъ разными школами основаній будетъ нами принято.

Изъ всего изложеннаго, кажется, вытекаетъ, что въ основу позитивной классификаціи обществъ должны быть положены во всякомъ случаѣ самыя общіе ихъ отличительныя признаки, а такими признаками являются именно признаки экономическіе. Въ дополненіе къ такой классификаціи должны быть приняты во вниманіе и другіе признаки, сообразно съ началами, изложенными въ моемъ *Соціальномъ трансформизмѣ*, — началами, въ силу которыхъ мѣрило общественнаго развитія можетъ быть заимствовано только у цѣлостной общественной организаціи, стоящей на болѣе или менѣе высокой степени развитія. Эта чисто соціологическая точка зрѣнія, основанная на свойствахъ цѣлаго, представляется необходимой, какъ про-

тивовѣсь слишкомъ ограниченному, абсолютному характеру, которымъ отличается всякая односторонняя точка зрѣнія, не исключая и экономической.

Сдѣлавъ эту существенную оговорку, я настаиваю на своей мысли, что всякое явленіе изъ области потребленія и производства предполагаетъ какое-нибудь болѣе общее явленіе изъ сферы обращенія; производство и потребленіе исторически предполагаютъ уже наличность обращенія, что мы и видимъ въ рудиментарныхъ обществахъ, живущихъ естественными произведеніями. Производство и потребленіе—двѣ крайнія точки одной и той же линіи, два противоположныхъ полюса одного круга, величина котораго зависитъ отъ разстоянія между центромъ и окружностью.

Итакъ, въ основаніи соціальной экономіи и, стало быть, всей соціологіи лежитъ движеніе. Это обстоятельство связываетъ экономическую эволюцію съ философіей природы вообще. Слѣдовательно, я нѣсколько расхожусь съ Марксомъ и прежде всего въ томъ, что я не признаю въ соціологіи дѣленія соціальныхъ явленій на матеріальныя и идеальныя; они—и то, и другое одновременно: соціальны фактъ слагается изъ нераздѣльнаго сочетанія этихъ двухъ сторонъ его. Затѣмъ, движеніе, обращеніе и, въ частности, перевозку и перемѣщеніе благъ и людей я рассматриваю, какъ первичный, простѣйшій, самый общій экономическій элементъ, съ тройкой точки зрѣнія—логической, исторической, естественно-научной. Всѣ другія экономическія и соціальныя формы проистекаютъ въ своемъ развитіи отъ этого элемента. Прибавлю еще, что такъ какъ всякое общество есть надъ-органической агрегатъ всѣ части котораго не только находятся въ извѣстномъ соотношеніи между собою, но и оказываютъ воздѣйствіе другъ на друга, служа во всемъ этомъ интересамъ цѣлаго, то цѣлостная соціологическая точка зрѣнія по необходимости сообщаетъ относительный характеръ нашему исканію и нахожденію простѣйшаго, самаго общаго фактора; не признавать этой относительности—значило бы предаваться бесплоднымъ исканіямъ первопричины и абсолюта. Всякая причина есть дѣйствіе; всякое дѣйствіе есть причина.

Я долженъ констатировать, что результатъ моихъ изысканій отчасти согласуется съ выводами, къ которымъ пришелъ въ 1868 г. де-Роберти въ своемъ *Очеркѣ политической экономіи и соціальной науки*. Но работа эта мнѣ не была извѣстна даже долго спустя послѣ опубликованія двухъ первыхъ томовъ моего *Введенія въ соціологію* (1886—1889). Я познакомился съ нею только около 1895 г., но совершенно забылъ ее, когда чтеніе труда де-Роберти „*La Constitution de*

l'Ethique“ (стр. 40) напостило мнѣ о неѣ. Въ этомъ сочиненіи де-Роберти указываетъ, какъ и я это сдѣлалъ, на соотношеніе, существующее между нашей общей экономической классификаціей, съ одной стороны, и логической и естественной классификаціей и родствомъ наукъ—съ другой. Это совпаденіе между моей и его точкой зрѣнія кажется мнѣ тѣмъ знаменательнѣе, что мой почтенный коллега пользуется скорѣе дедуктивнымъ, логическимъ методомъ, а я—главнымъ образомъ—индуктивнымъ, историческимъ. Замѣчу еще, что въ этомъ вопросѣ я многимъ обязанъ П. Ж. Прудону, сочиненія котораго направили мое вниманіе, когда я еще былъ юношей, на важную роль обращенія въ соціальной экономіи. Я долженъ признать за великимъ мыслителемъ, котораго слишкомъ забыли въ послѣднее время его соотечественники, эту долю вліянія на мое духовное развитіе, которое, впрочемъ, не было поработано ни одной доктриной въ отдѣльности.

Если, послѣ всего вышеизложеннаго, взять за основаніе явленія и формы экономического обращенія, которыя, рассматриваемыя относительно, являются простѣйшими и самыми общими, то главные періоды исторіи соціальной экономіи можно было бы представить, сообразно съ ихъ эволюціей и прогрессивнымъ дифференцированіемъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Общая таблица естественныхъ послѣдовательныхъ періодовъ обращенія.

Существенные факторы экономическихъ и соціальныхъ явленій вообще: территорія и населеніе. Простѣйшее и самое общее явленіе вытекающее изъ сочетанія обоихъ этихъ факторовъ: движеніе благъ и людей — охота, рыболовство, собираніе плодовъ, извлеченіе естественныхъ произведеній.

Эволюція формъ, образовавшихся посредствомъ дифференцированія простаго движенія или перевозки:

1. Въ отношеніи путей сообщенія.

А. Сухопутныя дороги:

а) естественные пути;

б) тропинки;

в) грунтовыя дороги;

г) мощеныя дороги;

д) рельсовыя пути: деревянные,

- e) рельсовые пути: желѣзные,
- „ „ „ стальные;

B. водные пути:

- a) рѣчки;
- b) притоки рѣкъ;
- c) главныя рѣки;
- d) озера;
- e) большія рѣки и озера;
- f) внутреннія моря;
- g) океаны.

C. Воздушные пути.

2. Въ отношеніи средствъ передвиженія:

A. по землѣ:

- a) переноска товара человѣкомъ;
- b) подтаска товара по землѣ или по доскамъ;
- c) подвозка: колеса, оси;
- d) рессорные экипажи.
- e) поѣзда.

B. по водѣ:

- a) стволы деревьевъ, плоты;
- b) выдолбленные стволы, челноки;
- c) барки;
- d) лодки;
- e) корабли.

C. по воздуху:

воздушные шары.

3. Въ отношеніи движущей силы:

A. на землѣ:

- a) человѣкъ;
- b) волю, лошади и пр.;
- c) паръ;
- d) электричество.

B. на водѣ:

- a) теченіе, шестъ, весло, руль;
- b) вѣтеръ, парусъ;
- c) паръ и электричество.

4. Въ отношеніи перевозимыхъ благъ:

- a) естественныя произведенія, товары;
- b) образчики товаровъ;
- c) письменная передача спроса и предложенія (почта и телеграфъ).

5. Въ отношеніи распредѣленія благъ:
- a) дареніе и воровство;
 - b) распредѣленіе по волѣ высшей власти и первобытный коммунизмъ;
 - c) распредѣленіе путемъ обмѣна;
 - d) торговля;
 - e) коммерческіе банки;
 - f) сохранные банки;
 - g) депозитные „
 - h) учетные „
 - i) эмиссіонные „
 - j) кредитные „
 - a') коммерческій кредитъ,
 - b') промышленный „
 - c') поземельный „
 - d') земледѣльческій „
 - e') трудовой „
 - k) расчетные банки.

6. Въ отношеніи орудій обмѣна:

A. Періодъ безъ обмѣна.

B. Періодъ съ обмѣномъ:

- a) натуральнымъ; непосредственная мѣна;
- b) при помощи товара, играющаго роль денегъ; борьба между товарами, употребляемыми въ качествѣ средства обращенія и мѣрила цѣнности;
- c) при помощи металла, идущаго, какъ товаръ: бронза, желѣзо, мѣдь, серебро, золото;
 - c') металлъ, принимаемый на вѣсъ;
 - c'') металлъ въ слиткахъ;
 - c''') металлъ съ чеканкой.

Борьба между металлами; побѣда золота, подчиненное положеніе менѣе цѣнныхъ металловъ.

d) Превращеніе монеты, сдѣланной изъ менѣе цѣнныхъ металловъ, въ полу-кредитныя деньги.

C. Вѣкъ кредита и кредитныхъ денегъ:

- a) банковые билеты, вполне обеспеченные металлической наличностью;
- b) только частью обеспеченные звонкой монетой;
- c) гарантированные всей совокупностью объединенныхъ мѣняль, потребителей и производителей;
- d) частичное, по крайней мѣрѣ, изъятіе кредитныхъ денегъ, воз-

вращеніе съ *внѣшней стороны* къ примитивнымъ формамъ; расчетныя палаты и пр.

7. Что касается степени полезнаго дѣйствія движенія и транспорта, то общій законъ прогресса различныхъ видовъ обращенія, поименованныхъ въ пп. 1, 2, 3, 4, 5 и 6, по нашему мнѣнію, лучше всего и со всѣхъ точекъ зрѣнія можетъ быть формулированъ въ видѣ постояннаго сокращенія мертваго вѣса и соотвѣтственнаго непрерывнаго возрастанія полезнаго дѣйствія.

Сфера цивилизаціи, на которую распространяется экономическое движеніе (обращеніе), все болѣе и болѣе расширяется: экономическая структура становится послѣдовательно мѣстной, областной, національной, международной, междуматериковой и, наконецъ, всемірной съ соотвѣтственными центрами. Дифференцированіе труда увеличивается въ своей интенсивности и растетъ по мѣрѣ распространенія сотрудничества и улучшенія организаціи этого сотрудничества,—сотрудничества, которое первоначально основывается на принужденіи, а въ концѣ концовъ становится договорнымъ, но въ томъ и другомъ случаѣ вызывается необходимостью.

Простѣйшимъ и самымъ общимъ явленіемъ, господствующимъ надъ соціальной структурой вообще и экономической въ частности, представляются на нашъ взглядъ протяженіе и направленіе путей сообщенія,—протяженіе и направленіе, которыя въ свою очередь служатъ выраженіемъ болѣе или менѣе полнаго сочетанія двухъ существенныхъ факторовъ всякаго соціальнаго явленія и всякаго общества: территоріи и населенія. Соціальный кругъ постепенно расширяется до крайнихъ предѣловъ нашей планеты, но соціальныя функціи остаются неизмѣнными, мѣняются только ихъ историческія формы и главную роль въ этихъ измѣненіяхъ играетъ расширеніе и усовершенствованіе путей сообщенія, вызывающее прежде всего измѣненіе техники и предметовъ оборудованія, затѣмъ—формъ потребленія и наконецъ—производства, хотя всѣ они находятся между собою во взаимодѣйствіи. Тресты капиталистовъ—мѣстные, національные, международные, всемірные,—все это послѣдовательныя ступени экономической исторіи подъ разными названіями, но замѣчательно то, что прежде всего появились торговые тресты, а потомъ уже эта форма объединенія распространилась на производство. Отнынѣ сфера дѣйствія трестовъ станетъ ограничиваться, они будутъ встрѣчать на своемъ пути противовѣсъ, и, быть можетъ, настанетъ такое время, когда они будутъ утилизированы въ интересахъ рабочихъ и потребителей, а также въ интересахъ государства, которое, въ отношеніи своей структуры и въ отношеніи исполненія своей постоянной

исторической функціи, состоящей въ охранѣ и улучшеніи общественнаго строя, постепенно пріобрѣтаетъ, подобно трестамъ, международный характеръ.

Общая классификація экономическихъ явленій.

А. Обращеніе:

Простое перемѣщеніе благъ и людей: движеніе, перевозка: охота, рыболовство, собираніе дикой пищи:

1. безъ обмѣна;
2. съ обмѣномъ: а) натуральнымъ, непосредственная мѣна (въ томъ числѣ дареніе и воровство).

Производныя формы:

Обмѣнъ при помощи товаровъ, функционирующихъ въ качествѣ денегъ;

- | | | | |
|---|---|---|---|
| ” | ” | ” | металла, идущаго какъ товаръ; |
| ” | ” | ” | чеканной монеты; |
| ” | ” | ” | звонкой монеты съ полукредитнымъ характеромъ, обращающейся внутри группы; |
| ” | ” | ” | внутренняго кредита; |
| ” | ” | ” | международнаго кредита; |
| ” | ” | ” | символическихъ денегъ, не обладающихъ внутренней цѣнностью, но имѣющихъ силу общественнаго платежнаго средства. |

Национальные боны, служащіе посредниками обмѣна и потребления (видимый возвратъ къ непосредственной мѣнѣ).

В. Потребленіе:

- | | |
|---|---|
| 1) разрушительное: | { частное: предметы роскоши;
{ публичное: войны. |
| 2) полезное и необходимое | |
| 3) потребленіе въ видахъ воспроизводства и размноженія. | |

С. Производство:

- 1) промышленное,
- 2) земледѣльческое,
- 3) земледѣльческое съ промышленнымъ характеромъ.

Всѣ предыдущія разсужденія позволяютъ намъ предложить слѣ-

дующее опредѣленіе экономической науки, основанное на ея постоянной функціи:

Экономика есть основная часть соціальной науки, имѣющая своимъ предметомъ изученіе и познаніе функцій и строенія системы питанія обществъ въ видахъ сохраненія этихъ послѣднихъ, а также и усовершенствованія ихъ посредствомъ прогресивнаго сокращенія человѣческихъ усилій и мертваго вѣса съ одной стороны и посредствомъ возрастанія полезнаго дѣленія съ другой, въ общихъ интересахъ и для блага какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и всѣхъ людей, составляющихъ организованное общество.

... в области философии, особенно в области философии истории, философии культуры, философии религии, философии искусства, философии права, философии политики, философии экономики, философии социологии, философии педагогики, философии медицины, философии техники, философии науки, философии философии.

... в области философии, особенно в области философии истории, философии культуры, философии религии, философии искусства, философии права, философии политики, философии экономики, философии социологии, философии педагогики, философии медицины, философии техники, философии науки, философии философии.

... в области философии, особенно в области философии истории, философии культуры, философии религии, философии искусства, философии права, философии политики, философии экономики, философии социологии, философии педагогики, философии медицины, философии техники, философии науки, философии философии.

III.

Адольфъ Кетлэ

и предтечи физико-математической школы въ социаль-
ной экономіи.

I.

Развитіе социальной экономіи тѣсно связано съ тремя послѣдо-
вательными теченіями, которыя, будучи первоначально различны,
неизбѣжно должны постепенно слиться въ одно цѣлое съ обогащен-
нымъ содержаніемъ. Это были: прежде всего — великая математиче-
ская, механическая и физическая школа, заслуги и методы которой
были слишкомъ скоро забыты, а современной социологіей совсѣмъ
не признаются; затѣмъ біологическая школа и, наконецъ, психоло-
гическая, самая молодая, что и согласуется вполне съ естественной
эволюціей наукъ. А. Кетлэ (1796—1874) принадлежитъ къ первой,
Ог. Контъ велѣдъ за Сенъ Симономъ и д-ромъ Бюрдэнмъ освятилъ
вторую, Г. Спенсеръ и особенно Тардъ, Лебонъ, Сигеле, Лацарусъ,
Штейнталь и др. — третью. Въ первой преобладаетъ статическая точка
зрѣнія, во второй по меньшей мѣрѣ равное съ нею мѣсто занимаетъ
динамическая точка зрѣнія, которая почти всецѣло господствуетъ
въ третьей школѣ. Нужно, однако, имѣть въ виду, что вожди или
родоначальники этихъ школъ были, вообще говоря, менѣе односто-
ронни, чѣмъ ихъ послѣдователи. Во всякомъ случаѣ этотъ порядокъ
развитія социальныхъ ученій представляетъ собою естественную
эволюцію, согласуясь съ порядкомъ образованія наукъ, предшествую-
щихъ социологіи и положительныя пріобрѣтенія каждой изъ этихъ

школь должны быть признаны и утилизированы въ соціологическомъ синтезѣ, въ которомъ эти пріобрѣтенія неизбежно должны слиться, покинувъ свой исключительный партикуляризмъ.

Наконецъ, четвертымъ теченіемъ, быть-можетъ, болѣе важнымъ, чѣмъ предыдущія,—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ своимъ источникомъ самые глубокіе слои соціальной жизни, служа выразителемъ ихъ нуждъ и неустанныхъ стремленій къ равенству, справедливости и счастью,—четвертымъ теченіемъ является социализмъ. Подобно другимъ школамъ, социализмъ первоначально тоже претендовалъ на безусловную исключительность, выступивъ съ полнымъ отрицаніемъ существующаго общественнаго строя, но, благодаря Марксу, Прудону и ихъ послѣдователямъ въ разныхъ странахъ, онъ приходитъ въ прикосновеніе съ соціологіей и въ концѣ концовъ сольется съ нею въ одинъ громаднѣйшій неодолимый потокъ, намывъ котораго незамѣтно образуетъ высшую формацію новаго челоуѣчества. Эти теченія, слѣдовавшія первоначально по разнымъ направленіямъ, стремясь, однако, къ сліянію, имѣютъ въ сущности однородное, единое происхожденіе: всѣ они берутъ свое начало отъ религіозныхъ и метафизическихъ построеній въ родѣ библии, кодекса Ману, республики Платона. Это были чисто соціальныя системы съ преходящимъ значеніемъ: онѣ могли сдѣлаться позитивными лишь послѣ того, какъ послѣдовательно дифференцировались и установились отдѣльныя науки и въ концѣ концовъ появились науки соціальныя, которыя вначалѣ тоже еще составляли одно недифференцированное цѣлое. Эта всеобщая эволюція, столь грандіозная по неизмѣнной правильности своего движенія, представляетъ собою, между прочимъ, замѣчательное проявленіе того закона *видимаго возврата къ примитивнымъ формамъ*, на который мы не разъ указывали при разсмотрѣніи соціальныхъ явленій разныхъ категорій.

II.

Непосредственные предшественники А. Кетлэ и современной механико-математической школы въ соціальной экономіи принадлежатъ, главнымъ образомъ, XVII и XVIII столѣтіямъ. Это были, вообще говоря, математики, физики, часто также астрономы и географы, которые, естественно, пытались примѣнить методы и законы наукъ, сложившихся въ числѣ первыхъ, къ болѣе сложнымъ явленіямъ соціальной жизни, получившимъ въ то время развѣ только поверхностное освѣщеніе. Эта научная эволюція проявилась въ трехъ го-

сударствахъ, стоявшихъ въ XVII столѣтіи во главѣ цивилизаціи, именно; во Франціи, Голландіи и Англіи, за которыми въ XVIII столѣтіи послѣдовала Германія. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не со случайнымъ явленіемъ, а съ правильнымъ развитіемъ, определяемымъ всѣми условіями эпохи какъ предшествующими, такъ и сопутствующими.

Современная соціальная наука оказалась неблагодарной по отношенію къ школѣ, соціальныя концепціи которой мы попытаемся здѣсь изложить, останавливаясь, главнымъ образомъ, на статическихъ построеніяхъ знаменитаго бельгійца, въ трудахъ котораго лучше всего выступаютъ въ зародышѣ указанныя выше тенденціи къ синкретизму различныхъ доктринъ и методовъ,—синкретизму, который уже замѣтенъ у Кетлэ, несмотря на то, что у него еще господствуетъ физико-математическая концепція наукъ. Этотъ синкретизмъ, который явится общимъ результатомъ неизбежнаго стеченія всѣхъ отдѣльныхъ, соціологическихъ концепцій, будетъ, безъ сомнѣнія, великимъ дѣломъ XX вѣка.

Паскаль (1623—1662) и почти въ одно время съ нимъ Ферма (1601—1665) во Франціи и затѣмъ Яковъ Бернуллі (1654—1705) въ Швейцаріи первые положили основаніе новой наукѣ — статистикѣ, которая не довольствовалась описаніемъ и исчисленіемъ соціальныхъ фактовъ, но силилась, классифицируя ихъ и примѣняя теорію вѣроятностей, найти извѣстный порядокъ въ явленіяхъ соціальной жизни и тѣмъ достигнуть возможности предусматривать появленіе и правильное повтореніе соціальныхъ фактовъ.

Паскаль пробовалъ даже распространить теорію вѣроятностей на философскія или, вѣрнѣе, метафизическія проблемы своего времени; онъ пытался извлечь изъ нея доказательство существованія Бога. Слѣдуетъ ли держать *пари* за или противъ существованія Бога? Паскаль рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя онъ все-таки никакъ не могъ разсѣять мучительную тревогу своей совѣсти *. Потомъ знаменитый Лапласъ опровергъ его вычисления своими. Напротивъ, Лашелье въ интересной статьѣ, напечатанной въ *Revue philosophique* за іюнь 1901 г. подъ заглавіемъ *Замѣтки о пари Паскаля*, сдѣлалъ попытку объяснить математическія разсужденія автора *Мыслей* въ благопріятномъ для него смыслѣ. Въ свою очередь, М. Дюга́ и Ш. Рикье опровергаютъ доводы Лашелье въ статьѣ, напечатанной тоже въ *Revue philosophique* за сентябрь 1901 г.; кромѣ того, Рикье, ставъ на число математическую точку

* *Pascal*, *Pensées*, art. X, I, édit. Ravet.

зрѣнія, кажется, доказаль, что если Паскаль дѣйствительно желаль дать техническое доказательство, основанное на теоріи вѣроятностей, то это доказательство представляет собою „самое жалкое изъ всѣхъ доказательствъ“.*

Въ Англіи В. Петти (1623—1687) пользуется математическими выкладками для объясненія соціальныхъ фактовъ въ своей *Политической ариметикѣ*, напечатанной лишь послѣ его смерти въ 1691 г.; Джонъ Граунтъ опубликоваль около 1661 или 1662 г. одну изъ первыхъ таблицъ смертности. Такое же научное движеніе происходитъ въ Голландіи, гдѣ въ этомъ направленіи выступаютъ Гюйгенсъ (1629—1695), де Виттъ (1625—1672) и Гудде (1628—1704).

Всѣ или почти всѣ испытали на себѣ могучее вліяніе знаменитаго Лейбница (1649—1716), философа съ энциклопедическими знаніями, который, съ одной стороны, открыль дифференціальное счисленіе, а съ другой—формулировалъ, если не первый, то во всякомъ случаѣ съ наибольшей силой и точностью, великій законъ преемственности, въ исторіи, наложивъ, такимъ образомъ, неизгладимую печать своего генія на два противоположныхъ полюса человѣческаго знанія.

Паскаль и Фермà примѣняли теорію и счисленіе вѣроятностей почти исключительно къ игрѣ, къ пари, но Бернуллі уже распространиль ихъ примѣненіе на нравственные и соціальные вопросы. У Паскаля примѣненіе теоріи вѣроятностей къ вопросу о существованіи Бога было ничѣмъ инымъ, какъ игрою ума, отражающей глубокія волненія его души. У Гюйгенса, Де-Вита и Гудде теорія и счисленіе вѣроятностей связываются съ нравственными и соціальными проблемами черезъ посредство финансовъ вопросовъ и таблицъ смертности. У Якова Бернуллі стремленіе сдѣлать соціальныя изслѣдованія позитивными путемъ примѣненія къ нимъ математической теоріи шансовъ выступаетъ сильнѣе, чѣмъ у этихъ современниковъ его, принадлежавшихъ къ той же школѣ. Послѣдніе преслѣдовали спеціальныя, практическія цѣли въ отношеніи государственныхъ нуждъ; Бернуллі же занимали, главнымъ образомъ, нравственныя и политическія явленія; ихъ-то онъ и хотѣль подчинить счету и предвидѣнію. Его труды о теоріи вѣроятностей были опубликованы послѣ его смерти подъ названіемъ: *Jacobi Bernouilli ars conjectandi, opus posthumum accedi; tractatus de seriebus infinitis*, Bale 1713. Какъ онъ самъ выражается, онъ примѣняетъ теорію вѣроятностей къ *res civiles, morales et oeconomicas*.

* *Revue philosophique*, сент. 1901 г., стр. 226—237.

Въ XVIII столѣтїи Бюффонъ пользуется въ своей *Естественной исторїи человека* таблицами смертности Дюпре де Сень-Мора. Труды де Муавра (1726) и Депарсье (1703—1768) тоже имѣютъ своимъ предметомъ таблицы смертности; таблица, приведенная въ книгѣ Депарсье *Опытъ о вѣроятностяхъ человѣческой жизни* (Парижъ, 1746), пользовалась долгое время какъ-бы оффиціальнымъ признаніемъ. Д' Аламберъ (1717—1783), Кондорсэ и Лавуазье (1743—1794) мало-по-малу распространили ту же концепцію и тотъ же методъ на большинство соціальныхъ явленій. То же нужно сказать о Лагранжѣ (1736—1813); онъ составилъ свой *Опытъ политической ариѳметики* на основанїи данныхъ, которыми снабдилъ его Лавуазье. * Такимъ образомъ, въ XVIII столѣтїи основатель химїи соединился съ математиками и механиками, астрономами и физиками его времени и предыдущаго столѣтїя, чтобы подчинить соціальные факты математическому исчисленію. Не былъ ли это въ самомъ дѣлѣ естественный ходъ вещей, который долженъ былъ отнять у соціальныхъ явленій ихъ абсолютный характеръ и дать возможность постигнуть дѣйствіе и взаимодѣйствіе явленій, столь ясно выступающія въ физическихъ наукахъ и въ особенности въ только что созданной химїи?

Благодаря этимъ знаменитымъ ученымъ энциклопедистамъ, статистика стала пользоваться также методомъ сравненія, а во Франціи возникла *теорія среднихъ чиселъ*, которая потомъ получила дальнѣйшее развитіе и распространеніе.

Это движеніе лучше всего обрисовывается у Лапласа и Жозефа Фурье. Лапласъ придалъ статистикѣ характеръ соціальной науки, съ претензіей, хотя бы въ будущемъ, достигнуть цѣлостнаго развитія. Только опытъ могъ показать, что на самомъ дѣлѣ она даже не отдѣльная наука, а просто метода исчисленія, классификаціи и изслѣдованія, примѣнимая къ количественной сторонѣ соціальныхъ фактовъ, поскольку они поддаются подсчету и измѣренію. У Лапласа и Фурье находятъ себѣ подкрѣпленіе основныя черты теорїи Кетлэ. Начать съ того, что научный детерминизмъ и преемственность соціальныхъ фактовъ провозглашаются съ категоричностью, исключаящей абсолютную свободу воли. „Событія настоящаго времени,—говоритъ Лапласъ,—имѣютъ связь съ предшествующими, основанную на томъ очевидномъ принципѣ, что ни одна вещь не можетъ появиться на свѣтъ безъ причины, которая ее производитъ. Эта аксіома, извѣстная подъ именемъ принципа достаточнаго основанія,

* См. т. XIV *Collection des principaux économistes, Paris, Guillaumin et Co.*

относится также къ такимъ дѣйствіямъ, которыя считаются безразличными. Какъ бы воля ни была свободна, она не можетъ производить никакихъ дѣйствій безъ опредѣленныхъ мотивовъ; ибо, если бы, при полномъ сходствѣ обстоятельствъ двухъ положеній, воля дѣйствовала въ одвомъ случаѣ, воздерживаясь отъ дѣйствія въ другомъ, то ея выборъ былъ бы на самомъ дѣлѣ безпричиннымъ; это былъ бы, какъ выражается Лейбницъ, „слѣпой случай эпикурейцевъ“.

Лапласъ считаетъ этотъ принципъ правильнымъ и для такъ называемыхъ безразличныхъ дѣйствій. Все имѣетъ свою причину, все обусловлено и непрерывно. Кромѣ того, „если продолжить рядъ событій до безконечности, то дѣйствіе регулярныхъ, постоянныхъ причинъ должно въ концѣ концовъ взять верхъ надъ дѣйствіемъ причинъ нерегулярныхъ“.

Эта концепція всеобщаго детерминизма должна была естественнымъ образомъ привести къ мысли о существованіи средняго человѣческаго типа и даже постояннаго соціальнаго типа. Средній типъ является выраженіемъ общества и человѣчества съ статической точки зрѣнія. Нужно однако замѣтить, что теоретики закона большихъ чиселъ не расширяли или, вѣрнѣе, не могли расширить въ достаточной мѣрѣ поле своихъ наблюденій ни во времени, ни въ пространствѣ; узкость поля ихъ наблюденій приводила къ тому, что то, что они считали средними или нормальными состояніями, чаще всего соответствовало только опредѣленнымъ историческимъ періодамъ*.

Тѣ же идеи и тѣ же методы развивалъ и Жозефъ Фурье (1768—1830), но съ меньшей тенденціей къ философскимъ обобщеніямъ. Ставъ во главѣ статистическаго бюро сенской префектуры, онъ опубликовалъ въ 1821 году свои *Статистическія изслѣдованія о городѣ Парижѣ и Сенскомъ департаментѣ*. Труду этому предпосланы были общія замѣчанія о населеніи; въ нихъ Фурье изложилъ тѣ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ изслѣдованіяхъ этого рода, и причины, дѣйствующія на населеніе въ сторону увеличенія или уменьшенія. Въ 1823 году появился подъ тѣмъ же заглавіемъ новый томъ, посвященный времени, протекшему послѣ изданія перваго тома. Введеніе къ этому тому заключаетъ въ себѣ

* La-Place, *Théorie analytique des probabilités*. 1812.—Jd. *Essai philosophique sur les probabilités*, 1814.—Jd. *Recherches sur les probabilités des jugements en matière criminelle et en matière civile précédée des règles générales du calcul des probabilités*. Paris, 1837.

весьма важный обзоръ данныхъ о парижскомъ населеніи съ конца XVII вѣка до 1821 г. Такимъ образомъ, статистическія данныя, по крайней мѣрѣ, по этому вопросу, становились болѣе точными и обстоятельными. Въ 1826 и 1829 г.г. послѣдовательно появились два другихъ дополнительныхъ тома; они заключаютъ въ себѣ двѣ работы Фурье: о *Среднихъ выводахъ изъ большого числа наблюдений* и о *Среднихъ выводахъ и ошибкахъ измѣренія*. Въ этихъ работахъ Фурье систематически примѣняетъ теорію вѣроятностей къ статистическимъ даннымъ.

Еще раньше, въ своемъ *Докладѣ о тонтинахъ и кассахъ страхованія* (Парижъ 1821 г.), Фурье установилъ правила, которыхъ должны держаться Общества, занимавшіяся такого рода операціями Общества эти представляли въ то время частную капиталистическую форму тѣхъ учрежденій, которымъ предстоитъ въ будущемъ, путемъ постепеннаго обобществленія, обезпечить жизнь рабочаго и его семьи при господствѣ наемнаго труда. Развитие этого дѣла въ настоящее время было бы невозможно безъ усовершенствованія статистики и техники страхованія при помощи теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ.

Уже это одно можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашего желанія напомнить современнымъ мыслителямъ и работникамъ о великой математической школѣ, столь незаслуженно покрытой мракомъ забвенія! Эта ученая, но скромная школа не сказала, впрочемъ, своего послѣдняго слова; она развивалась и продолжаетъ развиваться по сіе время. * Къ этимъ знаменитымъ мыслителямъ XVIII столѣтія примыкаютъ во Франціи Шапталъ (1756—1832), Пуассонъ, который въ прекрасной работѣ, опубликованной въ 1837 году, пользовался тѣмъ же методомъ, который примѣнилъ Лапласъ къ опредѣленію вѣроятности судебныхъ рѣшеній въ уголовномъ и гражданскомъ процессѣ, нѣсколько позднѣе—Курно (1801—1877) и затѣмъ вся современная математическая школа, представителями которой являются Стэнли Джевонсъ въ Англии (1835—1882) и Леонъ Вальрасъ въ Швейцаріи и во Франціи. Этотъ послѣдній во многихъ отношеніяхъ, особенно по вопросу о земельной рентѣ, примыкаетъ къ научному социализму.

* См. похвальное слово Ж. Фурье, произнесенное В. Кузеномъ въ засѣданіи французской академіи 5 мая 1831 г.

III.

Ог. Контъ, будучи самъ математикомъ, тѣмъ не менѣе держался того мнѣнія, что соціальныя явленія почти не поддаются количественной оцѣнкѣ; онъ полагалъ, что въ соціологіи, какъ и въ біологіи бесполезно доводить анализъ относящихся сюда явленій до первичныхъ элементовъ животной и соціальной жизни. Отказавшись отъ позитивнаго метода тамъ, гдѣ вслѣдствіе сложности, обширности и разнообразія явленій онъ болѣе всего необходимъ, хотя примѣненіе его представляетъ весьма значительныя трудности, Ог. Контъ рѣшительно и безусловно осудилъ эту ученую и трудолюбивую группу экономистовъ и соціологовъ — математиковъ, не сомнѣваясь однако въ томъ, что труды ихъ послужили для соціологіи фундаментомъ, безъ поддержки и укрѣпленія котораго всѣ обобщенія оставались бы простыми гипотезами. Изъ всѣхъ соціальныхъ различій, проявляющихся въ эволюціи строенія и жизни коллективнаго цѣлаго, самыми общими и простыми оказываются, можетъ-быть, количественныя различія; весьма вѣроятно, что именно эти различія, давая возможность возникнуть новымъ комбинаціямъ наличнаго и приумноженнаго соціальнаго матеріала, производятъ качественныя различія.

Въ произнесенномъ Ог. Контомъ приговорѣ имѣется, однако, и доля правды, точно такъ же, какъ и противники его отчасти правы, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ Контъ самъ. Послѣдній вполне основательно возставалъ противъ тенденціи сдѣлать соціальную науку чисто математической и статистической дисциплиной. Точно также онъ возставалъ и противъ тенденціи свести соціологію на степень простого отвѣтвленія біологіи и сдѣлать ее наукой чисто дедуктивной. Этой послѣдней опасности соціологіи, однако, не удалось избѣгнуть окончательно.

Не бесполезно будетъ напомнить здѣсь, что Контъ пишетъ по этому поводу въ двухъ мѣстахъ своего *Курса положительной философіи*, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ нихъ онъ имѣетъ въ виду специально *Соціальную физику* Кетлэ, которой мы займемся немного дальше. Впрочемъ, методологическіе вопросы еще долго останутся самыми неотложными вопросами въ соціологіи; научное сотрудничество должно установиться прежде всего, именно, на почвѣ методологическихъ вопросовъ.

Первое мѣсто находится въ примѣчаніи къ XXVII лекціи II тома „Курса положительной философіи“. Контъ даетъ тамъ слѣдующую оцѣнку попыткамъ примѣненія теоріи вѣроятностей къ социальнымъ явленіямъ: „Теорія вѣроятностей, какъ кажется, служила въ рукахъ знаменитыхъ ея творцовъ только удобной канвой для запутанныхъ и трудныхъ числовыхъ проблемъ; тѣмъ не менѣе онѣ остались столь же абстрактными, какъ теорія анализа, которая обязана своимъ происхожденіемъ теоріи вѣроятностей. Что касается философской концепціи, лежащей въ основаніи этой доктрины, то я ее считаю въ корнѣ ложной и способной повести къ самымъ нелѣпымъ послѣдствіямъ. Я говорю не только о фантастическихъ попыткахъ примѣнить теорію вѣроятностей къ усовершенствованію социальныхъ наукъ... Самое понятіе вѣроятности кажется мнѣ прямо иррациональнымъ и софистическимъ въ своей основѣ: я считаю ее по существу неспособной управлять нашимъ поведеніемъ ни въ какомъ случаѣ, за исключеніемъ развѣ азартной игры. На практикѣ она приведетъ къ отрицанію событій, которыя несмотря на то, что вычисленія покажутъ невѣроятность ихъ наступленія, тѣмъ не менѣе все-таки наступятъ. Люди поставили себѣ неразрѣшимую задачу замѣнить исчисленіемъ вѣроятностей столь необходимую во многихъ случаяхъ отсрочку сужденія. Что касается тѣхъ полезныхъ примѣненій, которыя будто бы обязаны этой доктринѣ своимъ существованіемъ, то на нихъ всегда заблаговременно вполне ясно указывалъ здравый смыслъ, заключенія котораго она часто искажала“.

Это рѣзкое и даже презрительное примѣчаніе слѣдуетъ сопоставить съ текстомъ, гдѣ Контъ говоритъ: „я не могу не констатировать здѣсь, какъ часто благоразумные люди, чуждые математическихъ предрасудковъ, должны были признать ребяческимъ и неумѣстнымъ примѣненіе теоріи вѣроятностей, которую впервые намѣтилъ Даніэль Бернулли и затѣмъ тщательно разработалъ самъ Лапласъ, къ оцѣнкѣ степени вѣроятности, что данныя явленія дѣйствительно имѣютъ свою причину, какъ-будто нашъ разумъ нуждается въ томъ, чтобы дожидаться такой оцѣнки, прежде чѣмъ приступить къ объясненію вполне установленнаго явленія, когда онъ находитъ это возможнымъ“.

Эти строки были написаны въ 1835 году, т.-е., когда появился трудъ Кетлэ: *О человѣкѣ и развитіи его способностей или опытъ социальной физики*. Появленіе этой книги представляетъ собою знаменательное событіе въ исторіи социологіи. Контъ не понялъ всей важности этого событія.

Познакомившись съ книгой знаменитаго бельгійца, Контъ нашель, что ему слѣдуетъ развить и точнѣе формулировать выше-приведенную общую оцѣнку. Показавъ въ XLIX главѣ своего *Курса положительной философіи* необходимую связь соціологіи съ философіей математики и астрономіи,—а это должно было привести его къ пониманію по крайней мѣрѣ того обстоятельства, что стремленіе истолковывать и обсуждать соціальныя явленія съ математической и механической точки зрѣнія представляетъ собою естественную предварительную стадію и потому его никакъ нельзя считать ложнымъ,—Контъ продолжаетъ: „впрочемъ, такъ какъ всякая мысль о точныхъ цифрахъ и математическихъ законахъ совершенно изгнана изъ біологіи, то тѣмъ болѣе ей не должно быть мѣста въ соціологическомъ умозрѣніи, которое отличается гораздо большей сложностью“. Послѣдующее развитіе науки самымъ категорическимъ образомъ опровергло этотъ взглядъ Конта, какъ и многіе другіе его взгляды. Дѣйствительно, въ послѣднія 50 лѣтъ мы наблюдаемъ, какъ *число* и *мѣра* вводятся въ біологію и фізіологію и какъ примѣненіе ихъ въ наукахъ о жизни распространяется параллельно съ развитіемъ этихъ наукъ, стремящимся преобразовать ихъ въ экспериментальныя науки. Контъ, который такъ хорошо распозналъ различные методы, свойственные каждой абстрактной наукѣ, и не менѣе хорошо зналъ взаимную зависимость всѣхъ наукъ, упустилъ изъ виду, что эта зависимость имѣетъ мѣсто не только между самими науками, но и между ихъ методами, такъ что, напр., историческій методъ, оказывая обратное дѣйствіе, получаетъ примѣненіе въ физическихъ наукахъ, а экспериментальный, свойственный этимъ послѣднимъ, проникаетъ въ область соціологіи.

Благодаря этой-то ошибкѣ, Контъ, говоря о „пустой претензіи значительнаго числа геометровъ сдѣлать соціальныя науки позитивными посредствомъ химерическаго подчиненія ихъ призрачной математической теоріи вѣроятностей“, продолжаетъ: „таковы иллюзіи геометровъ въ политической философіи, подобно тому какъ иллюзіи біологовъ состоятъ по преимуществу въ томъ, чтобы обратить соціологію въ простой королларій или придатокъ біологіи, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ устраняется необходимое преобладаніе историческаго анализа“. Еслибы Контъ ограничился сказаннымъ, то его критика была бы основательна; но онъ пошелъ дальше и на дѣлѣ совершенно исключилъ изъ соціологіи математическій и экспериментальный методы; его аргументація не можетъ поэтому касаться тѣхъ, которые, предоставляя себѣ право пользоваться этими методами, свойственными предшествующимъ наукамъ, признаютъ, что спеціаль-

нымъ методомъ социологіи является историческій методъ, но это не исключаетъ участія предшествующихъ методовъ *въ пограничной области, гдѣ социальныя явленія могутъ быть предметомъ счета, измѣренія и эксперимента.* Повторяемъ, взаимная зависимость существуетъ не только между науками, но и между методами, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности существуетъ только одинъ методъ, различаются лишь приемы наблюденія.

Контъ признавалъ однако примѣненіе механико-математическихъ методовъ вполне естественнымъ, но только въ началѣ, въ исходный моментъ. Это—важное признаніе, ибо если начало естественно, то дальнѣйшая эволюція математической школы тоже должна быть естественной, откуда можно заключить, что въ этой школѣ содержится доля истины, если хотите, меньшая, чѣмъ въ контизмѣ, но столь же реальная. Дѣйствительно, вотъ какъ Контъ окончательно формулируетъ свой взглядъ: „какъ бы ни была, очевидно, нелѣпа такая иллюзія, *тѣмъ не менѣе представляется вполне извинительнымъ,* что глубоко философскій умъ знаменитаго Якова Бернуллі первый высказалъ эту общую мысль, появленіе которой въ ту эпоху свидѣтельствуется неопровержимымъ образомъ о томъ, что уже предчувствовалась необходимость сдѣлать главныя социальныя теоріи позитивными такимъ именно путемъ, ибо лучшаго тогда и нельзя было подозрѣвать... Гораздо менѣе простительно, что эту же химеру потомъ воспроизвелъ Кондорсэ въ болѣе непосредственномъ и систематическомъ видѣ... Но ужъ совсѣмъ невозможно извинить Лапласу безплодное повтореніе этого философскаго заблужденія въ такое время, когда общее состояніе человѣческаго ума было уже таково, что можно было предвидѣть основной характеръ здоровой политической философіи, подготовленной трудами Монтескье и того же Кондорсэ и получившей могучій толчокъ въ радикальномъ общественномъ переворотѣ... Можно ли представить себѣ еще одну такую крайне неразумную концепцію, какъ та, которая беретъ въ качествѣ философскаго основанія для социальной науки или въ качествѣ главнаго средства для ея окончательной обработки мнимую математическую теорію, гдѣ человѣкъ, принимая знаки за идеи, согласно съ существомъ чисто метафизическаго умозрѣнія, силится сдѣлать предметомъ вычисленій софистическое понятіе о вѣроятности, выражаемой числомъ, что ведетъ къ тому, что наше собственное невѣжество принимается за естественное мѣрило степени правдоподобія нашихъ мнѣній?“ Въ подтвержденіе этой суровой оцѣнки, лишенной однако какихъ бы то ни было доказательствъ и состоящей исключительно изъ вопросовъ и утвержденій,—оцѣнки, обращающейся къ

чистому, универсальному разуму, Контъ приводитъ то соображеніе, что со времени Бернуллі эта доктрина не подверглась существенному улучшенію, несмотря на прогрессъ математическихъ наукъ и на многочисленные серьезные труды въ этой области, а „плодотворность концепцій составляетъ, конечно, въ отношеніи всякой науки наименѣе двусмысленный симптомъ реальности умозрѣнія“.

Нѣтъ ничего справедливѣе этого послѣдняго замѣчанія, дающаго вѣрный діагнозъ живучести науки, но наше изложеніе покажетъ, что появленіе и развитіе математической доктрины во всѣхъ странахъ, гдѣ прогрессъ науки наиболѣе интенсивенъ, свидѣтельствуеетъ о томъ, что она заключаетъ въ себѣ долю истины, что ея источникъ и эволюція естественны, но что она стремится вмѣстѣ съ другими теченіями въ соціологіи слиться въ одинъ потокъ, который въ концѣ концовъ поглотитъ всѣ эти первоначально абсолютныя и независимыя теченія. Школы математическая и статистическая вообще являются выраженіемъ сознанный необходимости дополнить чисто качественныя оцѣнки въ соціальныхъ наукахъ количественными анализомъ, описаніемъ и оцѣнкой, изображаемыми всегда, когда это возможно, алгебраическими формулами или геометрическими фигурами. Формулы и фигуры, очевидно, сами по себѣ не идеи; это только болѣе точный и болѣе ясный способъ ихъ выраженія. „Онѣ не избавляютъ отъ наблюденія и опыта, которые, конечно, должны имъ предшествовать, и даже когда онѣ выступаютъ непосредственно, то всегда при условіи контроля со стороны индуктивныхъ методовъ. Эти послѣдніе и являются въ послѣдней инстанціи единственнымъ способомъ доказательства“.

Въ примѣчаніи къ тексту, гдѣ Контъ произноситъ свой приговоръ надъ математической школой, онъ вспоминаетъ свою первую краткую оцѣнку, сдѣланную въ 1835 году, и продолжаетъ: „послѣ этого Пуансо со свойственной ему ясной философской проницательностью выступилъ въ одномъ достопамятномъ академическомъ спорѣ, чтобы предостеречь вульгарныхъ математиковъ противъ новаго мимолетнаго нашествія этого устарѣлаго заблужденія, которое тогда было въ точности воспроизведено съ нѣкоторымъ научнымъ трескомъ гораздо менѣе благоразумнымъ аналитикомъ“.

Контъ имѣетъ здѣсь въ виду именно Кетлэ и его *Соціальную физику*. Изъ приведенной цитаты мы видимъ, что Контъ считаетъ математическую теорію устарѣлой. Онъ призналъ уже разъ, что существованіе ея вначалѣ было вполне объяснимо; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ ея новое нашествіе, руководимое Кетлэ, мимолетнымъ. Но устойчивость доктрины въ прошедшемъ доказываетъ ея жизне-

способность; странно поэтому называть ту болѣе или менѣе новую форму, въ которой она теперь появилась, мимолетной, т.-е. случайной, тѣмъ болѣе, что можно усомниться въ проницательности Конта въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ смотрѣлъ на все XVIII столѣтіе и первую половину XIX, какъ на *пертурбаціонную* эпоху въ социальномъ развитіи. Впрочемъ, мы попытаемся сопоставить критику Конта съ критикой другихъ ученыхъ, но прежде чѣмъ идти дальше, мы изложимъ методъ и теоретическія построенія того, кому не менѣе, чѣмъ Ог. Конту, принадлежитъ право считаться однимъ изъ основателей социологіи.

IV.

Научное движеніе, которое появляется одновременно въ разныхъ странахъ и не только сохраняетъ свое существованіе, но развивается и преобразовывается, слѣдуетъ считать не мимолетнымъ пертурбаціоннымъ явленіемъ, а нормальнымъ событіемъ въ жизни этихъ странъ. Контъ, повидимому, не зналъ, что, кромѣ странъ латинской расы, аналогичное социологическое движеніе происходило также въ Голландіи, Англии и Германіи и вызвало на свѣтъ работы величайшей важности въ томъ же направленіи. Этотъ параллелизмъ, который былъ отчасти самопроизвольнымъ, такъ какъ движеніе возникало въ каждомъ изъ этихъ государствъ самостоятельно, независимо отъ вліянія другихъ, свидѣтельствуется въ достаточной степени о томъ, что предъ нами не случайное заблужденіе, не патологическій случай научнаго мышленія, не искусственное созданіе, но естественный, нормальный ходъ развитія социальной науки въ отношеніи ея метода и внутренняго строя.

Голландія получила въ XVII столѣтіи такой же толчокъ, какъ Франція. Христіанъ Гюйгенсъ (1626—1695) опубликовалъ въ 1656 году свое сочиненіе: *Van Rekening in spelen van geluk* (*Объ исчисленіи вѣроятностей въ азартныхъ играхъ*). Теорія вѣроятностей, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ „нахожденіе путемъ разсужденій того, что неизвѣстно и подчинено случайности“. Онъ даетъ здѣсь рѣшеніе четырнадцати задачъ и излагаетъ основныя формулы, изъ которыхъ впоследствии развились основанія страхованія жизни. Въ заключеніе онъ предлагаетъ еще пять задачъ, не давая ихъ рѣшенія. Онъ признаетъ, что теорію эту открыли Паскаль и Ферма, но „они такъ тщательно скрыли свой способъ вычисленій, что онъ долженъ сызнова начать ихъ изслѣдованія и изысканія“. Извѣстно,

что Паскаль и Ферма взялись за решение задачи, предложенной первому из них де Мере в 1654 году: „Два игрока выиграли каждый известное число партий и прекратили игру, не кончив ее. Спрашивается: как разделить ставку?“

Голландия пошла дальше других стран. Ни Паскаль, ни Ферма не применяли открытых ими законов к исчислению вероятностей человеческой жизни. Напротив, Гюйгенс, как видно из переписки его с братом, распространил свои исследования и на эту область; он сделал попытку установить среднюю и вероятную продолжительность человеческой жизни (см. письма его к брату за 1669 год). И вот 28 ноября 1669 года Христиан послал брату из Парижа диаграмму, именно, кривую, изображающую вероятность жизни в различные возрасты. Это, кажется, первая диаграмма в статистике и социальной экономике.

Вопреки утверждению Конта, мы имеем пред собою, следовательно, науку и метод, которые продолжали известную эволюцию, которые развиваются и совершенствуются; начав с исчисления вероятностей в игре, новая теория перешла затем к явлениям жизни, которые так тесно связаны с социальными условиями, особенно в отношении своей продолжительности и интенсивности. Это—прямое подтверждение того, что так хорошо выразил и доказал сам Конт: мы говорим о связи социальной науки со всеми предшествующими, в том числе с математикой. Это была вполне удачная попытка свести к законам,— правда, не абсолютным, а относительным,— сложные явления природы, которые мы неточно называем случайными и отдаем во власть таинственного божества, именуемого случаем, только потому, что наша слабая мысль не в состоянии проникнуть в те глубины, где скрывается связь причин с их следствиями.

Со времени знаменитого де Витта (1625—1672), который был знаком с трудами Гюйгенса и наверное пользовался ими, новая наука сделала шаг вперед: она распространила свои исследования на социальные факты, по крайней мере, на некоторые из них, поскольку они имеют отношение к вопросу о продолжительности человеческой жизни. Его сочинение под заглавием: *Waardije van Lyrenten naar proportie van Losrenten* (Ценность пожизненных рент сравнительно с срочными — погашаемыми) относится к 1671 году. Он представил его Генеральным Штатам 25 апреля. Этот замечательный финансовый труд включает в себя таблицу смертности, которая должна была послужить основанием для государственного займа в форме пожизненных аннуитетов. Как всегда

и вездѣ, социальная наука, особенно же экономія была прежде всего наукой правительственной или государственной.

Гудде (1628—1704), другъ и соревнователь знаменитаго голландскаго республиканца, тоже примѣнилъ теорію вѣроятностей къ вычисленію пожизненныхъ рентъ. Въ сочиненіи де-Витта изложено мнѣніе Гудде о точности метода, которымъ пользовался этотъ великій государственный человѣкъ.

Напомнимъ, что всѣ они въ различной степени одарены были способностью къ обще-философскому мышленію.

Гюйгенсъ, Де-Виттъ, Гудде состояли въ живой перепискѣ съ Лейбницемъ, Декартомъ, Ньютономъ, Лопиталемъ и пр., т.-е. съ самыми выдающимися философами того времени. Все это были умы, одаренные замѣчательной силой обобщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма положительные и практичные.

Гудде построилъ *таблицу смертности*, основанную на официальныхъ свѣдѣніяхъ о гражданскомъ состояніи лицъ, съ которыми нидерландскимъ правительствомъ подписаны были договоры о выдачѣ пожизненныхъ рентъ съ 1586 по 1590 годъ. Что касается степени надежности полученныхъ имъ результатовъ, то хотя методъ его вообще превосходенъ, но поле его наблюдений, ограниченное пятью годами, было, конечно, недостаточно. Однако, нельзя возлагать за это отвѣтственность на Гудде; вина падаетъ единственно на неудовлетворительность статистической техники того времени. Великая заслуга этихъ предтечъ состоитъ въ томъ, что они ясно показали, что социальная экономія должна быть основана прежде всего на статистикѣ. Ихъ продолжатель, Кетлэ, далъ ей крѣпкій, надежный международный фундаментъ. Приемъ, употребленный Гудде, несмотря на его безспорное несовершенство, представляетъ значительный шагъ впередъ. Дѣйствительно, какъ это ни странно, но вначалѣ Штаты и коммуны устанавливали пожизненные ренты, не считаясь ни съ возрастомъ, ни съ поломъ лицъ, въ пользу которыхъ онѣ назначались, что не только сопряжено было съ рискомъ, но вызывало прямыя злоупотребленія во вредъ государственнымъ интересамъ.

Впрочемъ, какъ и всегда, практика давно уже опередила теорію. Существованіе пожизненныхъ рентъ констатировано документами, восходящими, по крайней мѣрѣ, къ началу XIII столѣтія: въ коммунальныхъ архивахъ Турнэ найдено семь билетовъ пожизненной ренты, относящихся къ 1228 и 1229 гг.; упоминаются также два полуса пожизненной ренты 1273 и 1288 гг., выпущенной въ Генуѣ взаимно откупныхъ свидѣтельствъ больницы св. Іоанна, изъ 14⁰/₀, и третій,

относящійся къ 1278 году. Въ Брюгге одна счетная книга 1281 г. заключаетъ въ себѣ списокъ держателей городской ренты; такой же списокъ фигурируетъ въ одной грамотѣ 1265 года. То же самое имѣло мѣсто, безъ сомнѣнія, въ большинствѣ крупныхъ средневѣковыхъ городовъ, гдѣ экономическая жизнь и финансовыя нужды достигли наибольшаго развитія. Однако, тогда еще не существовало такихъ постоянныхъ, правильно функционирующихъ финансовыхъ учреждений, которыя мы находимъ въ XVII столѣтіи во Франціи и въ Нидерландахъ. Все это возникло просто въ силу требованія практической жизни и получило характеръ учреждений только съ развитіемъ теоріи вѣроятностей. Такъ было не только съ государственными займами, но и со страхованіемъ. Не удаляясь въ глубь древней исторіи, можно отмѣтить, что около 1300 года, въ Лондонѣ, который въ то время далеко уступалъ по своему значенію итальянскимъ и фламандскимъ городамъ, безъ сомнѣнія, существовало общество морскаго страхованія.

Исаакъ Де-Граафъ (1683—?) усовершенствовалъ работы своихъ предшественниковъ. Предметомъ его спеціальнаго изученія было примѣненіе прогрессій къ погашенію займовъ. Въ 1729 году онъ дошелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ до почти новой теоріи, которую подробно развилъ въ своемъ *Трактатѣ о пожизненныхъ рентахъ въ ихъ отношеніи къ рентамъ срочно - погашаемымъ*. Онъ выставляетъ здѣсь слѣдующія положенія, которыми формулируются настоящіе законы, относящіеся къ человѣческой жизни,—законы, которые выводятся имъ на основаніи исчисленія вѣроятностей:

I. Наибольшей жизнеспособностью человѣкъ обладаетъ въ моментъ рожденія.

II. Затѣмъ жизнеспособность постепенно падаетъ по полугодіямъ; черезъ извѣстное число лѣтъ она начинаетъ падать медленнѣе; еще позже паденіе ея опять усиливается, а въ послѣдніе годы она падаетъ ускореннымъ темпомъ; однимъ словомъ, уменьшеніе жизнеспособности происходитъ по полугодіямъ, такъ что, какъ бы оно ни было ничтожно въ данный моментъ, оно все-таки больше, чѣмъ въ предыдущій періодъ, и такъ идетъ до окончательнаго истощенія жизненной силы.

Де-Граафъ изобразилъ свою прогрессию линіями и построилъ, такимъ образомъ, вслѣдъ за Гюйгенсомъ новую діаграмму жизнеспособности. Къ сожалѣнію, первое положеніе его признано безусловно ошибочнымъ, а второе отличается крайнимъ несовершенствомъ.

Николай Стрюикъ (1687—1769) является представителемъ новой

стадіи развитія теоріи. Совокупность его произведеній представляеть такъ сказать въ сокращенномъ видѣ эволюцію, пройденную теоріей до него, но съ значительной долей оригинальности.

Въ 1716 году онъ выпустилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Uytreckening der Kanssen in het spelen, door de Arithmetica en Algebra, beneevens eene Verhandeling van Looterijen en interest*. Это — исходный пунктъ всей школы: исчисленіе вѣроятностей прежде всего примѣняется къ такъ называемымъ азартнымъ играмъ, а потомъ къ лотереямъ. Въ 1733 году появился его *Трактатъ о правильномъ способѣ нахожденія pari въ денежномъ обмѣнѣ при помощи внутренней цѣнности золотой и серебряной монеты*. За этимъ трактатомъ послѣдовали другія сочиненія счетнаго характера. Наконецъ, во *Введеніи въ общую географію*, появившемся въ 1740 г., онъ распространилъ политическую ариѐметику на всю область соціальныхъ знаній. Три послѣднія главы этой книги, носящія названіе: *Гипотезы о состояніи человѣческаго рода*, трактуютъ спеціально о статистикѣ населенія, смертности, рождаемости и ихъ соотношеніяхъ; авторъ отмѣчаетъ скудость имѣющихся свѣдѣній и въ концѣ книги совѣтуетъ ввести списки гражданскаго состоянія. Приложение посвящено вычисленію пожизненныхъ рентъ.

Стрюикъ смотритъ на статистику, какъ на основную науку; совокупность законовъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ этой науки, онъ называетъ *міровымъ порядкомъ*,—выраженіе, конечно, болѣе подходящее, чѣмъ выраженіе Зюсмилъха. Стрюикъ даетъ общую, позитивную концепцію соціальной статистики, не чувствуя необходимости прибѣгать къ гипотезѣ, существующей внѣ вселенной и предшествующей ей. Замѣчательно, что извѣстный трудъ Зюсмилъха появился только годомъ позже книги ученаго голландца, но у нѣмецкаго статистика *міровой порядокъ* есть *порядокъ божественный, göttliche Ordnung*.

Въ 1750 году Стрюикъ выпустилъ еще свои „*Болѣе детальныя открытія, касающіяся состоянія человѣческаго рода и основанныя на опытѣ*“, а въ 1753 году—*Продолженіе описанія кометъ и новыя открытія, касающіяся состоянія человѣческаго рода*. Въ четвертой части этой послѣдней книги онъ дѣлаетъ критическій обзоръ трудовъ Майтлэнда, Зюсмилъха, Галлея и Граунта.

Такимъ образомъ, статистическая и экономическая наука въ томъ видѣ, какъ она намъ представляется у основателей математической школы, не есть наука неподвижная, произвольно и искусственно созданная въ одной странѣ и въ одинъ моментъ усиліями одинокаго, заблуждающагося мыслителя; напротивъ, она живетъ и

развивается, будучи космополитическимъ созданіемъ естественнаго происхожденія, со множествомъ развѣтвленій.

Послѣ Стрюика Голландія отчасти теряетъ свое научное значеніе въ отношеніи статистики и математической экономіи. Этотъ упадокъ идетъ параллельно съ потерей Нидерландами коммерческаго и политическаго первенства. Однако, заслуживаетъ упоминанія книжка Виллема Керсебума (1691 — 1771), вышедшая въ 1738 году подъ заглавіемъ: „*Краткое доказательство, что нельзя вывести общаго правила жизни изъ смертности, наблюдаемой у небольшого числа лицъ извѣстнаго возраста*“; здѣсь констатируютъ переходъ теоріи вѣроятностей къ соціальнымъ вопросамъ; дѣйствительно, здѣсь имѣется таблица взносовъ, которые нужно дѣлать для обезпеченія нуждающимся мѣста въ домѣ призрѣнія. Нѣсколько позже тѣмъ же вопросомъ занялся Абрамъ Галласъ (1738—1807), явившись такимъ образомъ предвозвѣстникомъ будущихъ работъ о положеніи рабочаго класса въ промышленныхъ странахъ Европы.

Тѣмъ временемъ Керсебумъ продолжаетъ разрабатывать преимущественно вопросъ о пожизненныхъ рентахъ и выпускаетъ въ свѣтъ *Таблицу жизненной силы*; въ двухъ работахъ, появившихся въ 1745 и 1747 гг., онъ изслѣдуетъ вопросъ, какой заемъ выгоднѣе для государства: въ формѣ ли пожизненныхъ рентъ или въ формѣ срочно-погашаемыхъ рентъ; онъ отдаетъ еще предпочтеніе первой системѣ. Въ 1762 году онъ выпустилъ брошюру о „*цѣнности золотой и серебряной монеты*“. Этотъ вопросъ вмѣстѣ съ вопросомъ о займахъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, которыми больше всего интересовались въ XVIII столѣтіи и даже начиная со второй половины XVII-го, когда Голландія потеряла свое торговое и морское превосходство, постепенно перешедшее къ англичанамъ*.

V.

Въ Англіи первую таблицу смертности составилъ Джонъ Граунтъ около 1661 г., опубликовавъ ее въ своей книгѣ: *Natural and Political observations upon the bill of mortality*. Гюйгенсъ началъ было ею пользоваться, но вскорѣ нашелъ въ ней недостатки.

* Богатый матеріалъ о голландскихъ публицистахъ, явившихся предтечами математической школы, я нашелъ въ прекрасной книгѣ, изданной въ 1898 году на голландскомъ и французскомъ языкахъ нидерландскимъ Генеральнымъ обществомъ страхованія жизни и пожизненныхъ доходовъ въ Амстердамѣ.

Въ другомъ мѣстѣ я показалъ важное экономическое значеніе Вилліама Петти (1623—1687) *. Вышедшая послѣ его смерти въ 1691 г. книга: *Several Essays in political Arithmetics* сдѣлала его родоначальникомъ математической школы, по крайнѣй мѣрѣ, въ Англіи, при чемъ у него вычисленія охватываютъ почти всю область экономическихъ явленій. Вслѣдъ за нимъ Давенаптъ, Григорій Кингъ, Майтлэндъ стали тщательно собирать данныя о населеніи. Галлей и Байесъ примѣняли теорію вѣроятностей къ явленіямъ жизни и смерти. Работа Галлея о бреславльскомъ населеніи была напечатана въ 1693 г. Что у него выступаетъ рѣзче, чѣмъ у его предшественниковъ, это—стремленіе дать своими изслѣдованіями позитивный фундаментъ для науки объ обществѣ; онъ хотѣлъ дать, какъ онъ выражается, „a more just idea of the state and condition of Mankind“. Такимъ образомъ, и въ Англіи математическая теорія продѣлала свою эволюцію: отъ вычисленія вѣроятностей вообще она перешла къ вѣроятностямъ въ жизни и отъ этихъ послѣднихъ къ самымъ условіямъ жизни, въ особенности экономическимъ и нравственнымъ.

Это направленіе все болѣе и болѣе выступаетъ въ первой половинѣ XIX столѣтія у ученаго Дж. Гершеля (1792 — 1871), который своимъ замѣчательнымъ *Разсужденіемъ объ изученіи естественной философіи* (1831) и прекрасной статьей о *Теоріи вѣроятностей и ея примѣненіи къ физическимъ и соціальнымъ наукамъ*, напечатанной въ № 185 „Эдинбургскаго Обозрѣнія“ за 1850 г., примыкаетъ непосредственно къ Кетлэ. Послѣдній помѣстилъ французскій переводъ этой статьи въ качествѣ введенія ко 2-му изданію своей *Соціальной физики* (въ 1869 г.). Такимъ образомъ, теченіе, первоначально совершенно чуждое соціальной наукѣ, благодаря Гершелю и Кетлэ сливается съ нею подъ именемъ математики въ одно цѣлое, сохраняя все-таки свой оригинальный характеръ какъ въ отношеніи метода, такъ и въ отношеніи общей концепціи. Дѣйствительно, методъ остается математическимъ, концепція—механической и физической **. Тѣмъ не менѣе, соприкосновеніе соціальной физики съ позитивной философіей прежде всего привело къ столкновенію, кон-

* См. мой *Опытъ о монетѣ, кредитѣ и банкахъ*, напечатанный въ *Анналахъ брюссельскаго института соціальныхъ наукъ*, 1898.

** Статья Гершеля, которой Кетлэ воспользовался въ качествѣ введенія къ *Соціальной физикѣ*, была написана его знаменитымъ другомъ специально по поводу *Писемъ* Кетлэ къ герцогу Саксенъ-Кобургъ-Готскому о *теоріи вѣроятностей*.

фликту, какъ показываетъ приведенный нами выше суровый приговоръ, изреченный Ог. Контомъ. Иныхъ послѣдствій и не могла имѣть встрѣча двухъ доктринъ, которыя, преслѣдуя одну и ту же цѣль, шли разными дорогами и потомъ внезапно встрѣтились. Столкновение первоначально казалось тѣмъ сильнѣе, что эти философскія концепціи были или казались не примиримыми. Гершель и Кетлэ были представителями той вполне позитивной школы, въ которой господствовала механико-математическая концепція мірового порядка (Паскаль и Декартъ во Франціи, Лейбницъ въ Голландіи и Германіи, Ньютонъ въ Англіи). Контъ придерживался традиціи, которая дѣйствительно отличалась отъ его собственныхъ воззрѣній этой школы, но не въ такой степени, какъ онъ думалъ.

VI.

Статистика, а благодаря ей и экономическая наука, окончательно получила свой соціальный характеръ въ Германіи, гдѣ математическій и историческій методы, будучи первоначально раздѣльными, впоследствии соединились. Со времени Зюсмилъха (1707—1767) исторія математической школы и статистики сливается не только съ исторіей экономіи, но и съ развитіемъ всей соціальной науки. Зюсмилъхъ первый употребилъ слово *законъ* для выраженія постоянства отношеній въ повторяемости явленій; Монтескье далъ закону качественное опредѣленіе, Зюсмилъхъ дополнилъ его съ количественной точки зрѣнія. Такъ, у него „законъ смерти выражается $\frac{1}{36}$ въ годъ“; однако, онъ смотритъ на законъ, какъ на выраженіе божественнаго порядка, что видно изъ самаго заглавія его книги, вышедшей въ 1742 году: *Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts*; впрочемъ, это не абсолютный, неизмѣнный порядокъ; въ самыхъ измѣненіяхъ существуетъ закономѣрность, т.-е. правильность въ основныхъ чертахъ.

При Готфридѣ Ахенвалѣ (1719—1772), читавшемъ лекціи по статистикѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, историческая школа стала въ оппозицію къ математической. Это было началомъ конфликта, который еще усилился у послѣдователей этихъ двухъ ученыхъ. Тотъ же конфликтъ, но съ другой стороны нашелъ себѣ выраженіе въ осужденіи Контомъ попытокъ Лапласа и Кетлэ. Въ этомъ столкновении Контъ былъ представителемъ историческаго метода, примѣненіе котораго дало такой грандіозный результатъ, какъ *законъ трехъ состояній*.

Примыкая къ Лапласу и Ж. Фурье во Франціи и къ Гершелю въ Англіи, Кетлэ находится въ непосредственной связи и съ германской физико-математической школой въ лицѣ знаменитаго математика Л. Эйлера (1707—1783). Его *Письма къ одной нѣмецкой принцессѣ о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ области физики и философіи*, по видимому, послужили образцомъ для *Писемъ къ герцогу Саксенъ-Кобургъ-Готскому*. Никто иной, какъ Эйлеръ, далъ Зюсмилху, по его просьбѣ, математическую формулу, по которой населеніе растеть въ геометрической прогрессіи,—формулу, которая, безъ сомнѣнія, не была неизвѣстна Мальтусу. Въ Германіи Эйлеръ, кажется, первый сталъ употреблять алгебраическіе знаки въ своихъ формулахъ.

Съ І. Зонненфельсомъ (1733 — 1817) статистика вступила и на австрійскую почву; къ сожалѣнію, сравнительно отсталыя идеи и методъ этого ученаго экономиста не позволяютъ отнести его къ собственно математической школѣ; тѣмъ не менѣе, они легли въ основаніе университетскаго преподаванія статистики вплоть до конца первой половины XIX вѣка. Благодаря ему, статистика сдѣлалась отраслью управленія и испытала на себѣ всю неуклюжесть и безсистемность австрійскаго управленія (въ Пруссіи господствовало въ то время разумное управленіе). Хотя Зонненфельсъ и не принадлежитъ къ математической школѣ, однако своей преподавательской дѣятельностью онъ косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію политической экономіи въ этомъ направленіи.

Остается вспомнить еще одного выдающагося нѣмецкаго ученаго—знаменитаго математика и астронома Іоанна Фридриха Карла Гаусса (1777—1855), которому Кетлэ всегда воздавалъ дань удивленія. Въ своей прекрасной книгѣ *Математическія и физическія науки въ началѣ XIX столѣтія*, Кетлэ напоминаетъ, что къ концу своей жизни знаменитый геттингенскій астрономъ, подобно Лапласу, Фурье, Пуассону, обратился къ политическимъ наукамъ, имѣя въ виду специально вопросъ о томъ, насколько онѣ могутъ опираться на болѣе общія науки. Онъ далъ автору *Соціальной физики* алгебраическую формулу для вычисленія дѣтской смертности, при чемъ отмѣтилъ наибольшую смертность дѣтей въ рабочихъ семьяхъ.

Такимъ образомъ, чистая наука въ своей самой абстрактной и строгой формѣ подняла въ первой половинѣ XIX столѣтія социальный вопросъ. Умѣстно было напомнить о правѣ этой забытой школы на признательность со стороны социализма и социологіи; въ тотъ моментъ, когда должно свершиться ихъ сліяніе, справедливость требуетъ, чтобы не упускался изъ виду ни одинъ вкладъ въ науку.

а вкладъ, сдѣланный математической школой, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ. У Кетлэ мы дѣйствительно находимъ замѣчательно трогательный союзъ науки съ любовью къ человѣчеству.

VII.

Я уже говорилъ, что вся физико-математическая школа во Франціи, Голландіи, Англии, Германіи руководилась глубокой философіей, представителями которой были величайшіе ученые своего времени — Паскаль и Декартъ, Лейбницъ и Ньютонъ. Философія этихъ бессмертныхъ геніевъ въ той спеціальной формѣ, которой мы въ настоящее время занимаемся, сопутствовала нарожденію и развитію социальной экономіи. Къ названнымъ великимъ именамъ присоединяется въ концѣ XVIII столѣтія Эммануиль Кантъ (1724—1804). Онъ тоже былъ математикъ и астрономъ. Онъ началъ свою ученую карьеру *Естественной исторіей и общей теоріей неба, согласно съ принципами Ньютона* и закончилъ антропологіей и философіей исторіи. Въ первомъ изъ этихъ трудовъ онъ набрасываетъ концепцію, которую потомъ развилъ Лапласъ, а во второмъ и третьемъ онъ приводитъ въ связь свою астрономическую и механическую концепцію съ концепціей челоуѣка и общества, подготавливая такимъ образомъ почву для Кетлэ. Какъ и этотъ послѣдній, онъ естественнымъ образомъ приходитъ къ отрицанію свободы воли и къ признанію постоянства, т.-е. историческаго и социального детерминизма. Даже языкъ его напоминаетъ языкъ Кетлэ. Вотъ что пишетъ, напр., кенигсбергскій философъ въ 1784 году въ своей *Идеѣ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія челоуѣчества*: „Какъ бы ни представляли себѣ въ метафизикѣ свободу воли, проявленія ея въ челоуѣческихъ дѣйствіяхъ опредѣляются, какъ и всѣ явленія, общими законами природы. Исторія, занимающаяся изображеніемъ этихъ проявленій, не отказывается отъ надежды узнать ихъ причины, какъ бы глубоко онѣ ни были скрыты; именно, *разсматривая en grand* игру свободной воли, она открываетъ въ ней извѣстную правильность, и то, что въ особи поражаетъ взоръ своей спутанностью и неправильностью, въ видѣ выступаетъ, какъ *постоянное*, хотя и медленное *развитіе* первоначальныхъ задатковъ. Такъ, напр., браки, рожденія, смертные случаи, казалось бы, не могутъ быть подчинены какому-либо правилу, которое дало бы возможность впередъ вычислить ихъ количество; тѣмъ не менѣе, годовыя таблицы, составляемыя въ большихъ странахъ, показываютъ, что и эти явленія повинуются постоян-

нымъ законамъ такъ же, какъ переменны въ атмосферѣ, изъ которыхъ ни одной нельзя предсказать въ точности, но которыя въ общемъ дѣйствуютъ съ извѣстнымъ единообразіемъ и постоянствомъ, вызывая ростъ растений, теченіе рѣкъ и разныя другія явленія въ экономіи природы.

„Отдѣльные индивидуумы и даже цѣлые народы не имѣютъ понятія о томъ, что, дѣйствуя подъ вліяніемъ своихъ чувствъ и ведя весьма часто борьбу другъ съ другомъ, они исполняютъ помимо своей воли предначертанія природы, которыя имъ неизвѣстны, и если бы они даже имѣли понятіе объ эволюціи, въ которой они принимаютъ участіе, то это было бы для нихъ безразлично. En masse люди не дѣйствуютъ исключительно подъ вліяніемъ инстинкта, какъ животныя, но они не слѣдуютъ также какому-либо законченному плану, какъ разумные члены человѣчества. Не думаю поэтому, чтобы возможно было придать исторіи человѣка такой же правильный характеръ, какъ, напр., исторіи пчель или бобровъ. Нельзя отдѣлаться отъ нѣкотораго чувства отвращенія, когда, наблюдая поступки и движенія людей, совершающіяся на великой міровой сценѣ, видишь, что, за немногими исключеніями, гдѣ видны слабые проблески ума, въ общемъ выступаетъ цѣлая сѣть глупостей, ребяческаго тщеславія, злобы и страсти къ разрушенію, какъ у дѣтей, такъ что не знаешь, что и думать о нашей породѣ, которая такъ гордится своими преимуществами. Въ виду этого философу остается одинъ исходъ: не имѣя возможности предполагать въ людяхъ и ихъ дѣйствіяхъ какой-либо разумный планъ, онъ пытается открыть въ этомъ нелѣпомъ ходѣ дѣль человѣческихъ *естественный планъ*, позволяющій ему изъ дѣйствій, совершающихся безъ всякаго плана, построить исторію согласно съ предопредѣленнымъ планомъ природы. Посмотримъ, удастся ли намъ найти руководящую нить для подобнаго построенія исторіи, а затѣмъ предоставимъ природѣ позаботиться о человѣкѣ, который бы былъ въ состояніи познать такимъ путемъ связь историческихъ фактовъ, точно такъ же, какъ она произвела на свѣтъ Кеплера, подчинившаго эксцентрическія орбиты планетъ точнымъ законамъ, и Ньютона, объяснившаго эти законы общей естественной причиной.“

Слѣдовательно, Кантъ переноситъ проблему о свободѣ воли съ индивидуума на коллективное [цѣлое; проявленія воли отдѣльнаго человѣка могутъ быть сбивчивы и безсвязны, но они получаютъ иное освѣщеніе, если ихъ разсматривать съ коллективной точки зрѣнія: тогда замѣчается поразительная правильность, которую неоспоримо доказываютъ, по его мнѣнію, таблицы о дожитіи, и статистика рождаемости, брачности и смертности. Конечно, нельзя прово-

дить различія между дѣйствіями индивидуальными и коллективными; тѣ и другія одинаково детерминистичны. Еще ошибочнѣе различіе, проводимое между индивидуумами, дѣйствующими безъ всякаго плана, и природой, слѣдующей въ своемъ непрерывномъ развитіи заранѣе предначертанному плану. Это, очевидно, остатки схоластической онтологіи. Природа не имѣетъ плана. То, что намъ представляется планомъ, есть не что иное, какъ *результатъ* дѣйствія и взаимодействія естественныхъ силъ, со включеніемъ и социальныхъ; все дѣло въ томъ, что въ силу закона преемственности всякій результатъ становится въ свою очередь причиной или, вѣрнѣе, условіемъ дальнѣйшаго развитія, помимо всякаго начальнаго или конечнаго плана. Кеплеръ и Ньютонъ, а въ особенности Лапласъ не находили нужнымъ превращать естественные законы въ планъ, которымъ природа задается, будто бы въ виду predetermined, разумной цѣли. Не держатся ли еще въ настоящее время нѣкоторые ученые того мнѣнія, что естественный подборъ дѣйствуетъ разумнымъ образомъ, имѣя въ виду опредѣленную, предустановленную цѣль—сохраненіе и производство *наиболѣе совершенныхъ* существъ, совершенныхъ именно въ абсолютномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности рѣчь тутъ должна идти о *наибольшей относительной приспособленности къ существующимъ условіямъ?*

Значеніе приведеннаго отрывка Канта состоитъ въ томъ, что посреди сумятицы метафизической философіи онъ съ довѣріемъ отнесся къ математическимъ, астрономическимъ и физическимъ наукамъ, которыя въ то время однѣ имѣли крѣпкіе устои, и что въ отношеніи социальныхъ явленій онъ выдвинулъ идею детерминизма: подтвержденіе которой онъ видѣлъ въ теоріи вѣроятностей и общихъ примѣненіяхъ ея къ проблемамъ жизни и смерти.

Кетлэ, оставаясь исключительно на почвѣ математики, механики и физики, свободенъ вообще отъ всякой метафизики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ унаслѣдованныхъ выраженій, отъ которыхъ наукѣ и въ настоящее время еще трудно избавиться.

Школа предтечей, къ которой примыкаетъ Кетлэ, есть, стало бытъ, продуктъ естественнаго развитія, находящійся въ связи съ прогрессомъ и философіей наукъ. Эта школа пустила корни и достигла извѣстной степени совершенства во всѣхъ странахъ, стоявшихъ поочередно или одновременно во главѣ экономическаго и социального движенія въ западной и средней Европѣ. Она жила и совершенствовалась, она еще живетъ и продолжаетъ совершенствоваться. И она приближается въ настоящее время къ совершенству тѣмъ успешнѣе, что,—подобно всѣмъ доктринамъ, которыя, заключая въ себѣ только

часть истины, заявляютъ вначалѣ, въ пылу борьбы за существованіе, претензію на абсолютную истину,—она можетъ теперь, когда она уже завоевала право на существованіе, сама признать относительность своего метода и прекратить непримиримую вражду съ другими методами социальныхъ наукъ, въ особенности съ методомъ историческимъ. Впрочемъ, современная математическая школа выдѣлилась, главнымъ образомъ, съ конца первой половины XIX столѣтія, послѣ того какъ геній Кетлэ извлекъ изъ теоріи вѣроятностей и теоріи среднихъ чиселъ все, что онѣ могли дать рациональнымъ образомъ. Математическая школа, къ которой примыкаетъ столько знаменитыхъ экономистовъ конца XIX столѣтія, до такой степени отличается отъ школы, о которой идетъ у насъ рѣчь, что она не можетъ подлежать разсмотрѣнію въ настоящемъ этюдѣ, посвященномъ предтечамъ школы Кетлэ и ея наиболее замѣчательному представителю—самому Кетлэ. Такимъ образомъ, Контъ со своимъ высокомѣрнымъ приговоромъ впалъ въ заблужденіе; онъ совсѣмъ отрицалъ значеніе школы Кетлэ въ исторіи нормальнаго развитія социальной науки, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ей принадлежитъ весьма почетное мѣсто, которое должны признать за ней какъ социализмъ, такъ и социологія, если они не желаютъ заслужить упрека въ неблагодарности. Реставрація математической школы сдѣлалась тѣмъ настоятельнѣе, что въ настоящее время приходится бороться съ вліяніемъ такихъ социологическихъ школъ, которыя стремятся превратить социальную науку въ какую-то литературу, занимающуюся простымъ описаніемъ самаго поверхностнаго слоя социальныхъ явленій.

VIII.

Адольфъ Кетлэ (1796—1874) можетъ считаться самымъ полнымъ выразителемъ физико-математическаго направленія въ социальной наукѣ XIX вѣка. Его *Соціальная физика* есть въ одно и то же время и теорія, и методъ. По его мнѣнію, теорія и методъ должны другъ отъ друга отдѣлиться и преобразоваться. Математическій методъ, освободившись отъ власти теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ, получить мало-по-малу оригинальный характеръ и сдѣлается главнымъ образомъ формой разсужденія и орудіемъ для выраженія мыслей въ наукѣ, что не помѣшаетъ пользоваться имъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ, для изслѣдованій и открытій подъ обязательнымъ контролемъ наблюденія и опыта.

Вотъ переченьъ главныхъ трудовъ Кетлэ изъ области соціальной науки въ послѣдовательномъ порядкѣ появленія ихъ на свѣтъ:

1828 г.—Общедоступное наставленіе къ исчисленію вѣроятностей.

1835.—О человѣкѣ и развитіи его способностей или Опытъ соціальной физики.

1846.—Письма о теоріи вѣроятностей.

1847.—О вліяніи свободы воли человѣка на соціальные факты (Бюллетень центральной статистической комисіи, т. III стр. 143).

1848.—О соціальной системѣ и законахъ, ею управляющихъ.

1840—1851.—Отчетъ о положеніи королевства за 10 лѣтъ.

1869.—Соціальная физика или Опытъ о развитіи способностей человѣка, съ введеніемъ Гершеля (2-ое, дополненное изданіе сочиненія, вышедшаго въ 1835 году).

1876.—Антропометрія или измѣреніе различныхъ способностей человѣка.

Свою концепцію и методъ Кетлэ полнѣе всего развилъ въ *Письмахъ о теоріи вѣроятностей* и затѣмъ въ обоихъ изданіяхъ *Соціальной физики*.

Въ *Письмахъ* исходнымъ пунктомъ его изслѣдованій и разсужденій служить, кажется, сомнѣніе, какъ и у другаго великаго философа изъ механической школы — Декарта; это — философское сомнѣніе, но съ той разницей, что у Кетлэ оно не разрѣшается въ простой силлогизмъ: „Наши познанія и наши сужденія, говоритъ онъ,—въ общемъ основаны на вѣроятностяхъ большей или меньшей величины, которыя нужно умѣть оцѣнивать“. Эта оцѣнка представляется ему особенно трудной въ нравственныхъ и политическихъ наукахъ. Онъ ставитъ себѣ задачей—примѣнить къ этимъ послѣднимъ теорію вѣроятностей. Изложивъ общія начала этой теоріи и доказавъ, что вѣроятность растетъ вмѣстѣ съ числомъ соотвѣтственныхъ наблюденій и что наши предположенія распространяются на не очень далекое будущее, при чемъ вѣроятность никогда не превращается въ абсолютную достовѣрность, онъ переходитъ къ тому, что онъ называетъ *математическимъ опытомъ* въ отношеніи лотерей и страхованій, воспроизводя такимъ образомъ въ своемъ изложеніи исторію развитія этой теоріи, въ томъ видѣ, какъ онъ ее унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ; въ послѣдствіи онъ ее усовершенствовалъ. Здѣсь мы уже видимъ всю важность его изслѣдованій въ соціальномъ отношеніи,—изслѣдованій, при дальнѣйшемъ развитіи которыхъ все болѣе и болѣе выдвигалась мысль о коллективномъ вмѣшателствѣ въ пользу рабочаго класса: „я ча-

сто удивлялся — говоритъ онъ, — почему правительства не принимаютъ болѣе близкаго участія въ учрежденіяхъ (страховыхъ), которыя могутъ оказать такое благотворное дѣйствіе на нравственность народа и на развитіе въ немъ привязанности къ общественному порядку“.

Показавъ, что наука о вѣроятностяхъ зародилась изъ азартной игры, и въ свою очередь дала теорію страхованія, представляющую собою высшую форму сравнительно съ азартной игрою, потому что въ послѣдней шансы выигрыша всегда меньше риска, Кетлэ дополняетъ теорію вѣроятностей ученіемъ о среднихъ числахъ. Первая находится въ естественной связи съ послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ, теорія вѣроятностей не всегда согласуется съ данными опыта; но для того, чтобы этого достигнуть, достаточно взять какъ можно большее число наблюденій, и вѣроятность почти будетъ равна абсолютной достовѣрности. Такимъ путемъ разница между результатами наблюденія и вычисленія дѣлается все меньше и меньше. Вотъ это ограниченіе возможныхъ ошибокъ и приводитъ естественнымъ образомъ къ теоріи среднихъ чиселъ. „Вездѣ, гдѣ можно сказать *больше* или *меньше*, обязательно имѣются налицо три вещи: *среднее состояніе* и два предѣла“. Архимедъ, замѣнивъ единымъ центромъ тяжести древнюю теорію множественности матеріальныхъ точекъ, тѣмъ самымъ открылъ теорію среднихъ чиселъ, которую поэты и Аристотель распространили на нравственные и политическія явленія.

Желая на примѣрѣ демонстрировать примѣненіе среднихъ ариметическихъ чиселъ въ соціальной наукѣ, Кетлэ составилъ таблицу цѣнъ на пшеницу съ 1817 по 1842 г. по періодамъ, съ указаніемъ для cadaго изъ нихъ наибольшей цѣны, наименьшей, средней и разницы между первой и второй. И вотъ, употребляя приемъ *чисто экономическаго объясненія* исторіи, онъ показываетъ здѣсь, что суженіе предѣловъ колебаній въ соціальной жизни вообще и въ экономической въ частности составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ прогресса цивилизаціи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вмѣстѣ съ теоріей предѣловъ и среднихъ чиселъ, которая въ свою очередь примыкаетъ къ теоріи вѣроятностей, появляется на свѣтъ статическая и динамическая концепція общества. Въ то же время выступаетъ та характерная черта Кетлэ, что онъ придаетъ статистикѣ основное значеніе; прогрессъ представляется ему факторомъ, служащимъ главнымъ образомъ дѣлу порядка, еоторый всегда стремится къ однообразію и устойчивости. Самыя передовыя общества суть, слѣдовательно, и наименѣе измѣнчивыя, ихъ струк-

тура отличается наибольшей прочностью. Въ этомъ пунктѣ ученія Конта и Кетлэ сходятся.

Разсматривая среднія числа въ указанныхъ явленіяхъ экономического порядка, Кетлэ замѣчаетъ, что 1817-й годъ, когда цѣна пшеницы достигла своего максимума, оказался, въ силу отраженія, бѣдственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: и въ отношеніи смертности, рождаемости, брачности, и въ отношеніи народной нравственности и преступности. Слѣдовательно, онъ вполне признаетъ, что между различными соціальными явленіями существуетъ постоянное соотношеніе; кромѣ того, съ этого времени весьма явственно выступаетъ связь его съ социализмомъ и, главнымъ образомъ, со школой Маркса, утвердившейся вскорѣ послѣ него. Дѣйствительно, Кетлэ признаетъ, что факты изъ области нравственности, политики, населенія въ общемъ опредѣляются экономическими явленіями. Въ своихъ *Письмахъ* онъ доказываетъ это, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія смертности, но впослѣдствіи, развивая свои воззрѣнія во всей ихъ широтѣ, онъ мало-по-малу переходитъ къ самымъ сложнымъ и соціальнымъ фактамъ. Это самый интересный пунктъ въ трудахъ Кетлэ и его необходимо имѣть въ виду при установленіи соціологического и социалистического синкретизма, который все болѣе и болѣе стремится къ своему осуществленію посредствомъ слиянія основныхъ чертъ общихъ отдѣльнымъ школамъ, какъ бы эти послѣднія ни различались между собою. Дѣйствительно, люди избиваютъ другъ друга и враждуютъ обыкновенно только изъ-за второстепенныхъ вопросовъ, даже изъ-за мелочей; теоретики прежнихъ поколѣній не отличаются, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, отъ обыкновенныхъ людей, въ особенности отъ ихъ свѣтскихъ и духовныхъ руководителей.

Давъ нѣсколько образчиковъ примѣненія теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ въ физическихъ наукахъ, Кетлэ самъ сознаетъ, что наибольшая трудность представляется при переходѣ къ біологическимъ явленіямъ. Напр., что такое средній человѣческій ростъ? Какъ узнать, арифметическая ли это средняя или дѣйствительная? Здѣсь мы уже видимъ, что вычисленіе осложняется другими элементами и обнаруживается слабая сторона теоріи.

Кетлэ самъ говоритъ, что человѣческій типъ можетъ быть выведенъ только изъ наблюденія людей одной расы и одного возраста, а также, прибавимъ отъ себя, одной соціальной группы. При такомъ способѣ установленія человѣческаго типа, „разница между результатомъ наблюденія и результатомъ вычисленія не превышаетъ тѣхъ колебаній, которыя могли бы получиться при сниманіи цѣлаго ряда

мѣрокъ съ одного и того же индивидуума вслѣдствіе неискренности лица, производящаго измѣреніе, и эта разница была бы такъ незначительна, несмотря на множество случайныхъ причинъ, вызывающихъ и увеличивающихъ колебанія“.

Теорія примѣняется: 1) къ социальнымъ элементамъ или единицамъ, но не къ органамъ, аппаратамъ, системамъ и обществамъ, разсматриваемымъ со стороны ихъ структуры въ цѣломъ; 2) къ элементамъ однороднымъ.

Это первое, что нужно имѣть въ виду. Кетлэ значительно сокращаетъ роль теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ. Примѣненіе ея въ социальныхъ наукахъ ограничено, но въ статистикѣ она остается основной. Изученіе социальныхъ элементовъ лежитъ въ основѣ социологіи и одной изъ ея отраслей — социальной экономіи. Съ этимъ ограниченіемъ и имѣя въ виду только количественную точку зрѣнія, мы можемъ согласиться съ Кетлэ, что различія въ естественномъ ростѣ людей нисколько не больше тѣхъ колебаній, которыя получились бы, если бы неопытный человѣкъ сталъ снимать мѣрки съ одного и того же индивидуума, обладающаго нѣскольکو кривымъ станомъ. Это вѣрно для опредѣленной человѣческой группы, но—повторяю еще разъ—было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что существуетъ средній типъ для всего человѣчества и что большинство людей, изъ которыхъ оно состоитъ, приближается къ этой средней.

Л. Гумпловичъ въ своей книгѣ „Борьба расъ“ критикуетъ теорію Кетлэ, но по другимъ основаніямъ. Онъ припоминаетъ, что въ 1742 году Зюсмилхъ своей знаменитой книгой: „Божественный порядокъ въ измѣненіяхъ человѣческаго рода, доказанный на основаніи рождаемости, смертности и размноженія людей“ далъ толчокъ статистикамъ, которые принялись за наблюденія правильностей въ движеніи массъ. „Но,—говоритъ Гумпловичъ,—предметомъ ихъ наблюденій служатъ массы, ограниченныя политическими предѣлами, коковы городъ, государство, но не естественныя социальныя единицы. Вотъ почему они потерпѣли крушеніе въ своихъ изысканіяхъ общихъ законовъ. Затѣмъ, наука стала отворачиваться отъ политической статистики, обратившись къ такъ называемой этнографической статистикѣ съ Ваппіусомъ, Чернигомъ, Адольфомъ Фиккеромъ во главѣ“.

„Кетлэ,—говоритъ Гумпловичъ,—ничего не сдѣлалъ для этого направленія. Занимаясь только *обществомъ*, этимъ неопредѣленнымъ и туманнымъ понятіемъ, онъ приходитъ къ построенію *средняго человѣка*. Этотъ *средній челоовекъ* есть результатъ вычисленій и ничего больше. Дѣйствительно, Кетлэ дѣлаетъ свои наблюденія не надъ обществомъ (котораго не существуетъ), а надъ политическими общежитіями, ка-

ковы города и государства. Поэтому онъ могъ получить только химерическіе законы, управляющіе среднимъ человѣкомъ. Это—не законы. Современная этнографическая статистика тоже имѣетъ преходящее значеніе; она подготавливаетъ почву для статистики, которая, взявъ своимъ объектомъ настоящія этническія или социальныя единицы, установитъ настоящіе законы жизни и движенія массъ; иначе невозможно этого достигнуть.

Эта критика по адресу статистической и спеціально-математической школы не лишена основанія; Зюсмилхъ и его послѣдователи, въ томъ числѣ Кетлэ, дѣйствительно, наблюдали правильности человѣческихъ дѣйствій, главнымъ образомъ, въ городахъ и государствахъ. Но города и государства суть тоже естественныя общества; они имѣютъ право на это названіе, какъ и всякій социальный агрегатъ; государство есть общество, которое можетъ быть больше и меньше расы; раса можетъ даже не составлять полного государства, а лишь простое религіозное общежитіе; это бываетъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда она разсѣяна, изгнана изъ своей первоначальной территоріи. И можно ли строить зданіе статистики на этническомъ фундаментѣ, когда въ историческомъ развитіи этническія единицы перемѣшиваются и сливаются между собою, откуда неизбежно должно произойти расширеніе общихъ признаковъ вида. И какимъ образомъ въ основаніе статистики будущаго могутъ быть положены различія, принадлежащія по преимуществу прошедшему?

Слѣдовательно, здѣсь Кетлэ не ошибался: ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ пытался сдѣлать изъ своей теоріи абсолютный методъ для социальной науки, между тѣмъ какъ сфера ея примѣненія гораздо уже. Конечно, существуетъ общій типъ, къ которому, несмотря на всѣ свои различія, можно свести весь родъ человѣческой, но типъ этотъ не есть средній человѣкъ. Этого типа нельзя опредѣлить посредствомъ ариѳметическихъ вычисленій, потому что онъ представляетъ кое-что иное, чѣмъ свойства, поддающіяся подсчету, измѣренію, взвѣшиванію. Этотъ человѣческой типъ есть социальный типъ, лишенный всѣхъ этнографическихъ и социологическихъ особенностей. Ошибка Кетлэ состоитъ не въ томъ, что онъ пытался распространить на социальные факты—именно, нравственные, юридическіе и политическіе—теорію вѣроятностей и среднихъ чиселъ; безъ сомнѣнія, настанетъ нѣкогда день, когда факты эти станутъ поддаваться количественной оцѣнкѣ, да это имѣетъ мѣсто уже и теперь, напр., по отношенію къ явленіямъ экономики, населенія, нравственноости и преступности. Ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку,—правда, весьма осторожно и въ формѣ

гипотезъ,—распространить свои статистическіе методы на *соціальныя формы*, для которыхъ индивидуумъ и среда служатъ только конститутивными элементами, тканями.

Соціальныя формы подлежатъ только *качественной* оцѣнкѣ (за исключеніемъ, конечно, простого ихъ перечисленія); съ *количественной* стороны долженъ оцѣниваться только матеріаль, изъ котораго онъ слагается. Слѣдовательно, статистика,—включая сюда и тѣ статистическіе приемы, для которыхъ исчисленіе вѣроятностей и среднихъ чиселъ служитъ только частнымъ, не исключительнымъ средствомъ,—лежитъ въ основѣ всей конкретной соціологіи, точно такъ же, какъ эта послѣдняя служитъ фундаментомъ для всей абстрактной соціологіи. Эта послѣдняя достигнетъ тѣмъ большаго совершенства, если качественная оцѣнка будетъ въ ней покоиться на оцѣнкѣ количественной. Я, впрочемъ, уже отмѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что, говоря вообще, всякое качественное различіе имѣетъ, повидимому, своимъ исходнымъ пунктомъ количественное развитіе. Не менѣе вѣрно и то, что одной количественной точки зрѣнія не достаточно, чтобы судить о положеніи и значеніи учреждений и обществъ.

Что касается средняго абстрактнаго человѣка Кетлэ, то это не простая фикція; онъ представляетъ собою среднюю арифметическую изъ свойствъ человѣческаго рода, съ раздѣленіемъ его на группы на основаніи многосложныхъ отношеній. Средній человѣкъ существуетъ такъ же, какъ существуетъ средняя пшеница или средняя цѣна ея, несмотря на разнообразіе сортовъ пшеницы и ихъ цѣнъ на данномъ или даже всемірномъ рынкѣ. Въ сущности ошибка Гумпловича грубѣе и менѣе поправима, чѣмъ ошибка Кетлэ. Послѣдній содѣйствовалъ развитію статистики и ея методовъ, а равно и соціальной науки. Онъ понялъ, что историческія общества, государства, города и пр., столь же естественны, какъ расы, которыя тоже представляютъ собою историческія формаціи.

Къ числу важныхъ заслугъ Кетлэ принадлежитъ то, что какъ въ *Письмахъ*, такъ и въ *Соціальной физикѣ* онъ настаиваетъ на подраздѣленіи *причинъ* на постоянныя, переменныя и случайныя; эта классификація имѣетъ большое значеніе въ частныхъ соціальныхъ наукахъ, особенно въ экономіи. Дѣйствительно, почти всѣ экономисты грѣшили тѣмъ, что, формулируя скорѣе метафизическіе, чѣмъ абсолютные законы, они, нисколько не смущаясь, принимали въ расчетъ не всѣ постоянныя и переменныя факторы, дѣйствіе которыхъ, какъ непрерывное, не можетъ быть произвольно исключено, если только не желаютъ формулировать пустыхъ обобщеній, не имѣю-

щихъ никакого отношенія къ дѣйствительности. Я уже указалъ на это въ своемъ предыдущемъ этюдѣ, посвященномъ вопросу о методѣ въ соціальной экономіи, заявивъ, что во всякой соціальной проблемѣ, особенно экономической, слѣдуетъ держаться соціологической точки зрѣнія. Вліяющія причины, постоянныя ли или перемѣнныя, потому уже не могутъ быть исключены, что чѣмъ чаще дѣйствіе ихъ повторяется, тѣмъ оно сильнѣе, въ отличіе отъ случайныхъ причинъ, дѣйствія которыхъ взаимно нейтрализуются и уничтожаются.

Кетлэ прекрасно зналъ, съ какими затрудненіями сопряжено изслѣдованіе причинъ въ соціологіи: „полное исчисленіе вліяющихъ причинъ почти невозможно въ большинствѣ соціальныхъ явленій, потому что онѣ не только весьма многочисленны, но иногда оказываютъ лишь косвенное слабое дѣйствіе, ускользая такимъ образомъ отъ наблюденія. Свойство геніальнаго наблюденія—умѣть схватывать причины, оказывающія наибольшее вліяніе, причины, измѣняющія замѣтнымъ образомъ явленія, особенно такія, которыя дѣйствуютъ непрерывно или періодически, и оставляютъ безъ вниманія другія, которыми можно пренебречь и которыя могутъ бы отнесены къ числу случайныхъ причинъ, коихъ дѣйствіе незамѣтно, когда опытъ повторяется достаточное число разъ“.

Такъ именно я понимаю абстрактную соціологію, а также экономію и другія абстрактныя частныя соціальныя науки. Выведенная изъ этихъ предѣловъ, абстракція не даетъ никакихъ научныхъ выводовъ, за исключеніемъ развѣ общихъ мѣстъ, въ родѣ того, что всякая сила, дѣйствуя одна, оказывала бы неограниченное вліяніе, какъ, напр., населеніе, если бы оно не было ограничено другими факторами, оказывающими противоположное вліяніе.

Въ соціальныхъ явленіяхъ всегда имѣетъ мѣсто цѣлый комплексъ вліяющихъ причинъ; чтобы обнаружить дѣйствіе каждой изъ нихъ, единственное средство—прибѣгнуть къ различнымъ приѣмамъ индуктивнаго метода; по этому вопросу Кетлэ согласенъ съ Дж. Ст. Миллемъ.

Нужно замѣтить, что въ соціологіи явленія, изображаемыя числами съ точки зрѣнія ихъ количества и составныхъ элементовъ, находятъ себѣ выраженіе, къ счастью, въ функціяхъ, органахъ, аппаратахъ и системахъ аппаратовъ, составляющихъ дифференцированный продуктъ общей структуры. Методъ Кетлэ и его школы применимъ только къ элементамъ, поддающимся подсчету, но онъ безсиленъ по отношенію къ соціальнымъ учрежденіямъ и обществамъ, разсматриваемымъ съ точки зрѣнія ихъ структуры и функцій.

Изученіе структуры и жизни (динамики) обществъ представляетъ необходимое дополненіе къ молекулярной наукѣ, каковой является статистика: послѣдняя занимается молекулами, первое—коренными формами, организованными массами. Поэтому теорія вѣроятностей и среднихъ чиселъ, равно какъ и всѣ другіе приемы экономической школы, слывающей подъ именемъ математической, но заслуживающей тоже названія физико-химической, останавливается на первой ступени соціальной науки. Но эта первая ступень имѣетъ значеніе фундамента. Заслуга Кетлэ, его предшественниковъ и преемниковъ состоитъ въ томъ, что они это поняли; они начали сначала. Зданіе, воздвигнутое Кетлэ, стоитъ до сихъ поръ и долго еще будетъ стоять, за исключеніемъ верхнихъ этажей, которые не могли войти въ его планъ, такъ какъ теорія его имѣетъ исключительно количественный характеръ. Контю и Спенсеру принадлежитъ та заслуга, что они надстроили верхніе этажи или, по крайней мѣрѣ, набросали временный планъ ихъ, но они зато пренебрегли фундаментомъ науки: количественной точкой зрѣнія и—что не менѣе важно—экономическимъ базисомъ общества какъ съ количественной, такъ и съ качественной стороны. Ихъ зданіе поднимается очень высоко, оно величественно, но построено на пескѣ. Кетлэ началъ съ фундамента, Контъ—съ общаго плана верхнихъ частей, Спенсеръ взялся за средніе этажи. Въ этомъ смыслѣ они дополняютъ другъ друга, но общій планъ, получающійся въ результатѣ отъ ихъ совмѣстной работы, долженъ быть передѣланъ и согласованъ.

Статистика должна быть дополнена историческимъ методомъ; было большой ошибкой противопоставлять эти два метода другъ другу, между тѣмъ какъ они должны дополнять одинъ другой. Статистика—это только одинъ изъ притоковъ соціологической рѣки, но самый близкій къ ея верховью. Она имѣетъ одновременно физическій и динамическій, описательный и количественный характеръ; ея таблицы и діаграммы, даже въ ихъ математическихъ формахъ, имѣютъ уже историческій характеръ. Но она останавливается передъ морфологіей и физиологіей общества. Историческій методъ, служащій спеціальнымъ методомъ для этихъ двухъ дисциплинъ, имѣется въ зародышѣ уже въ математическомъ методѣ, такъ что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать противоположными.

Послѣ постоянныхъ причинъ Кетлэ изучаетъ переменныя. Мы не послѣдуемъ за нимъ и ограничимся лишь заключеніемъ, что вся его соціальная концепція находилась подъ вліяніемъ идеи постоянства соціальнаго порядка. Господствующее положеніе занимаетъ у него статика. Причина этого лежитъ, безъ сомнѣнія, въ недоста-

точности собраннаго въ его время статистическаго матеріала; ему пришлось организовать сразу и статистическую технику, и самую соціальную науку. Его выводы покоятся на недостаточно широкомъ кругѣ наблюдений; особенно важно то, что наблюдения его относились къ незначительному періоду времени. У Спенсера, напротивъ, эволюціонизмъ играетъ главную роль. Въ сущности то, что даетъ наблюдение, это, на нашъ взглядъ, постоянство, правильность, порядокъ въ измѣненіяхъ; это справедливо какъ для всей вселенной, такъ и для человѣческаго общества. Кетлэ, впрочемъ, это понималъ: „если бы,—говоритъ онъ,—во вселенной дѣйствовали исключительно постоянныя, однообразныя причины, то міръ оставался бы въ неизмѣнномъ состояніи, жизнь повсюду погасла бы и ни одно явленіе не могло бы имѣть мѣста“. Затѣмъ мы находимъ у него слѣдующую мысль, которую онъ высказываетъ только мимоходомъ, въ видѣ гипотезы, но которая, по моему мнѣнію, имѣетъ огромное значеніе съ точки зрѣнія соціальной статики и динамики, какъ я показалъ это въ 3-мъ томѣ своего *Введенія въ соціологию*: „Если бы причины,—говоритъ онъ,—варіировали только въ извѣстныхъ предѣлахъ, то наблюдаемыя нами явленія должны бы были повторяться, и все въ природѣ подчинялось бы закону періодичности. Однако, простѣйшія комбинаціи причинъ давали бы періоды огромной продолжительности“. Я думаю, что такъ и есть на самомъ дѣлѣ, потому что не только соціальныя измѣненія, но и сама соціальная матерія ограничена извѣстными предѣлами. Дѣло только въ томъ, что повтореніе никогда не происходитъ при абсолютно тождественныхъ условіяхъ, при чемъ эти послѣднія не поддаются опредѣленію въ качественномъ и количественномъ отношеніи, хотя они и не безконечны. Наша теорія не имѣетъ ничего общаго съ теоріей формъ-предѣловъ Лоріа и другихъ соціологовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія абсолютной неподвижности. Она скорѣе приближается къ теоріи Исидора Жоффруа Сентъ-Илера, т.-е. къ біологической теоріи ограниченной измѣнчивости. Эта *относительная* ограниченность соціальныхъ измѣненій и объясняетъ, по моему мнѣнію, *видимый возвратъ* къ примитивнымъ формамъ, — возвратъ, имѣющій характеръ не *абсолютнаго* тождества, а *относительной* аналогіи.

Нѣтъ ни абсолютнаго постоянства, ни абсолютной измѣнчивости—вотъ, кажется мнѣ, реальная позитивная истина, которую Кетлэ уяснилъ себѣ не въ достаточной степени, и потому отъ него ускользнули вытекающія изъ нея слѣдствія. Онъ, правда, не допускаетъ ни абсолютнаго постоянства, ни абсолютной измѣнчивости, но онъ все-таки не присоединяется и къ теоріи ограниченной измѣнчивости.

Съ другой стороны, Кетлэ признаетъ неподвижность животныхъ и растительныхъ видовъ, но — странное дѣло! — исключаетъ отсюда человѣка, по крайней мѣрѣ, „человѣка интеллектуальнаго и моральнаго“.

Тѣмъ не менѣе, предметомъ статистики служитъ всегда, по его мнѣнію, статика народовъ и государствъ, т.-е. народовъ, имѣющихъ территорію и правительство. Въ этомъ взглядѣ не трудно узнать двойственную концепцію школы Кетлэ; онъ смѣшиваетъ общество съ государствомъ, между тѣмъ какъ государство представляетъ собою только частную историческую форму общества. Поэтому статистика государства имѣетъ всегда статическій характеръ; предметъ ея ограничивается только періодомъ его историческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что статистика можетъ давать только историческіе, но не всеобщіе законы, какъ и теперь еще думаютъ многіе экономисты и социологи нашего времени. Я же, напротивъ, полагаю, что это не абсолютная невозможность.

Хотя концепція Кетлэ имѣетъ по преимуществу математическій, механический и физическій характеръ, тѣмъ не менѣе она обнаруживаетъ тенденцію объяснять социальную динамику при помощи біологіи. По его мнѣнію, государства, какъ и индивидуумы, рождаются и умираютъ; народъ можетъ пережить государство. Однако, онъ привлекаетъ біологію только для объясненія того, что естественнымъ образомъ ускользаетъ отъ статистическихъ изслѣдованій такъ какъ послѣднія ограничиваются у него одной статикой. Изученіе социальной динамики онъ предоставляетъ *политической исторіи*: „политическая исторія слѣдитъ за ходомъ государства и констатируетъ всѣ явленія, которыя оно представляетъ“. Существуютъ, слѣдовательно, двѣ социальныя науки: статистика и исторія. „Одна изъ этихъ наукъ относится къ другой, какъ статика относится къ динамикѣ, покой—къ движенію“. Такимъ образомъ, онъ ошибался вдвойнѣ: статистика можетъ быть динамической, а исторія статической, именно, когда она описываетъ одно какое-либо состояніе цивилизаціи. Что возможна динамическая статистика, это видно, напр., изъ различныхъ графическихъ приемовъ въ родѣ замѣчательныхъ діаграммъ моего ученаго и трудолюбиваго друга г. Дени. Статистика можетъ имѣть своимъ объектомъ также группы, которыя по величинѣ больше или меньше государства.

Кетлэ закончилъ свои *Письма о теоріи вѣроятностей* пожеланіемъ, чтобы введено было какъ можно больше однообразія въ статистическія классификаціи и описанія разныхъ странъ: въ то время имѣла мѣсто не одинаковая группировка статистическаго матеріала

не только въ разныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ. Кетлэ сильно подвинулъ это дѣло впередъ, хотя оно и теперь далеко еще отъ полнаго осуществленія, несмотря на то, что настоятельная необходимость его вполне отвѣчаетъ тѣмъ попыткамъ соціальныхъ улучшеній, которыя дѣлаются въ наиболѣе передовыхъ съ точки зрѣнія экономическаго развитія странахъ. Не говоря уже о бюро, департаментахъ и даже министерствахъ труда съ ихъ статистическими учрежденіями, въ 1885 году основанъ былъ Международный Статистическій Институтъ, бюро котораго засѣдаетъ въ Римѣ. Теоретическое и практическое дѣло Кетлэ, стало - быть, не умерло вмѣстѣ съ нимъ точно такъ же, какъ и возникло оно еще до него. Это—лучшее доказательство органическаго характера статистики и математической школы въ ея послѣдовательныхъ формахъ. Читатель, который пожелаетъ отдать себѣ отчетъ въ успѣхахъ достигнутыхъ общей теоріей статистики во второй половинѣ XIX вѣка, долженъ обратиться не къ скучной компиляціи М. Блока, а къ *Исторіи, теоріи и техники статистики* Мейтцена (Берлинъ, 1882) и къ *Статистикѣ и Обществовъдѣнію* Г. Майра (Фрейбургъ, 1895 и 1897), а для ознакомленія съ математической статистикой лучшимъ пособіемъ можетъ служить книга Вестергаарда *Основанія теоріи статистики* (Лена, 1890). Методологія статистики съ ея примѣненіями хорошо изложена также во 2-мъ изданіи *Statistica* Филиппа Вирджили (въ коллекціи *Manuali Haerli*, Миланъ 1898).

Новѣйшіе успѣхи статистики все болѣе и болѣе показываютъ, что она—одна изъ основныхъ отраслей позитивной соціологіи; прежній антагонизмъ обѣихъ точекъ зрѣнія ея, математической и исторической, постепенно исчезаетъ; параллельно съ синкретизмомъ доктринъ совершается и синкретизмъ методовъ.

IX.

Соціальная физика—капитальный трудъ Ад. Кетлэ; второе изданіе, вышедшее въ 1869 году, больше чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго, посвящено „делегатамъ разныхъ странъ, на которыхъ возложено учрежденіе Международнаго Института“. Въ предисловіи авторъ поздравляетъ конгрессъ „съ единогласнымъ рѣшеніемъ не терять изъ виду философской стороны статистики“. Дѣйствительно, его *Соціальная физика*—это философія или, вѣрнѣе, соціологія.

Совершилась эволюція огромной важности; призывъ, съ которымъ Р. Овэнъ и С. Симонъ тщетно обращались къ монархамъ Европы, привлекъ вниманіе правительствъ конституціонныхъ и пар-

ламентскихъ государствъ; даже императоръ Николай I, какъ разсказывалъ мнѣ Кетлэ, въ послѣдніе годы своей жизни принялъ знаменитаго бельгійскаго ученаго съ большими почестями, подобающими принцу.

Три тома *Курса позитивной философіи*, посвященные социологии и вышедшіе послѣдовательно, начиная съ 1838 г., озаглавлены *Соціальная физика*. Первое изданіе замѣчательнаго труда Кетлэ вышло въ 1835 году, но Контъ еще раньше употребилъ этотъ терминъ въ 1822 году, въ своей книжкѣ: *Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для преобразованія общества*, которая была вновь издана въ 1824 году подъ окончательнымъ и болѣе общимъ заглавіемъ: *Система позитивной политики*. Въ примѣчаніи къ 15-ой страницѣ 4-го тома своего *Курса позитивной философіи* Контъ, придававшій огромное значеніе вопросамъ о приоритетѣ, приписываетъ себѣ открытіе терминовъ *соціальная физика* и *позитивная философія* и пользуется этимъ случаемъ, чтобы повторить свой суровый отзывъ о статистикѣ, какъ философіи: „какъ этотъ (соціальная физика), такъ и не менѣе необходимый терминъ „позитивная философія“ были предложены мною 17 лѣтъ тому назадъ, въ своихъ первыхъ работахъ по политической философіи. Несмотря на ихъ новизну, эти два термина успѣли уже подвергнуться нѣкоторой порчѣ, благодаря нѣкоторымъ писателямъ, сдѣлавшимъ предосудительное покушеніе на присвоеніе чужаго открытія, но не понявшимъ ихъ истиннаго смысла, хотя я съ самаго начала употреблялъ ихъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Виновнымъ въ этомъ злоупотребленіи относительно перваго термина я долженъ признать одного бельгійскаго ученаго, который воспользовался имъ въ послѣднее время какъ заглавіемъ къ книгѣ, гдѣ рѣчь идетъ всего лишь о статистикѣ“.

Въ 1835 году Кетлэ не былъ знакомъ съ сочиненіями Конта 1822—1824 годовъ; съ его стороны не было поэтому *покушенія на присвоеніе*. Здѣсь просто произошло знаменательное совпаденіе, и Контъ лучше бы сдѣлалъ, если бы воспользовался этимъ совпаденіемъ, чтобы вывести изъ него заключеніе о естественномъ происхожденіи новой соціальной науки. Это была бы настоящая соціальная и притомъ альтруистическая точка зрѣнія. Что касается термина „позитивная философія“, то С. Симонъ употребилъ его еще въ 1808 году и мало вѣроятно, чтобы бывшій ученикъ его этого не зналъ. Кромѣ того, терминъ „соціальная физика“ гораздо болѣе подходитъ къ физико-математической концепціи Кетлэ, чѣмъ къ теоріи Конта, которую скорѣе можно назвать органической, чѣмъ механической.

Книга Кетлэ представляет собою въ сущности соціальную философію или соціологію, но, по его собственнымъ словамъ, она трактуетъ не столько объ обществѣ, сколько объ абстрактномъ, среднемъ человѣкѣ. Человѣкъ рождается, развивается и умираетъ по извѣстнымъ законамъ; этого физика не оспариваетъ. Но, спрашивается, нравственные и интеллектуальныя дѣйствія тоже подчиняются законамъ или нѣтъ? А ргіогі рѣшить этого вопроса, по его мнѣнію, нельзя; рѣшенія его нужно искать въ опытѣ. Съ этой цѣлью „мы должны прежде всего оставить въ сторонѣ человека, взятаго отдѣльно, и разматривать его только какъ функцію вида“. Такимъ путемъ устраняется все случайное. вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ больше число наблюденій, тѣмъ лучше поэтому мы можемъ прослѣдить постоянные законы даже въ нравственныхъ явленіяхъ. Напримѣръ, существуетъ бюджетъ, который отличается ужасающей правильностью; это—бюджетъ тюремъ, каторги и эшафотовъ; послѣдній особенно долженъ былъ бы клониться къ сокращенію. Мы можемъ напередъ вычислить, сколько человѣкъ обагрить свои руки кровью ближнихъ, сколько попадетъ въ тюрьму, подобно тому, какъ можно заранѣе сказать, сколько должно послѣдовать рожденій и смертей. Это — совершенно вѣрно, но съ оговоркой: „при прочихъ равныхъ соціальныхъ условіяхъ“. Наблюдая слишкомъ короткіе періоды, Кетлэ былъ пораженъ однообразнымъ повтореніемъ явленій; его средній или абстрактный человѣкъ есть человѣкъ одного историческаго періода; статика у него конкретна, динамика отодвинута на второй планъ; его изслѣдованія обнимаютъ одинъ моментъ времени на опредѣленной части пространства. Но только абстрактная динамика исторіи отдѣльныхъ цивилизацій, начиная съ доисторическихъ временъ и кончая высшими ступенями ихъ развитія, и даетъ намъ возможность извлечь изъ этихъ послѣдовательныхъ стадій постоянные, всеобщіе законы абстрактнаго порядка и абстрактнаго движенія.

Кетлэ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, порядокъ соціальныхъ явленій; онъ доказываетъ, напр., что преступность есть соціальное явленіе, и именно въ виду ея физическихъ и антропологическихъ факторовъ, такъ какъ согласно теоріи, которую я изложилъ въ другомъ мѣстѣ, факторы эти являются конститутивными элементами явленія, называемаго соціальнымъ. Кетлэ поэтому имѣлъ полное основаніе сказать, — въ формѣ, которая въ то время казалась слишкомъ смѣшной, но въ сущности представляетъ элементарную истину,—что „общество таитъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій, которыя когда-либо будутъ совершены. Оно нѣкоторымъ обра-

зомъ ихъ подготовляетъ, а преступникъ является только орудіемъ, которое ихъ выполняетъ. Всякое общественное состояніе предполагаетъ, поэтому, опредѣленное количество и *опредѣленный порядокъ* преступленій, вытекающихъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ его организаціи“. Этотъ выводъ очень утѣшителенъ, такъ какъ „онъ указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія ихъ учрежденій, привычекъ, образовательнаго уровня, вообще всего, что вліяетъ на ихъ образъ жизни“.

Точка зрѣнія Кетлэ имѣетъ, главнымъ образомъ, соціальный и въ то же время относительный и позитивный характеръ. Человѣка формируетъ, портитъ и исправляетъ не что иное какъ среда; слѣдовательно, нужно дѣйствовать на среду; словомъ, общество исправляетъ само себя и тѣмъ самымъ исправляетъ cadaго изъ своихъ членовъ. Это вовсе не исключаетъ инициативы отдѣльнаго человѣка, но ея одной недостаточно. Слѣдовательно, Кетлэ не принадлежитъ къ той школѣ, которая, исходя изъ того, что общество не можетъ быть ни лучше, ни хуже, чѣмъ его члены, заключаетъ отсюда, что улучшение должно начаться съ отдѣльныхъ людей; дѣйствительно, способность людей къ измѣненіямъ опредѣляется весьма узкими предѣлами, такъ какъ она всегда находится подъ господствомъ всей соціальной структуры. Кетлэ настаиваетъ на принципѣ, который, по нашему мнѣнію, сближаетъ его съ научнымъ социализмомъ; этотъ безспорный принципъ состоитъ въ „распространеніи закона, хорошо извѣстнаго всѣмъ философамъ, занимающимся физической стороной общества: пока существуютъ тѣ же причины, должно ожидать возвращенія тѣхъ же дѣйствій“.

Однако, будучи продуктомъ общества, человѣкъ въ свою очередь является причиной: онъ можетъ дѣйствовать въ извѣстныхъ предѣлахъ на свою среду. „Какъ членъ соціальнаго тѣла, онъ подлежитъ всегда дѣйствию причинъ и платитъ имъ правильную дань, но какъ человѣкъ, пользующійся всей силой своихъ умственныхъ способностей, онъ нѣкоторымъ образомъ господствуетъ надъ этими причинами, видоизмѣняетъ ихъ дѣйствія и можетъ стремиться къ улучшенію своего состоянія“. Слѣдовательно, свобода индивидуума, какъ и власть общества надъ нимъ, относительна; Кетлэ уже догадывался, что общество и индивидуумъ суть соотносительные, на мой взглядъ, неотдѣлимые организмы: ихъ воспримчивость растетъ параллельно, ихъ взаимное вліяніе отличается постоянствомъ и все болѣе и болѣе становится сознательнымъ и методическимъ; никогда индивидуумъ и общество не чувствуютъ себя болѣе свободными, чѣмъ тогда, когда оба они проникнуты сознаниемъ своего подчиненія

законамъ, которые потому уже консервативны, что прогрессъ индивидуума и вида они дѣлають условіемъ соціального порядка.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Кетлэ резюмируетъ то, что изложилъ раньше въ своихъ *Письмахъ о теоріи вѣроятностей*, и переходитъ къ изученію законовъ, касающихся *человѣка*. При этомъ онъ предупреждаетъ, что подъ *человѣкомъ* онъ разумѣетъ соціальное тѣло, выразителемъ котораго служитъ его средній абстрактный типъ.

Впрочемъ, онъ понимаетъ слово „законъ“ не въ томъ абсолютномъ, неизмѣнномъ смыслѣ, какой придавали ему первые теоретики законовъ и естественнаго права; соціальныя законы не неизмѣнны: „они могутъ измѣняться въ *известныхъ предѣлахъ*, вмѣстѣ съ природою причинъ, которыя ихъ производятъ“. Когда говорятъ о постоянныхъ законахъ, слѣдуетъ всегда подразумѣвать, что *всѣ условія равны*, при чемъ предполагается, что среди этихъ условій есть постоянныя, и хотя постоянство ихъ тоже относительное, но они считаются таковыми по сравненію съ болѣе измѣнчивыми и случайными условіями.

Я признаю, что и самыя абстрактныя соціологическія законы не абсолютны, но я думаю, что они выше простыхъ историческихъ законовъ. Кромѣ чертъ отличія, отдѣльные періоды цивилизаціи имѣютъ и общія черты, которыя могутъ служить основаніемъ для абстрактной соціологіи. Такое значеніе имѣютъ также существенныя черты вида *homo sapiens* и его физической среды. Школа, признающая только историческія законы, какъ мнѣ кажется, грѣшитъ излишней осторожностью, что объясняется, безъ сомнѣнія, реакціей противъ старой школы абсолюта.

По Кетлэ соціальная наука занимается изслѣдованіемъ вопросовъ трехъ категорій:

1. По какимъ законамъ совершается воспроизводство *человѣка*, ростъ его физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, его большей или меньшей склонности къ добру и злу; по какимъ законамъ развиваются его страсти и вкусы, слѣдуютъ одна за другой вещи, которыя онъ производитъ, и вещи, которыя онъ потребляетъ; по какимъ законамъ *человѣкъ* умираетъ и т. д.

2. Какое дѣйствіе производитъ на *человѣка* природа; чѣмъ измѣряется ея вліяніе; каковы пертурбаціонныя силы и какъ онѣ дѣйствуютъ въ теченіе того или другаго періода; какіе соціальныя элементы играютъ главную роль въ каждомъ періодѣ.

3. Наконецъ, можетъ ли *человѣческая* сила нарушить устойчивость соціальной системы?

Вотъ какое широкое поле отмежевалъ Кетлэ соціальной наукѣ. Слѣдовательно, авторъ *Соціальной физики* всегда имѣетъ въ виду *человѣка*, къ *человѣку* онъ сводитъ всѣ свои антропологическія, психологическія, моральныя, экономическія наблюденія. Дѣйствительно, онъ не изучаетъ общества, какъ такового, но беретъ его конститутивные элементы: *человѣка* и его среду въ ихъ взаимодѣйствіи. Поэтому орудіемъ изслѣдованія служитъ у него статистика, именно математическая; его соціальная статика основана на разсмотрѣніи среднихъ физическихъ величинъ и средняго *человѣка* того абстрактнаго *человѣка*, который въ его книгѣ представляетъ однако, не всеобщій типъ, а только типъ, свойственный опредѣленнымъ періодамъ и опредѣленнымъ государствамъ.

Третій вопросъ, подлежащій, по мнѣнію Кетлэ, вѣдѣнію соціальной науки и представляющій такой огромный интересъ съ точки зрѣнія общественнаго порядка, поставленъ неправильно; онъ, по меньшей мѣрѣ, страдаетъ неполнотой. Дѣйствительно, дѣло не въ томъ только, чтобы знать, могутъ ли силы *человѣка* нарушить устойчивость соціальной системы, а въ томъ, можетъ ли общество, т.-е. организованный агрегатъ, обнимающій территорію и ея населеніе, собственными своими соціальными силами измѣнить состояніе своего равновѣсія.

По мнѣнію Кетлэ, соціальная статика и динамика слагается механическимъ путемъ изъ дѣйствій индивидуумовъ съ одной стороны и вліяній среды съ другой. Это не исключаетъ, однако, того, чтобы въ книгѣ его тамъ и сямъ, случайно, не попадались указанія на коллективныя формы, отличающіяся отъ индивидуума и физической среды. Такимъ образомъ, *Соціальная физика* представляетъ собою преимущественно приложеніе теорій вѣроятностей и среднихъ чиселъ къ элементарнымъ соціологическимъ явленіямъ, разсматриваемымъ съ количественной стороны. Съ этой именно точки зрѣнія онъ разсматриваетъ сначала развитіе физическихъ качествъ *человѣка*, потомъ рождаемость, брачность, смертность и показываетъ, какое вліяніе оказываютъ на нихъ климатъ, городская и сельская жизнь, занятія людей и пища.

Къ сожалѣнію, оставаясь на почвѣ математики и механики, онъ въ своемъ объясненіи соціальныхъ фактовъ, естественно, оставляетъ безъ вниманія вліяніе соціальныхъ учреждений. Быть-можетъ, когда-нибудь удастся всѣ соціальные факты, подобно біологическимъ и физическимъ, свести къ законамъ химическимъ, физическимъ, механическимъ и, наконецъ, математическимъ, но не будетъ ли такое объясненіе явленій неполнымъ и несовершеннымъ, пока это фило-

софское обобщеніе не обниметь соціальныхъ учрежденій и соціальной структуры, по отношенію къ которымъ матеріаль, собранный статистикой, является только молекулярными составными элементами? Такъ, напр., бракъ—соціальный институтъ, привившійся на почвѣ простаго полового союза; но статистика одна безсильна объяснить послѣдовательныя формы и эволюцію половыхъ союзовъ, которые, сверхъ того, находятся въ извѣстномъ соотношеніи со всѣми другими соціальными учрежденіями и со всей структурой общества. Стремясь все свести къ физическому факту, статистика должна была бы сосчитывать не только тѣ половые союзы, которые выразились въ официальныхъ бракахъ, но и свободные, даже тайные, чего, очевидно, она не можетъ сдѣлать.

Слѣдовательно, въ соціологіи нельзя доводить абстракцію до того, чтобы разсматривать, какъ это дѣлаетъ Кетлэ, соціальныя учрежденія, какъ факторы низшаго порядка, которые оказываютъ вліяніе только въ короткіе періоды, но которыми можно пренебречь, если имѣемъ дѣло съ длинными періодами, когда *физическія обстоятельства* берутъ, по мнѣнію Кетлэ, верхъ надъ учрежденіями. Если оставить въ сторонѣ учрежденія и разсматривать ихъ вмѣстѣ съ Кетлэ, какъ пертурбаціонные элементы (такъ думалъ также Руссо и почти всѣ писатели XVIII вѣка), то не будетъ ни абстрактной, ни конкретной соціологіи, по той простой причинѣ, что въ общемъ ходѣ соціальной эволюціи характерныя, постоянныя черты ускользаютъ отъ статистики и могутъ быть даны только общей морфологіей и физиологіей общества. Что касается большихъ періодовъ, то имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное тому, что думалъ Кетлэ: факты становятся такими, что ихъ нельзя уже сравнивать съ количественной точки зрѣнія; надъ ними господствуютъ учрежденія, а эти послѣднія не однородны. Напр., полиандрія, полигамія, матриархатъ, патриархатъ, моногамія съ правомъ развода или безъ него не могутъ быть сведены къ среднимъ числамъ, равно какъ и первобытное безпорядочное сожителство, которое въ скрытомъ состояніи еще таится въ нѣдрахъ современныхъ формъ.

Одной статистики, слѣдовательно, недостаточно для построенія соціологіи, но она служитъ ея элементарнымъ базисомъ. Она отправляется отъ частнаго къ общему, но ея обобщенія и законы ограничены извѣстными предѣлами. Для соціологіи она то же, что неорганическая химія для органической. Наука застааетъ жизнь за работой не въ органической химіи; точно такъ же соціологія изслѣдуетъ процессы жизни въ учрежденіяхъ. Экономическая наука, эта важнѣйшая отрасль соціальныхъ наукъ, составляетъ уже болѣе обширное и слож-

ное цѣлое, чѣмъ статистика; однако, послѣдняя лежитъ въ основаніи экономіи. Въ свою очередь социологія, какъ единая наука, поглощаетъ и статистику, и экономію.

Выясняя надлежащее мѣсто и естественную функцію статистическаго и математическаго метода, мы тѣмъ самымъ доказываемъ его важность и необходимость, которыя, съ одной стороны, были преувеличены чисто математической школой, а съ другой—безъ основанія слишкомъ низко оцѣнены исторической школой. Между этими двумя методами нѣтъ антагонизма; напротивъ, они дополняютъ другъ друга. Вотъ почему, не обладая высокимъ полетомъ генія Ог. Конта, работа Кетлэ и его предшественниковъ имѣетъ, можетъ-быть, болѣе солидныя основанія; во всякомъ случаѣ его исходная точка и приемы болѣе надежны. Необходимо вмѣстѣ съ Кетлэ настоятельно рекомендовать изученіе статистики, безъ которой рѣшительно нельзя обойтись: „съ живѣйшимъ сожалѣніемъ,—пишетъ онъ,—мы должны констатировать, что этой богатой и плодотворной отрасли человѣческаго знанія въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ не отведено никакого мѣста въ ряду наукъ, преподаваемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Съ тѣхъ поръ дѣло измѣнилось къ лучшему; возникли школы социальныхъ наукъ; въ университетахъ или специальныхъ институтахъ введено преподаваніе общей социологіи. Однако, нужно еще и еще разъ повторить, что въ основаніе этого преподаванія должно быть положено изученіе экономики и статистики. *Социологическая литература* послѣднихъ лѣтъ, можетъ-быть, слишкомъ упустила это изъ виду; она забрасываетъ васъ болѣе или менѣе остроумными, блестящими обобщеніями, слишкомъ часто забывая строгія, но законныя требованія наблюденія и опыта. Этотъ блестящій, но хрупкій налетъ, открывая предъ нами триумфальное шествіе социологіи, представляетъ опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Какъ говорилъ Марксъ, наука не знаетъ триумфальныхъ шествій, и самая живая, блестящая фантазія не можетъ замѣстить медленный, но вѣрный ходъ индуктивнаго метода.

Вотъ почему статистическія работы Кетлэ, при всей своей неполнотѣ и несмотря на преувеличеніе ихъ философскаго принципа, всегда останутся поучительнымъ образцомъ приемовъ изслѣдованія, которыхъ должно держаться въ наукахъ, образующихъ первую ступень конкретной и абстрактной социологіи.

Эта первая ступень есть знакомство съ элементарными социальными явленіями, ихъ отношеніями и законами. Въ особую заслугу Кетлэ нужно поставить то, что онъ призналъ за экономическими факторами безспорное вліяніе на всѣ социальныя явленія безъ исклю-

ченія. Въ этомъ отношеніи, особенно по вопросу о народонаселеніи] онъ сходилъ съ Мальтусомъ и большинствомъ экономистовъ того времени, не исключая и соціалистовъ. Но онъ былъ далекъ отъ ихъ пессимизма, потому что онъ признавалъ вполне законнымъ коллективное вмѣшательство въ соціальную организацію. Этимъ онъ непосредственно примыкаетъ къ соціализму. Затѣмъ теоріи Ч. Дарвина и Г. Спенсера привлекли къ рѣшенію проблемы о народонаселеніи біологическіе и психическіе факторы, ускользнувшіе отъ Кетлэ, біологическія познанія котораго были, впрочемъ, не очень велики. Его этюдъ о смертности явится, тѣмъ не менѣе, въ методологическомъ отношеніи образцомъ изслѣдованія и оцѣнки вліяющихъ причинъ. Вообще говоря, онъ сдѣлалъ вполне правильный выводъ, что изъ всѣхъ соціальныхъ причинъ бѣдность оказываетъ самое сильное вліяніе на смертность; съ этой же точки зрѣнія онъ изучаетъ и вліяніе профессій. И тутъ онъ, вслѣдъ за величайшими мыслителями, замѣчаетъ, что въ самыхъ богатыхъ обществахъ встрѣчается и самая крайняя бѣдность, что, слѣдовательно, богатѣйшія общества это, собственно говоря, не тѣ, въ которыхъ больше всего богатствъ и богатыхъ, а тѣ, гдѣ встрѣчается меньше всего бѣдныхъ: „слѣдуетъ замѣтить,—говоритъ онъ,—что, какъ вполне вѣрно замѣтилъ де Трасси, у тѣхъ націй, которыя слывутъ подъ именемъ *бѣдныхъ*, народъ всегда богаче, чѣмъ у націй, которыя называются *богатыми*. Такъ, напр., нѣтъ такой націи, которая бы владѣла такими богатствами, какъ Англія, и тѣмъ не менѣе значительная часть ея населенія живетъ на счетъ общественнаго призрѣнія. Богатыя фландрскія провинціи насчитываютъ навѣрное больше бѣдныхъ, чѣмъ Люксембургъ, гдѣ большія состоянія рѣдки, но народъ довольно зажиточенъ и обладаетъ хотя и небольшимъ заработкомъ, но такимъ, который не колеблется изодня въ день, какъ это имѣетъ мѣсто въ промышленныхъ странахъ. То же слѣдуетъ сказать о Швейцаріи и всѣхъ вообще земледѣльческихъ странахъ“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Кетлэ,—и это вполне согласуется съ его теоріей среднихъ чиселъ,—справедливое распредѣленіе богатства важнѣе чрезмѣрнаго роста богатствъ при ихъ неравенствѣ. Еще въ XVIII столѣтіи глубокомысленный венеціанскій экономистъ Г. Ортесъ замѣтилъ, что если въ Англіи больше богатыхъ людей, чѣмъ въ Тосканѣ, то это не значитъ, что послѣдняя бѣднѣе первой: это показываетъ только, что промышленность и внутренняя торговля создали въ Англіи большое неравенство состояній. Этой стороной своихъ взглядовъ Ортесъ и Кетлэ примыкаютъ непосредственно къ соціализму; подобно Дж. Ст. Миллю, они считаютъ проблему рас-

предѣленія богатствъ важнѣе проблемы производства. Они еще не могли наблюдать проникновенія индустриализма въ земледѣліе: равнымъ образомъ они въ недостаточной степени приняли въ расчетъ, что лучшее распредѣленіе богатствъ само связано съ развитіемъ производительности. Тѣмъ не менѣе ясно, что они поставили вопросъ согласно съ его позднѣйшимъ развитіемъ.

Кетлэ думаетъ, что теорія народонаселенія сводится къ двумъ основнымъ принципамъ: 1) населеніе имѣетъ тенденцію расти въ геометрической прогрессіи; 2) сопротивление или сумма постоянныхъ препятствій, задерживающихъ этотъ ростъ, равна, при прочих равныхъ условіяхъ, квадрату скорости роста.

Такимъ образомъ, онъ примѣняетъ къ населенію и обществу физическіе законы движенія тѣлъ въ средѣ, оказывающей имъ большее или меньшее сопротивление. Отсюда онъ дѣлаетъ такой выводъ: „если развитіе происходитъ не свободно и безпрепятственно (такова именно гипотеза Мальтуса), а среди постоянныхъ препятствій всякаго рода, стремящихся его остановить и дѣйствующихъ однообразно, т.-е. *если социальное состояніе не измѣняется*, то населеніе не увеличивается до безконечности, а стремится все болѣе и болѣе сдѣлаться неподвижнымъ. Но на самомъ дѣлѣ социальныя условія измѣняются; каковъ же будетъ въ такомъ случаѣ динамическій законъ? При предположеніи, что социальная система подвергается измѣненіямъ, препятствія всегда будутъ дѣйствовать одинаковымъ образомъ, но съ различной интенсивностью, такъ что развитіе населенія можетъ претерпѣвать безконечныя модификаціи; словомъ, *развитіе находится всегда въ извѣстномъ отношеніи къ препятствіямъ*“.

Эта концепція, хотя она и чисто механическая, въ общемъ гораздо научнѣе теоріи Мальтуса. Кетлэ указываетъ также, что абсолютная цифра населенія не играетъ существенной роли; гораздо важнѣе *полезное населеніе*, т.-е. отъ 15 до 60 лѣтъ, а изъ числа полезнаго населенія—производительное.

„Словомъ, *возможный предѣлъ* числа жителей, которыхъ можетъ имѣть страна, опредѣляется производствомъ. Цивилизація суживаетъ этотъ предѣлъ и стремится увеличить часть продуктовъ, достаемыхъ каждому индивидууму, чтобы поднять его благосостояніе, обезпечивъ ему средства къ жизни... Если бы можно было съ точностью вычислить среднюю жизнь, то мы имѣли бы мѣру предусмотрительности и гигиеническаго состоянія страны; среднее потребленіе челоука дало бы мѣру цивилизаціи и требованій климата; пропорціональное число жителей въ связи съ вліяніемъ климата дало бы мѣру производства“.

Соціальна концепція Кетлэ представляеть, слѣдовательно, чисто экономическое объясненіе исторіи.

Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ автора *Соціальной физики* и за всѣми примѣненіями его метода и теоріи къ физическому человѣку. Замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, предметомъ изученія долженъ служить, главнымъ образомъ, средній человѣкъ, тотъ абстрактный человѣкъ, который составляетъ центръ тяжести соціальной массы.

Заслуживаетъ вниманія также попытка его распространить эту же точку зрѣнія на умственные и нравственные качества человѣка и подчинить дѣйствию законовъ его мнимую свободу воли. Онъ хотѣлъ примѣнить къ этимъ качествамъ ту же мѣрку, которую онъ примѣнилъ къ собственно физическимъ. Успѣхи, достигнутые въ послѣднее время психофизиологіей, психіатріей и криминологіей, сохраняютъ за попыткой Кетлэ только историческое значеніе. Но важно то, что онъ отрицаетъ старый методъ чисто внутренняго наблюденія; умственные и нравственные качества человѣка можно, по его мнѣнію, оцѣнивать только по ихъ результатамъ, т.-е. „по ихъ дѣйствіямъ или по той работѣ, которую они производятъ“. Онъ принимаетъ также во вниманіе не только дѣйствіе среды, но и дѣйствіе наследственности. Можно сказать, что этюды Кетлэ о сумасшествіи, самоубійствѣ, дѣтубійствѣ и преступности вообще послужили исходной точкой всей послѣдующей научной эволюціи. Онъ высказалъ мимоходомъ и ту мысль, что подражаніе есть одинъ изъ фактовъ какъ преступности, такъ и нормальной жизни, но онъ не придавалъ ему, какъ это пытались сдѣлать потомъ, преувеличеннаго значенія.

Каковы причины преступности? Кетлэ указываетъ прежде всего, что отсутствіе нравственнаго воспитанія гибельнѣе отсутствія образованія въ собственномъ смыслѣ; весьма часто образованіе, получаемое въ школѣ, даетъ только средство для совершенія преступленія. Бѣдность — одна изъ наиболѣе вліяющихъ причинъ; но бѣдность — понятіе относительное. Умѣренный и дѣятельный народъ не бѣденъ, если только онъ въ состояніи удовлетворять свои потребности; неравенство состояній у него незначительно и даетъ мало поводовъ къ искушеніямъ. „Бѣдность даетъ себя чувствовать въ мѣстностяхъ гдѣ накоплены большія богатства, какъ, напр., Фландрія, Голландія, Сенскій департаментъ и пр., и особенно въ промышленныхъ странахъ, гдѣ малѣйшее политическое волненіе, малѣйшее замѣшательство на рынкѣ сбыта внезапно приводитъ тысячи людей съ достаткомъ къ нищетѣ. Вотъ эти рѣзкіе переходы отъ одного состоянія къ другому и порождаютъ преступленія, въ особенности, если люди при

этомъ окружены всякими искушеніями и ихъ постоянно раздражаетъ и приводитъ въ отчаяніе видъ роскоши и неравенства имуществъ“.

Это подтверждаетъ мою мысль, что сумасшествіе, самоубійство, преступленіе соотвѣтствуютъ главнымъ образомъ состоянію экономической неуравновѣшенности, нарушающей нравственное и умственное равновѣсіе прежде всего у людей, одержимыхъ пороками, а затѣмъ у людей, которыхъ можно считать нормальными. Преступленія развиваются не параллельно съ цивилизаціей вообще, а параллельно съ усиленіемъ и усложненіемъ неустойчивыхъ элементовъ цивилизаціи. Прибавлю къ этому, что при оцѣнкѣ преступности нужно принять въ расчетъ не только цифру населенія, но и относительное число и сложность дѣйствій, совершаемыхъ индивидуумами на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи: чѣмъ сложнѣе и интенсивнѣе дѣятельность людей, тѣмъ болѣе они склонны къ ошибкамъ, хотя по отношенію къ массѣ дѣйствій число паденій въ болѣе активныхъ обществахъ значительнѣе, чѣмъ въ менѣе активныхъ. Что бы мы сказали о статистикѣ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, не принимающей во вниманіе ни числа перевозимыхъ людей, ни величины ихъ пробѣга на разныхъ линіяхъ? Это указаніе сдѣланное мною въ 1889 году во 2-мъ томѣ моего „Введенія въ соціологію“, осталось до сихъ поръ совершенно незамѣченнымъ публицистами, которые продолжаютъ повторять, что преступность растетъ параллельно съ цивилизаціей.

Въ пятой и послѣдней книгѣ *Соціальной физики* Кетлэ даетъ синтезъ всѣхъ изложенныхъ имъ отдѣльныхъ законовъ. Этотъ синтезъ сводится къ среднему человѣку и соціальной системѣ, причемъ первый представляется ему какъ-бы центромъ тяжести второй: „Средній человѣкъ для націи то же, что центръ тяжести для тѣла; къ разсмотрѣнію средняго человѣка и сводится оцѣнка всѣхъ явленій равновѣсія и движенія“. Вотъ принципъ, который онъ примѣняетъ къ человѣческимъ качествамъ всѣхъ категорій и на которомъ онъ основываетъ дальнѣйшіе успѣхи нашихъ знаній въ отношеніи законовъ развитія человѣка. Въ этой формулировкѣ недостатъ опредѣленія націи; кромѣ того, изъ нея вытекаетъ, что соціальныя законы Кетлэ не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ историческими законами, ибо онъ не можетъ возвыситься до понятія всеобщаго, абстрактнаго средняго человѣка, не соотвѣтствующаго ничему реальному, не можетъ потому, что онъ замыкается въ рамкахъ націи, которая сама по себѣ есть чисто историческая формація. Онъ признается, что „въ глазахъ натуралиста средній человѣкъ — это типъ, свойственный только одному народу“, и что „многочисленныя

наблюденія показали, что типъ этотъ не единственный“. Я, кажется, доказалъ наоборотъ, что видъ homo sapiens—единъ, такъ какъ видоизмѣненія его ограничены извѣстными предѣлами и не уничтожаютъ его основныхъ свойствъ.

Исходная точка Кетлэ, его *средній національный человѣкъ* ошибочень, но теорія его, несмотря на всѣ ея несовершенства, была шагомъ впередъ въ соціальной наукѣ. Теорію эту Кетлэ пытался примѣнить къ высшимъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности, къ искусству, наукѣ и пр. Онъ сходится съ Контомъ, когда формулируетъ законъ, что „исторія наукъ показываетъ, что въ развитіи человѣческаго духа, рассматриваемомъ съ общей точки зрѣнія, можно подмѣтить тѣ же стадіи, какъ въ умственномъ развитіи отдѣльнаго человѣка“. Онъ думаетъ, что если бы удалось вполне опредѣлить средняго человѣка, то его можно было бы рассматривать, какъ идеальный типъ, но какъ примирить эту гипотезу съ его опредѣленіемъ, что средній человѣкъ—это типъ одного только народа, одной націи? Съ другой стороны, въ изображеніи художника идеальный типъ развѣ не слагается изъ наисовершеннѣйшихъ элементовъ, которые рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ? Не бываетъ ли то же самое съ идеальнымъ типомъ общества? Сократъ, Христосъ—развѣ это средніе типы того времени?

Кетлэ заявляетъ, — правда, только въ видѣ гипотезы,—что онъ склоненъ допустить, по крайней мѣрѣ, для развитія человѣческаго духа, что „въ извѣстныхъ отношеніяхъ человѣчество развивается, какъ индивидуумъ“.

Послѣ этого интересно отмѣтить его замѣчаніе, совпадающее съ мнѣніемъ В. Кузена, что на самомъ дѣлѣ существуетъ только прогрессъ науки и что исторія народовъ можетъ быть представлена рядомъ ея героевъ. Въ этомъ признаніи онъ сходится съ Ог. Контомъ, напечатавшимъ календарь великихъ типовъ человѣчества. „Дайте мнѣ, — говоритъ В. Кузень, — рядъ великихъ людей, всѣхъ извѣстныхъ великихъ людей — и я вамъ представлю исторію рода человѣческаго“.

Какое противорѣчіе и какое странное заключеніе! Отказываясь отъ своей собственной теоріи, Кетлэ говоритъ уже, что исторію человѣчества можно изобразить не при помощи *среднихъ типовъ*, а при помощи крайнихъ, высшихъ типовъ. И однако онъ самъ предупреждалъ насъ, что невозможно выводить законы явленій, если извѣстны только ихъ максимумы, при полномъ отсутствіи минимумовъ и особенно же среднихъ величинъ. Это представляется мнѣ такимъ же уклоненіемъ отъ всей его теоріи, какъ великое заблужденіе Конта

къ концу его жизни. Это доказываетъ только, что если Кетлэ построилъ свое зданіе на прочномъ фундаментѣ, то верхніе этажи, за недостаткомъ матеріала и вслѣдствіе его неудовлетворительности, оказались построенными гораздо легче.

Несмотря на это, планъ постройки задуманъ хорошо; въ основаніи ея лежатъ физическія и антропологическія данныя, далѣе идутъ явленія экономическія, интеллектуальныя и моральныя; на самомъ верху зданіе вѣнчаетъ политика. И хотя онъ пытается свести къ политикѣ всѣ явленія, имѣющія отношеніе къ среднему человѣку, но, къ счастью, онъ не считаетъ здѣсь ни нужнымъ, ни возможнымъ воздвигнуть цѣлую систему. Но какая глубокая мысль лежитъ, напр., въ слѣдующихъ словахъ его: „степень цивилизаціи, достигнутая націей, измѣряется способомъ, какимъ нація производитъ свои революціи“. Я бы сказалъ, впрочемъ, что она измѣряется политическимъ образомъ дѣйствія націи. „Этотъ принципъ,—прибавляетъ онъ,—предполагаетъ другой, который вѣренъ вездѣ, гдѣ возможно состояніе равновѣсія и движенія какъ въ физическихъ явленіяхъ, такъ и въ политическихъ фактахъ; принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что *дѣйствіе равно противодѣйствию*. Революція — это противодѣйствіе, оказываемое народомъ или частью его дѣйствительнымъ или предполагаемымъ злоупотребленіямъ“. Накопленіе злоупотребленій производитъ взрывъ, потому что существуетъ также накопленіе энергіи; въ такихъ государствахъ, какъ Англія, реформы совершаются постепенно, безъ крупныхъ перемѣнъ, „и тѣмъ не менѣе мы не безъ ужаса видимъ, какой взрывъ можетъ тамъ произойти вслѣдствіе неравенства имуществъ и состоянія финансовъ“. Такимъ образомъ, Кетлэ сводитъ политическое равновѣсіе къ экономическому. Точно такъ же, что касается войны, то „мы уже начинаемъ,—говоритъ онъ,—смотреть на этотъ бичъ не какъ на необходимость, отъ которой мы никогда не избавимся, а какъ на зло, которое является *неизбѣжнымъ при отсутствіи законовъ, регулирующихъ права народовъ, и при отсутствіи достаточной силы для обезпеченія исполненія этихъ законовъ*“.

Отсюда вытекаетъ, что въ механико-математической концепціи Кетлэ политика превращается въ настоящій научный методъ для прогрессивнаго уравниванія общественныхъ и между - общественныхъ силъ. Государственное право представляется ему, кромѣ того, тѣсно связаннымъ съ экономическимъ равновѣсіемъ, а слѣдовательно и съ экономическимъ правомъ. По его мнѣнію, осуществленіе всѣхъ этихъ правъ должно быть обезпечено коллективной силой. Такимъ образомъ, въ послѣдней инстанціи онъ подчиняетъ социаль-

ный миръ, какъ внутренній, такъ и международный, условіямъ реального равновѣсія, что вполнѣ въ духѣ позитивизма.

Послѣдній выводъ, въ которомъ онъ резюмируетъ статическій и динамическій законъ общества, представляетъ собою, по преимуществу, механическую и математическую формулу, не только количественную, но и качественную: „Одинъ изъ главныхъ результатовъ цивилизаціи выражается во все большемъ и большемъ суженіи предѣловъ колебаній различныхъ элементовъ, касающихся человѣка“. Тѣмъ не менѣе, онъ не отдѣляетъ статики отъ динамики, порядка отъ прогресса; онъ не смотритъ на равновѣсіе, какъ на остановку движенія; способность человѣка къ усовершенствованію непрерывна; несмотря на постоянное сліяніе оригинальныхъ, крайнихъ типовъ въ среднемъ типѣ, природа всегда будетъ отличаться плодотворностью и поразительнымъ разнообразіемъ; искусство ничего не потеряетъ отъ прогресса!

Х.

Итакъ, социальная концепція Кетлэ имѣетъ по-преимуществу статическій характеръ; постоянство и правильность социальныхъ явленій—вотъ что главнымъ образомъ привлекало его вниманіе. Онъ признавалъ, конечно, что явленія могутъ измѣняться, самопроизвольно ли или вслѣдствіе вмѣшательства законодателя и коллективной воли, но онъ недостаточно отгѣнилъ не менѣе существенные и замѣчательные порядокъ и правильность, замѣчаемые въ самыхъ измѣненіяхъ общества, если при ихъ разсмотрѣніи брать длинные періоды времени. Кетлэ приходилось одновременно и создавать статистику, и примѣнять ее къ социальной наукѣ, и онъ осуществилъ это необходимое, великое дѣло съ замѣчательной силой ума. Это былъ работникъ и мыслитель перваго ранга, не ниже и не выше Конта, но иного характера, быть-можетъ, болѣе позитивный. Статическая концепція Кетлэ съ ея динамическимъ придаткомъ есть по существу концепція математическая, механическая и физическая. Въ самомъ началѣ развитія позитивной социологіи первой должна была выступить именно такая точка зрѣнія; быть, можетъ, она появится еще и тогда, когда социальная наука, достигши нѣкотораго совершенства, соединитъ въ философскомъ синтезѣ свои законы съ законами болѣе общихъ предшествующихъ наукъ. Это не ложная концепція, но неполная и въ извѣстномъ смыслѣ незрѣлая. Ог. Контъ разовьетъ органическую и биологическую сторону социологіи, употребивъ въ дѣло старый механический форму-

ляръ. Спенсеръ выдвинетъ психологическую сторону, которую ученики его доведутъ до чрезмѣрности. Замѣчательнѣе всего въ этой эволюціи ея постоянный параллелизмъ съ эволюціей наукъ, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая позднѣйшими, именно науками объ органической и интеллектуальной жизни, на которыхъ непосредственно зиждется социологія и которая въ свою очередь имѣютъ въ основѣ своей науки физико-химическія, механику и математику.

Кетлэ распространилъ теорію вѣроятностей и среднихъ чиселъ на социальныя явленія; въ этомъ отношеніи онъ только развилъ и усовершенствовалъ приемы своихъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, его статистическія таблицы обнимаютъ слишкомъ короткіе періоды времени, чтобы могли дать абсолютные выводы. Этотъ недостатокъ объясняется не вполне удовлетворительнымъ состояніемъ статистики того времени; Кетлэ въ этомъ не виноватъ; напротивъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ, для усовершенствованія методовъ статистики и расширенія ея основаній. Если бы его наблюденія могли распространяться на болѣе длинные періоды времени, то измѣнчивость социальныхъ явленій въ большей мѣрѣ привлекла бы его вниманіе и динамическая сторона жизни общества навѣрное заняла бы въ его концепціи не меньшее мѣсто, чѣмъ статическая, съ которой динамика, на самомъ дѣлѣ, составляетъ нераздѣльное цѣлое. Во всякомъ случаѣ онъ призналъ бы, что законы его, относящіеся къ среднему человѣку, не абстрактные законы; они примѣнимы только къ отдѣльнымъ цивилизаціямъ, опредѣляемымъ условіями мѣста и времени, и потому представляютъ лишь конкретные законы. Это видно изъ того, что всякій разъ, когда онъ пытается дойти до общихъ, универсальныхъ законовъ, онъ это дѣлаетъ, не примѣняя математической теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ.

Абстрактные социологическіе законы могутъ быть выведены только изъ всей совокупности отдѣльныхъ социальныхъ структуръ и эволюцій, включая сюда также изученіе структуры и эволюцій различныхъ социальныхъ институтовъ. Поэтому естественный и логическій порядокъ изученія социологіи сводится къ слѣдующему:

- 1) социальные элементы;
- 2) социальные институты;
- 3) общая структура общества, при чемъ все это слѣдуетъ изучать сначала съ исторической, конкретной точки зрѣнія, потомъ съ точки зрѣнія универсальной, постоянной и абстрактной, принимая во вниманіе какъ статику, такъ и динамику явленій.

Великая заслуга Кетлэ состоитъ въ томъ, что онъ началъ съ

того, съ чего долженъ былъ начать и съ чего должно будетъ начать большинство нашихъ современныхъ соціологовъ или—за ихъ отсутствіемъ—другіе ученые, именно: съ наблюденія, исчисленія, классификаціи соціальныхъ элементовъ; въ основу такого рода изученія различныхъ отраслей соціологическихъ знаній, особенно же соціальной экономіи, должна быть положена статистика территоріи и населенія, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ элементарнаго, молекулярнаго строенія. Затѣмъ должно идти по порядку изученіе различныхъ органическихъ сочетаній, слагающихся изъ этихъ первичныхъ элементовъ, т.-е. изученіе институтовъ, для которыхъ они являются матеріаломъ; это будетъ естественнымъ переходомъ къ соціологіи уже не молекулярной, а коренной. Послѣ всего этого можно будетъ возвыситься до позитивнаго познанія соціальныхъ системъ, какъ едиаго цѣлаго. Не такъ поступили Контъ и Спенсеръ: первый началъ съ конца, второй съ середины и это было шагомъ впередъ сравнительно съ Контомъ. Ад. Кетлэ имѣлъ благоразуміе начать сначала. Его соціологія (ибо что такое вся концепція Кетлэ, какъ не замѣчательный соціологическій опытъ?) имѣетъ физическій, математическій, механический характеръ, но не органический или надъ-органический. Это—сильная и весьма часто удачная попытка построенія элементарной соціологіи, т.-е. статистической координаціи соціальныхъ элементовъ. Но онъ ошибается, противопоставляя статистику исторіи и признавая за этой послѣдней исключительное право на соціальную динамику. Статистическіе факты тоже имѣютъ историческій, т.-е. динамическій характеръ; они тоже лежатъ въ основѣ исторіи и соціологіи; статистика не имѣетъ дѣла исключительно со статикой явленій, какъ это можно, повидимому, заключить изъ этимологическаго сходства этихъ словъ. Охватывая длинный періодъ времени и разныя цивилизаціи, существующія одновременно или слѣдующія одна за другой во времени, статистика вполне въ состояніи уловить движеніе и измѣненіе обществъ, ихъ прогрессивныя и регрессивныя стремленія; это, такъ сказать, соціальная химія; Лавуазье, основатель химіи, былъ также однимъ изъ творцовъ статистики.

Слѣдовательно, статистика представляетъ собою одинъ изъ приемовъ историческаго метода, но никакъ не противоположность исторіи. Вотъ почему математическій методъ, такъ тѣсно связанный со статистической и экономической наукой, не идетъ въ разрѣзъ съ методомъ историческимъ; со временемъ обѣ школы сольются въ одно цѣлое, потерявъ свои рѣзкія, абсолютныя черты.

У Кетлэ проявляется также и біологическая точка зрѣнія, но

еще въ смутномъ состояніи. Дѣйствительно, онъ проникнуть идеей, что государства и общества рождаются, растутъ и умираютъ какъ индивидуумы, хотя продолжительность ихъ существованія ограничена менѣе узкими предѣлами. Такимъ путемъ онъ приходитъ, но аналогіи, къ опредѣленію средней вѣроятной жизни человѣка. Однако, его средній человѣкъ, его среднее общество—это только средніе типы, заимствованные изъ историческихъ состояній и ступеней опредѣленныхъ цивилизацій; это абстрактные математическіе типы, но въ указанныхъ предѣлахъ дѣйствительности они конкретны. Во всякомъ случаѣ на типахъ этихъ постоянно оставляютъ свой отпечатокъ институты и структуры соціального цѣлаго, по отношенію къ которымъ они являются простыми элементами. По идеѣ же Кетлэ, средній человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться зеркаломъ вселенной, среднимъ выраженіемъ средняго міра.

Какъ всѣ великіе теоретики въ области политическихъ и соціальныхъ знаній, начиная съ древнихъ временъ вплоть до нашихъ дней, Кетлэ примыкаетъ къ современному соціализму и черезъ его посредство къ позитивной соціологіи, именно въ томъ смыслѣ, что онъ всегда выдвигаетъ то основное вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія на всѣ другія соціальныя явленія. Но онъ недостаточно знакомъ съ экономической наукой; достойно вниманія, что въ этомъ отношеніи у него замѣчается тотъ же пробѣлъ, что у Конта и Спенсера, хотя, впрочемъ, у нашего знаменитаго статистика пробѣлъ этотъ гораздо меньше, тѣмъ болѣе, что его статистическіе труды способствовали обновленію экономической науки. Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни взглянуть на дѣло, зданіе Кетлэ построено на болѣе солидномъ фундаментѣ, чѣмъ зданіе обоихъ великихъ представителей соціологіи XIX столѣтія.

Итакъ, главный трудъ Кетлэ имѣетъ предметомъ своимъ изученіе основныхъ факторовъ человѣческаго общества — территоріи и населенія—и спеціальныхъ общественныхъ явленій, каковы экономическія, генетическія художественныя, интеллектуальныя, нравственныя, юридическія, политическія, которыя порождаются этими двумя факторами, какъ мы показали въ первомъ томѣ своего *Введенія въ соціологію*.

Въ настоящемъ этюдѣ я старался доказать, что появленіе механико-математической школы не было простой случайностью, временнымъ заблужденіемъ въ исторіи естественнаго развитія соціальныхъ наукъ; изъ нашего изложенія ясно видно, что возникновеніе этой школы, ея эволюція совершались съ извѣстной правильностью, имѣли свой нормальный ходъ. Школа эта постоянно

совершенствовалась и будет совершенствоваться; главная роль ея должна состоять, какъ мнѣ кажется, въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности дополнить съ количественной точки зрѣнія чисто качественные формулы и оцѣнки соціальныхъ законовъ; ея позитивная законная роль сводится къ тому, чтобы посредствомъ измѣренія соціальныхъ причинъ и слѣдствій придать законамъ болѣе точное выраженіе. Однако, постоянная функція ея должна, на мой взглядъ, ограничиваться по преимуществу первичными, конститутивными элементами человѣческаго общества, оставляя въ сторонѣ формы ихъ проявленія, — формы, въ свою очередь, находящіяся подъ дѣйствіемъ абстрактныхъ законовъ, которыхъ не въ состояніи включить въ сферу своихъ операцій ни статистика, ни разнообразные математическіе приемы и методы, за исключеніемъ развѣ простаго опредѣленія числа отдѣльныхъ соціальныхъ институтовъ и группъ, — опредѣленія, имѣющаго совершенно второстепенное значеніе.

Тѣмъ не менѣе количественная точка зрѣнія всегда будетъ лежать въ основѣ органическихъ и надъ-органическихъ наукъ, потому что количественное развитіе или, вообще говоря, количественныя измѣненія сами по себѣ являются простѣйшими факторами качественныхъ различій. Въ самомъ дѣлѣ, большія массы даютъ наибольшее число варіацій, и первой и простѣйшей изъ этихъ варіацій является самое увеличеніе массы.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе новой эволюціи, которую пережила математическая школа послѣ Кетлэ. Она совершилась непосредственно въ области экономической науки. Госсенъ, Вольрасъ, Лаунгардтъ, Джевонсъ, Ауспитцъ, Парето, Панталонни и др. пытались построить цѣлостную математическую теорію политической экономіи. Въ частности, Опти въ *Опытѣ общей теоріи денегъ* примѣнилъ математическій анализъ къ изученію этой капитальной проблемы; Бертильоны — отецъ и сынъ — и г. Маркъ примѣняютъ математику къ статистикѣ; совсѣмъ недавно профессоръ Ліонскаго юридическаго факультета Эмиль Бувье превознесъ этотъ методъ въ своей замѣчательной брошюрѣ. Въ самое послѣднее время г. Виніарскій сдѣлалъ попытку снова примѣнить этотъ методъ къ соціологіи, какъ единому цѣлому. Этотъ оригинальный и ученый публицистъ пытается выразить алгебраическими формулами основныя уравненія *соціальной механики*, стараясь въ частности доказать, что въ чистой соціологіи вполне возможно свести абстрактную, элементарную теорію семьи и собственности къ общимъ уравненіямъ движенія Лагранжа. Я, однако, продолжаю думать, что соціальные

институты и общества, разсматриваемыя во всей ихъ совокупной структурѣ, не могутъ служить матеріаломъ для построения этихъ формулъ; для математики и ея отрасли—статистики могутъ служить матеріаломъ только соціальныя молекулы или элементы. Словомъ, математическій методъ есть такая дедуктивная форма разсужденія, которая примѣнима въ наукахъ сложившихся,—наукахъ, основанія которыхъ установлены и опредѣлены. Вотъ почему интересно отмѣтить, что современная эволюція математической школы въ соціальной экономіи совпадаетъ съ однородной эволюціей въ логикѣ: послѣдняя тоже стремится сдѣлаться математической. Стэнли Джевонсъ въ Англіи, какъ логикъ и экономистъ, прекрасно охарактеризовалъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между развитіемъ логики и развитіемъ экономической науки. Остается узнать, настолько ли установлены законы экономической науки, чтобы позволительно было примѣненіе въ ней дедуктивнаго метода.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся сторонниковъ историческаго метода въ соціальной экономіи, Шмоллеръ, высказывается слѣдующимъ образомъ: „Сдѣланные опыты построения математической экономической теоріи представляютъ собою аналогію съ попытками вывести законы цѣнъ изъ аксіомъ или конечныхъ элементовъ; тутъ все дѣло сводится къ тому, чтобы при помощи графическихъ построений, алгебраическихъ формулъ и дедукцій представить въ точномъ видѣ отношеніе спроса къ предложенію и изъ самыхъ простыхъ посылокъ сдѣлать извѣстные выводы въ математической формѣ. Нельзя отрицать, что такимъ способомъ можно облечь абстрактную теорію въ ясную, точную форму, что этотъ приѣмъ дедукціи надежнѣе простаго изложенія, что этимъ путемъ можно сдѣлать болѣе нагляднымъ ходъ извѣстныхъ процессовъ, особенно для математическихъ умовъ. Но до сихъ поръ методъ этотъ не далъ еще новыхъ истинъ. Желать, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь болѣе одного изъ способовъ изложенія *того, что уже извѣстно*, значитъ не понимать природы экономическихъ явленій и ихъ причинъ. Построения и формулы математическаго метода пользуются элементами, которые въ сущности не могутъ быть опредѣлены съ точностью и не поддаются измѣренію; имѣя дѣло съ фиктивными величинами, они придаютъ психологическимъ причинамъ и условіямъ рынка, ускользающимъ отъ измѣренія, видимость опредѣленныхъ счетомъ и мѣрою величинъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ“.

Эта критика касается чистой математической школы постольку, поскольку послѣдняя имѣетъ претензію поглотить всю соціологію

и въ частности экономику; она касается и К. Маркса, которому угодно было дать алгебраическую формулировку тому, что *онъ уже зналъ* благодаря историческому методу. Но критика Шмоллера не справедлива по отношенію къ математической статистикѣ. Одно дѣло—точка зрѣнія всей соціологіи въ совокупности, другое—аналитическая точка зрѣнія ея составныхъ элементовъ. Эти послѣдніе могутъ быть измѣряемы. Обѣ школы, историческая и математическая, могутъ и должны жить въ мирѣ, но при условіи тщательнаго разграниченія функцій и сферъ компетенціи.

Кетлэ и его предшественники ввели математическій методъ въ исторію человѣческихъ обществъ, но Кетлэ, кромѣ того, далъ намъ *исторію математическихъ наукъ*. Не есть ли это лучшее доказательство того факта, что возможна утилизація всѣхъ методовъ во всѣхъ наукахъ, и не видимъ ли мы здѣсь новой побѣды надъ абсолютомъ?

IV.

Историческій матеріализмъ.*

Выступая съ намѣреніемъ освѣтить одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь съѣздомъ Международнаго социологическаго института, я не претендую на полное изложеніе предмета, а хочу только выяснитъ свою точку зрѣнія на проблему, возбуждившую въ послѣднее время столько споровъ. Международный социологическій институтъ желалъ выслушать по этому вопросу мнѣнія своихъ членовъ изъ разныхъ странъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ обсуждения при участіи лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ школамъ, и я сожалью, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ принять участіе въ предстоящихъ дебатахъ. Эта же болѣзнь пусть послужитъ мнѣ извиненіемъ за недостатки настоящаго доклада.

Прежде всего да позволено мнѣ будетъ напомнить, что я разумѣю подъ социологіей (правъ ли я или нѣтъ—это другой вопросъ). Я называю социологіей общую абстрактную философію частныхъ абстрактныхъ социальныхъ наукъ; послѣднія имѣютъ въ своей основѣ конкретныя социальныя науки, пользующіяся главнымъ образомъ индуктивнымъ методомъ. Абстрактныя и конкретныя или прикладныя социальныя науки располагаются по степени возрастающей сложности и специальности въ слѣдующемъ іерархическомъ порядкѣ: экономика, генетика, эстетика, коллективная психологія (религія, метафизика, наука), этика, право, политика. Социальныя науки, сведенныя въ общую систему социологіей, въ свою очередь, зиждутся на іерархическомъ рядѣ всѣхъ предшествующихъ наукъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ: математики, механики, астро-

* Докладъ, читанный на съѣздѣ Международнаго социологическаго института и напечатанный въ томѣ VIII *Записокъ* этого института.

номіи, фізики, хіміи, біологіи и психологіи. Всѣ вмѣстѣ, науки предшествующія и соціальныя, науки фізическія, органическія, науки объ обществѣ, не считая частныхъ философіи, систематизирующихъ каждую изъ нихъ, объединяются, кромѣ того, общей философіей наукъ или позитивной философіей.

Почти въ одно время съ Ог. Контомъ и Ад. Кетлэ, заложившими, хотя подъ разными названіями, фундаментъ позитивной соціальной науки,—другой выдающійся мыслитель, К. Марксъ, о которомъ потомство сохранить благодарную память наряду съ П. Ж. Прудономъ, положилъ основаніе тому, что называютъ научнымъ соціализмомъ въ отличіе отъ утопическаго соціализма его предшественниковъ.

Научнымъ соціализмомъ завершается одно изъ двухъ великихъ теченій въ исторіи соціальныхъ доктринъ; исходя изъ разныхъ источниковъ, эти теченія все болѣе и болѣе сближаются между собою, пока, достигнувъ извѣстно пункта, не сольются въ одно цѣлое. Будемъ ли мы это послѣднее называть научнымъ соціализмомъ или соціологіей,—безразлично, развѣ только мы пожелаемъ воскресить въ памяти происхожденіе и сложный составъ того, что получилось отъ сліянія этихъ двухъ теченій.

То обстоятельство, что нашъ Институтъ сдѣлалъ предметомъ обсужденія одинъ изъ базисовъ современнаго соціализма, имѣетъ весьма важное значеніе: пренія возникаютъ только у сосѣдей. Впрочемъ, въ наше время сближеніе между людьми сдѣлало такіе колоссальные успѣхи, что дальность разстоянія почти сглаживается и мы боремся за или противъ нашихъ сосѣдей изъ другаго конца міра, какъ за или противъ своихъ братьевъ.

Если сравнить соціализмъ съ соціологіей въ отношеніи ихъ возникновенія и исторіи развитія, то убѣдимся, что соціализмъ имѣетъ болѣе глубокое начало, стоитъ ближе къ народу и соціальнымъ бѣдствіямъ, въ большей степени приобщился къ міру чувствъ и эмоцій, чаще погружался въ пучину жизни съ ея лихорадочной дѣятельностью, волненіями, революціями, чѣмъ соціологія. Корни соціализма таятся въ нѣдрахъ трудящагося люда; напротивъ, соціологія есть продуктъ мозговаго происхожденія, результатъ дѣятельности ума; она стоитъ въ сторонѣ отъ страданій народной массы, если не считать развѣ простаго сочувствія къ нимъ. Но что мы видимъ въ концѣ концовъ у Маркса и Прудона съ одной стороны, у Кетлэ и Ог. Конта съ другой? У первыхъ двухъ эмоциональная основа соціализма, правда, не исчезла окончательно, но надъ нею господствуетъ, ею управляетъ идея; у послѣднихъ научная мысль, послѣдовательно развиваясь, получила печать отмѣнной чувствительности. Благодаря

научной мысли, страданія интеллигенціи получили, можетъ-быть, болѣе острый характеръ, чѣмъ страданія самыхъ несчастныхъ людей; въ послѣднее время мы могли убѣдиться, что интеллигенція способна чувствовать, проявлять свою волю и дѣйствовать въ той же мѣрѣ, какъ пролетаріатъ мыслить.

Еще до Конта, Прудона и Маркса начало сліянія обоихъ теченій въ различныхъ стадіяхъ стало проявляться въ трудахъ Ш. Фурье и С. Симона во Франціи, Р. Оуэна въ Англіи и Родбертуса въ Германіи. Въ частности, С. Симона можно считать предтечей и социализма, и социологіи. Самое слово „социализмъ“, будучи антитезой современному термину „индивидуализмъ“, уже свидѣтельствуешь о переходѣ чувствъ и эмоцій, господствовавшихъ до того времени въ социализмѣ, въ область яснаго, научнаго сознанія. Въ наши дни сліяніе продолжается; социологія—это научный социализмъ, понимаемый уже не какъ простой протестъ противъ индивидуальнаго эгоизма, но какъ примиреніе индивидуума съ обществомъ. Индивидуумъ мыслится одновременно и какъ продуктъ, и какъ факторъ общества; отдѣлить оба понятія другъ отъ друга можно только путемъ абстракціи; разъединенныя, они не имѣютъ реальнаго существованія. Однако, если, принимая во вниманіе совершившуюся эволюцію, я предпочитаю употреблять выраженіе „социологія“, а не „социализмъ“, то я это дѣлаю, отказываясь, такъ сказать, отъ своихъ собственныхъ чувствъ и исходя изъ того соображенія, что первый терминъ лучше выражаетъ ту мысль, что отнынѣ эмоціональная психологія общества все болѣе и болѣе будетъ и должна регулироваться психологіей интеллектуальной. Это не значить, что сфера нашей эмоціональной жизни потерпитъ сокращеніе; напротивъ, она еще увеличится. Подвергаясь очищенію и иделизаци, она никогда не потеряетъ своего общаго, глубокаго органическаго характера, но будетъ все болѣе и болѣе подпадать подъ контроль и власть высшихъ центровъ нашего мозга и, слѣдовательно, позитивнаго метода.

Двойное сближеніе, на неизбѣжность и настоятельность котораго я только что указалъ, является, слѣдовательно, естественнымъ завершеніемъ предшествующей эволюціи: съ одной стороны, социализмъ долженъ озариться свѣтомъ мысли и освободиться отъ исключительной власти политическихъ дѣятелей, пропагандистовъ и людей дѣла, главныхъ агитаторовъ и самыхъ беспокойныхъ членовъ партіи, не смотря на ихъ безспорную полезность на практикѣ; съ другой стороны, социологія должна сблизиться съ рабочимъ классомъ, не только для того, чтобы подкрѣпиться изъ живаго источника эмоцій и полезной активной жизни, но и для цѣлей науки,—для того, чтобы

ея идеологическія концепції всегда составляли ни что иное, какъ продолженіе дѣйствительности, которая должна лежать въ ея основаніи. Абстракція гибельна, опасность налицо и нашъ долгъ обратить вниманіе на это. Соціологія не должна выродиться въ чисто формальную литературу; законы ея имѣютъ цѣнность въ томъ лишь случаѣ, если они выводятся изъ данныхъ реальной общественной жизни посредствомъ строгаго примѣненія индуктивнаго метода. Повторяю, опасность существуетъ; это видно изъ того, что, идя въ разрѣзъ съ главнѣйшими началами общей философіи наукъ, люди вообразили, что соціологію можно изучать самоё въ себѣ, внѣ связи съ другими науками, не исключая и частныхъ соціальныхъ наукъ, для которыхъ она служитъ философіей. Люди обсуждаютъ и формулируютъ выводы и правила, слѣдуя ученіямъ различныхъ школъ и не подвергая болѣе глубокому изслѣдованію данныхъ трактующей проблемы. Какъ часто учащіяся и даже публицисты и профессора приступаютъ къ изученію или преподаванію соціологіи, не обладая никакой подготовкой въ частныхъ соціальныхъ наукахъ, какъ абстрактныхъ, такъ и конкретныхъ, не имѣя понятія о текущей практической жизни и ея самыхъ обыденныхъ условіяхъ, уступая въ этомъ отношеніи даже простымъ ремесленникамъ, которые сохранили, по крайней мѣрѣ, связь съ природой, а не витаютъ только въ облакахъ. Къ сожалѣнію, дурной примѣръ исходитъ отчасти и отъ самыхъ извѣстныхъ представителей соціальной науки, и можно сказать, что зло происходитъ отъ чрезвычайной спеціализаціи въ изученіи наукъ и отъ слишкомъ высокаго раздѣленія общественнаго труда, при отсутствіи какого бы то ни было согласованія между спеціальностями. Нисколько не посягая на славу Ог. Конта и Спенсера которая останется неувядаемой, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что экономія и право занимаютъ ничтожное мѣсто въ ихъ соціологическомъ матеріалѣ. Не считая спеціалистовъ экономической науки, можно утверждать, что социализмъ построенъ на болѣе богатомъ, экономическомъ фундаментѣ, чѣмъ соціологія. Поэтому соціологическая школа, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать, должна постоянно подвергать свои научныя основы пересмотру и дополнять ихъ, она должна сблизиться съ практическимъ и теоретическимъ социализмомъ, принимать участіе въ обсужденіи дѣятельности и теорій социалистовъ. Съ другой стороны, социализмъ, адептомъ котораго я себя вовсе не считаю, долженъ пропитаться соціальной философіей, проведя ее черезъ горнило пракческаго опыта рабочаго класса, выраженіемъ котораго онъ служитъ. Полное сліяніе произойдетъ къ общей выгодѣ лишь тогда, когда исчезнетъ граница, раз-

дѣляющая—на мой взглядъ совершенно неосновательно—эти два теченія.

Поставивъ на очередь вопросъ объ *историческомъ матеріализмѣ* съѣздъ Международнаго соціологическаго института пошелъ по этому пути; дѣйствительно, исторической матеріализмъ—это доктрина, раздѣляемая видной и, быть-можетъ, самой многочисленной фракціей современнаго соціализма.

Поэтому, не вдаваясь въ разсмотрѣніе формулъ и словъ, такъ какъ они являются болѣе или менѣе точными символами дѣйствительности, остановимся нѣсколько на этой историко-филосовской концепціи. Мнѣ кажется, что мы можемъ говорить о ней съ полнымъ безпристрастіемъ, такъ какъ ни судьба соціализма, ни будущее соціологіи не зависятъ отъ принятія или отрицанія этой доктрины, а скорѣе—какъ увидимъ ниже—отъ того позитивнаго, не метафизическаго объясненія соціальныхъ явленій, зародышъ котораго мы въ ней находимъ.

Прежде всего, что слѣдуетъ разумѣть подъ матеріализмомъ вообще и историческимъ въ частности? Матерія, говорятъ, это—все то, что по своей природѣ способно вызвать въ нашихъ органахъ раздраженіе. Это вѣрно; но въ такомъ случаѣ звукъ, написанное или сказанное слово, выраженная мысль не менѣе матеріальны, чѣмъ тѣло въ собственномъ смыслѣ.

Не ясно ли отсюда, что понятіе матеріи—чистая абстракція, субстанція? Не ясно ли также, что въ этомъ понятіи заключается и понятіе движенія или силы? Въ самомъ дѣлѣ, нельзя представить себѣ возбужденіе независимо отъ движенія или силы. Эти послѣднія, въ свою очередь, представляютъ только абстрактную сущность всѣхъ свойствъ тѣла въ совокупности; въ дѣйствительности, мы знаемъ только эти свойства, ихъ отношенія и законы. Сила и матерія нераздѣльны; обѣ онѣ—абстракціи, идеологическія этикетки, изображающія различныя стороны, съ которыхъ мы рассматриваемъ тѣла въ ихъ проявленіяхъ, будь то проявленія, сосуществующія въ пространствѣ или послѣдовательныя во времени, проявленія въ состояніи статики или динамики. Нѣтъ матеріи безъ свойствъ, нѣтъ свойствъ безъ матеріи. Въ объективной дѣйствительности существуетъ только извѣстное число простыхъ тѣлъ, образующихъ посредствомъ многократныхъ сочетаній болѣе или менѣе сложныя тѣла,—начиная отъ неорганическихъ и кончая соціальными,—изъ которыхъ каждое одарено своей специфической активностью.

Невозможно отдѣлить пассивное начало, матерію, отъ активнаго, силы, точно такъ же, какъ въ психологіи нельзя отдѣлить тѣла отъ души.

Только метафизика могла пытаться свести всё явления либо къ матеріи, либо къ силѣ; отсюда возникли абсолютный матеріализмъ и столь же абсолютный идеализмъ, эти старыя, ложныя одностороннія системы, незамѣтно уступившія свое мѣсто общей научной философіи. Послѣдняя ищетъ единства другимъ путѣмъ, именно—открывая законы, которые все болѣе и болѣе становятся общими и стремятся къ открытію универсальнаго закона.

Споръ между матеріализмомъ и идеализмомъ вращается вокругъ чисто метафизической проблемы, которою современная научная философія не занимается; оба составляютъ попытку односторонняго объясненія неорганическаго, органическаго и соціальнаго міра. Религія разрѣшаетъ эту проблему совершенно просто, перенеся ее въ область мистики и вѣры; ошибка метафизики состоитъ въ томъ, что она желала объяснить несуществующее, рѣшить проблему, не имѣющую реального бытія.

Рѣшеніе этого кореннаго вопроса не было возможно, пока психофизиологія и социологія не установились какъ отдѣльныя науки, ибо постоянныя отношенія силы и матеріи, души и тѣла, идеи и факта входятъ, очевидно, въ сферу этихъ именно наукъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ каждая изъ частныхъ абстрактныхъ наукъ стремилась свести свое содержаніе къ какому-либо общему закону, позитивная философія, т.-е. философія всѣхъ наукъ въ совокупности, стремилась къ монистическому объясненію вселенной; но она обращалась при этомъ не къ одной какой-либо сторонѣ реальной дѣйствительности, какъ, напр., матерія, сила и т. п., а ко всей совокупности свойствъ всѣхъ тѣлъ и отношеній, устанавливающихся, между этими тѣлами въ силу ихъ связи въ состояніи статическомъ и взаимной зависимости въ состояніи динамическомъ.

Словомъ, сила и матерія, идеализмъ и матеріализмъ—это неполныя, а потому и неточныя выраженія объективнаго и субъективнаго единства, составляющаго высшую цѣль научныхъ и философскихъ исканій.

Всѣ науки,—какъ тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ органическую жизнь, такъ и тѣ, которыя занимаются изслѣдованіемъ явленій соціальной жизни, а именно, физиологія, затѣмъ психологія и наконецъ социологія,—отдали дань метафизическому сфинксу: всѣ онѣ, преждѣ чѣмъ сдѣлались позитивными, стояли на почвѣ либо матеріалистической, либо идеалистической. Механическая теорія Ламетри въ психологіи и матеріалистическая Гельвеція и Гольбаха въ области морали и политики примѣнены были также къ соціальнымъ явленіямъ: человекъ-машина былъ дополненъ обществомъ-ма-

шиной. Эта концепція господствовала въ социологіи еще въ первой половинѣ XIX столѣтія; изъ психофизиологіи она проникла въ политическую экономію и притомъ не только теоретическую, но и практическую; мы находимъ ее до нѣкоторой степени и въ социальной физикѣ знаменитаго Кетлэ. Напротивъ, Фихте, Гегель, Шопенгауэръ и даже Контъ, поскольку въ основѣ его социальной экономики лежитъ развитіе мнѣній, были идеалистами.

Разъ идеализмъ и матеріализмъ суть съ точки зрѣнія общей философіи метафизическія и, слѣдовательно, внѣ-научныя теоріи, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что они представляются таковыми и съ точки зрѣнія частныхъ социальныхъ наукъ, а равно и социологіи, которая является согласованіемъ этихъ послѣднихъ. Социальный идеализмъ, социальный матеріализмъ, историческій идеализмъ, историческій матеріализмъ — все это такія же ошибочныя выраженія, какъ тѣло и душа въ психологіи, поскольку предполагается, что тѣло и душа составляютъ отдѣльныя реальныя субстанціи.

Претензія матеріалистической школы, будто она одна имѣетъ научное значеніе, такъ какъ только она стоитъ на почвѣ детерминизма, ни на чемъ не основана.

Идеалистъ можетъ быть такимъ же детерминистомъ, какъ матеріалистъ; они расходятся только въ опредѣленіи субстанціальной природы причинъ.

Въ этомъ отношеніи Бернштейнъ глубоко ошибается, утверждая, что „быть матеріалистомъ значитъ, на первомъ планѣ, выводить необходимость всего совершающагося изъ движенія матеріи“. Напротивъ, матеріалистъ разсматриваетъ движеніе и силу, какъ внутреннее свойство матеріи, а идеалистъ считаетъ матерію продуктомъ силы, духа или идеи. Не считая этого различія въ догмѣ, матеріалисты и идеалисты, равно какъ спиритуалисты и сенсуалисты могутъ быть и не быть детерминистами. Бернштейнъ не замѣчаетъ, что въ его опредѣленіи оба начала, матерія и движеніе, тѣло и душа, общество и государство предполагаются, какъ отдѣльныя субстанціи. Почему онъ говоритъ: „движеніе матеріи“, а не „матерія движенія“? Вотъ противорѣчіе, котораго метафизика — матеріалистическая ли или идеалистическая — никогда не будетъ въ состояніи разрѣшить. *

Итакъ, если не считать абсолютныхъ, первичныхъ, исходныхъ пунктовъ матеріализма и идеализма, то нужно сказать, что идеа-

* Эд. Бернштейнъ, Очерки изъ теоріи и исторіи социализма (на рус языкѣ въ пер. С. Штейнберга, СПб. 1902).

листь и материалистъ одинаково могутъ допустить необходимость всѣхъ стадій исторической эволюціи. Въ этомъ отношеніи идеалистъ Гегель можетъ быть такимъ же радикаломъ, какъ материалистъ К. Марксъ; они могутъ сказать и дѣйствительно говорятъ: все, что произошло и произойдетъ, предопредѣлено совокупностью существующей матеріи и ея силъ; разница только въ томъ, что одинъ считаетъ первичнымъ факторомъ движеніе, идею-силу, а другой—материю, фактъ.

Материалистическое пониманіе исторіи есть не что иное, какъ гипотеза, выведенная изъ другой, болѣе общей гипотезы—материалистическаго пониманія философіи. По словамъ Фр. Энгельса, съ которымъ соглашается и К. Каутскій, „соціализмъ сдѣлался наукой, благодаря двумъ великимъ открытіямъ: материалистическому пониманію исторіи и раскрытію тайны капиталистическаго производства въ лицѣ прибавочной стоимости“. * Каутскій прибавляетъ, что материалистическое пониманіе исторіи является базисомъ всякой теоріи.

Мы видѣли, что материализмъ, какъ общая философія, есть метафизика, попытка объясненія абсолюта. Мы доказали также, что материализмъ есть неточное выраженіе соціальной философіи или социологіи, — выводъ, который можно сдѣлать, впрочемъ, и путемъ простой дедукціи. Но развѣ мысль эта—новое открытіе? Достаточно заглянуть въ *Исторію материализма* Ланге и въ любую исторію политическихъ или экономическихъ ученій, чтобы убѣдиться, что материализмъ ничѣмъ инымъ не можетъ быть.

Всѣ историки и философы, утверждающіе, что характеръ соціальныхъ учрежденій и соціальной дѣятельности опредѣляется физической, географической, климатической, антропологической и т. д. средой, могутъ и должны считаться материалистами; таковы Геродотъ, Фукидидъ, Аристотель, Бодэнъ, Монтескье и многіе другіе.

На что разумѣютъ подъ материализмомъ марксисты? Они называютъ материализмомъ теорію, по которой структура и жизнь коллективнаго цѣлаго опредѣляются прежде всего экономической структурой и жизнью общества. По мнѣнію Маркса и учениковъ его, первичнымъ факторомъ служитъ не совокупность экономическихъ явленій вообще, а производство или, вѣрнѣе, техника производства. Другіе, напр., М. Ковалевскій, считаютъ первичнымъ факторомъ населеніе. Я, съ своей стороны, думаю (и тѣмъ не менѣе не причисляю

* Фр. Энгельсъ, *Анти-Дюрингъ*. К. Каутскій, *Марксизмъ и его критикъ* Бернштейнъ.

себя къ матеріалистамъ), что наиболѣе общимъ и простѣйшимъ образомъ,—а слѣдовательно и въ менѣе абсолютномъ смыслѣ и принимая во вниманіе взаимную зависимость соціальныхъ явленій,—соціальная жизнь и структура опредѣляются еще болѣе общими основными формами и дѣйствіями, чѣмъ въ предыдущихъ гипотезахъ, а именно: экономическимъ обращеніемъ.

Стало быть, по ученію марксистовъ матеріалистическое пониманіе исторіи состоитъ въ экономическомъ объясненіи ея. Такой способъ толкованія исторіи тоже не представляетъ собою новаго открытія; но Марксъ привелъ въ строгую систему теоріи и наблюденія своихъ предшественниковъ, особенно во всемъ, что касается важности производства и его техники. Но еще до Маркса было признано, что фізіократы и Ад. Смитъ, созидавая экономическую науку, заложили фундаментъ цѣлостной соціальной науки. Дѣйствительно, экономисты-классики, выдвинувъ механическую и автоматическую концепцію общества, ставъ на матеріалистическую точку зрѣнія въ самомъ узкомъ и дурномъ смыслѣ слова, отождествивъ рабочаго или рабочую силу съ товаромъ, занявшись почти исключительно богатствомъ и такъ называемымъ матеріальнымъ интересомъ,—уже предупредили марксистовъ на этомъ пути. Фізіократы и англо-французская школа съ Ад. Смитомъ, Рикардо и Мальтусомъ, Мабли, Морелли и нѣсколько позже—Годвиномъ и Роб. Овэномъ во главѣ приписывали преобладающее вліяніе экономическимъ факторамъ, а нѣкоторые даже формамъ производства. А раньше ихъ всѣхъ не заявили ли знаменитый авторъ *Oceana*, Гаррингтонъ, что формы собственности служатъ моделью для всѣхъ другихъ соціальныхъ формъ? Первые являются у него основными и первичными. А относящаяся къ 1766 году *Басня о пчелахъ* Мандевиля, о которой самъ Марксъ отзывается, какъ о первомъ выраженіи экономического матеріализма? И не лежитъ ли въ основѣ всѣхъ соціалистическихъ ученій признаніе необходимости предварительной реорганизаціи производства, потребленія и обращенія? Лучше всякой другой доктрины социализмъ понималъ, что соціальная жизнь имѣетъ прежде всего экономическую основу, и онъ неизбѣжно долженъ былъ это понять, такъ какъ онъ самъ имѣетъ источникомъ своимъ нищету народной массы.

Впрочемъ, можно давать экономическое объясненіе исторіи, не будучи матеріалистомъ. Укажу на Ах. Лоріа, Т. Роджерса, Лакомба, Липперта, наконецъ, на Бокля, этого великаго философа, о которомъ Каутскій даетъ такой странный отзывъ: „онъ не зналъ еще, что различными соціальными формамъ соотвѣтствуютъ и разные экономическіе законы; онъ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія либеральной поли-

тической экономии, для которой законы товарного производства достигшаго высокой степени развитія, были естественными законами всякой формы производства“. Бѣдный великій Бокль! Онъ этотъ будто бы чистый либеральный экономистъ *не зналъ еще* того, чему училъ въ своей теоріи цѣнности его учитель Ад. Смитъ за 100 лѣтъ до Маркса! Бокль, у котораго среда и въ частности способъ пропитанія людей является преобладающимъ факторомъ всей цивилизаціи, — Бокль принадлежалъ будто бы къ сектѣ либеральныхъ экономистовъ!

И какъ просто рѣшается однимъ взмахомъ пера остающійся еще теперь спорнымъ вопросъ о томъ, существуютъ ли социологическіе (слѣдовательно, и экономическіе) законы, т.-е. законы постоянные и универсальные, общіе и абстрактные, примѣнимые ко всѣмъ обществамъ независимо отъ времени и пространства!

Марксъ и Энгельсъ и еще до Маркса многіе великіе экономисты и историки не только германскіе, но и всѣхъ странъ были того мнѣнія, что различнымъ экономическимъ періодамъ и формамъ соответствуютъ различныя экономическіе законы. Они были правы, выступивъ съ протестомъ противъ прежней метафизической концепціи такъ называемыхъ естественныхъ, неизмѣнныхъ законовъ но они были не правы, отрицая возможность построения абстрактной социологіи. Для рѣшенія этой проблемы, несравненно большей важности, ни Марксъ, ни Энгельсъ не дали ничего новаго и положительнаго.

Чтобы показать, что идея объ историческомъ характерѣ экономическихъ законовъ впервые была высказана отцомъ такъ называемой либеральной политической экономіи и что теорія цѣнности Маркса, эта двуединая концепція, восходитъ не только къ Рикардо, какъ это всѣми признается, и къ Родбертусу, но также къ общему родоначальнику науки, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ „Богатства народовъ“ (кн. I, гл. VI):

„Въ первобытномъ, грубомъ состояніи общества, предшествующемъ скопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, единственное условіе для доставленія какого-либо измѣренія предметовъ мѣны составляетъ, какъ кажется, количество труда, необходимаго для приобрѣтенія этихъ предметовъ. Если, на примѣръ, у народа, живущаго звѣринымъ промысломъ, убить бобра *обыкновенно* въ два раза труднѣе, чѣмъ козу, то *естественно*, что бобръ будетъ обмѣниваться за двѣ козы или будетъ стоить двѣ козы. Точно такъ же то, что *обыкновенно* составляетъ произведеніе двухдневнаго или двухчасоваго труда, естественно, будетъ стоить вдвое противъ того,

что *обыкновенно* изготовляется *однодневнымъ* или *часовымъ* трудомъ. Если одинъ родъ труда тяжелѣе другого, то естественно, что большее усиліе тоже будетъ принято во вниманіе и произведеніе часового тяжелаго труда *нерѣдко* можетъ обмѣниваться на произведеніе двухчасоваго труда, болѣе легкаго. Такимъ же точно образомъ, если какой-нибудь родъ труда требуетъ особеннаго искусства или ловкости, то пристрастіе людей къ такимъ качествамъ естественно придастъ произведенію, запечатлѣнному ими, большую цѣнность, чѣмъ какую заслуживало бы оно по одному только времени, употребленному на его изготовленіе. Рѣдко бываетъ, чтобы такія дарованія пріобрѣтались иначе, какъ продолжительнымъ упражненіемъ, а высокая цѣнность, приписываемая такого рода произведеніямъ, составляетъ часто только справедливое вознагражденіе за трудъ и время, употребленные для развитія дарованій.

Вотъ по Смиту экономическій законъ мѣновой цѣнности для первобытнаго состоянія человѣчества; это чисто историческій законъ. Смитъ, какъ и Марксъ, но только для первобытнаго состоянія, основываетъ мѣновую цѣнность на трудѣ и измѣряетъ ее продолжительностью общественно необходимаго для производства товаровъ труда; подобно Марксу, онъ различаетъ трудъ квалифицированный и неквалифицированный. И Смитъ и Марксъ опредѣляютъ квалифицированный трудъ, приводя его къ единицѣ простаго труда.

Смитъ продолжаетъ: „При такомъ положеніи вещей произведеніе труда безраздѣльно принадлежитъ работнику и количество труда, употребляемаго *обыкновенно* для пріобрѣтенія или для приготовленія предмета мѣны, есть единственное обстоятельство, оказывающее вліяніе на количество труда, за которое можно купить этотъ предметъ“.

Такимъ образомъ, Смитъ, вслѣдъ за многими другими экономистами, но въ болѣе систематическомъ видѣ призналъ, что общей мѣрой цѣнности является продолжительность труда, подъ которой онъ разумѣетъ *обыкновенную* продолжительность, т. - е. среднюю или нормальную, общественно-необходимую для производства, при чемъ принимается въ расчетъ и качество труда. При этихъ условіяхъ, на первобытной стадіи историческаго развитія работникъ получаетъ всю цѣнность своего труда. Я изложилъ теорію Смита, не критикуя ея. Дѣйствительно, возникаетъ вопросъ, не получаетъ ли работникъ въ описанномъ случаѣ еще кое-что, какъ результатъ дѣятельности природы или общества, не вліяетъ ли на цѣнность продукта большая или меньшая рѣдкость его и невозможность произвести его въ такомъ большомъ количествѣ, какъ того требуетъ спросъ,—словомъ, составляетъ ли трудъ единственный постоянный

факторъ цѣнности, а если есть и другіе столь же постоянные факторы или всѣ они въ той или другой мѣрѣ измѣнчивы, то въ правѣ ли мы, рассуждая строго логически, устранить всѣ факторы за исключеніемъ одного, чтобы предоставить этому послѣднему привилегію быть общей мѣрой цѣнности? Судьбы социализма вовсе не требуютъ, чтобы теорія цѣнности Маркса была единственной правильной теоріей; критиковать ее не значитъ отрицать, что земельная собственность и капиталъ должны быть возвращены если не отдѣльнымъ рабочимъ, то, по крайней мѣрѣ, всему рабочему классу въ совокупности. Что касается меня, то я полагаю, что факторами, регулирующими на рынкѣ цѣнность товаровъ, служатъ не только трудъ, полезность, рѣдкость, добротность и пр., но и вся совокупность социальныхъ учреждений. Этотъ взглядъ менѣе абсолютенъ, но онъ въ большей степени соотвѣтствуетъ духу социологии и социализма, такъ какъ указываетъ на необходимость постояннаго вмѣшательства коллективной политики и коллективнаго права, для того ли, чтобы принять тѣ или другія мѣры противъ естественной рѣдкости или временной недостачи продуктовъ, или для того, чтобы сохранить за природой, обществомъ и индивидуумомъ принадлежащія имъ доли, ограничить или уничтожить монополію и проч.

Только такимъ путемъ можно мыслить экономическіе законы, какъ законы относительные и прогрессивные, проявляющіе въ своей исторической эволюціи основное единство. У Смита, напротивъ, экономическій законъ цѣнности въ томъ видѣ, какъ онъ его описываетъ, имѣетъ примѣненіе только въ первобытномъ состояніи цивилизации. Затѣмъ, этотъ законъ стали считать, слѣдуя теоріи Рикардо, болѣе абстрактнымъ и общимъ закономъ, которому предстоитъ постепенно выбиться на степень абсолютнаго закона; ученики Смита сдѣлались болѣе большими метафизиками, чѣмъ ихъ учитель. Рикардо провозгласилъ въ видѣ общаго закона, что мѣновая цѣнность всякаго блага, *количество котораго можетъ быть по желанію увеличено на рынкѣ, регулируется, при господствѣ свободной конкуренціи, трудомъ, необходимымъ для его производства; слѣдовательно законъ Рикардо есть въ сущности частный законъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности при извѣстномъ социальномъ строѣ.* Онъ даже оставляетъ потомъ свою основную теорему и заявляетъ вслѣдъ за Мальтусомъ, что дѣйствительная цѣна какого-либо товара „зависитъ болѣе или менѣе отъ значительнаго количества капитала и труда, употребленнаго на его производство“. Но цѣна эта всегда колеблется вокругъ естественной цѣны, *согласно закону спроса и предложенія, откуда онъ и выводитъ всю свою теорію найма, заработной платы и прибыли.*

Концепція Рикардо абстрактнѣе концепціи Смита; формулируя свой законъ цѣнности, онъ пытается, хотя безуспѣшно, освободить его отъ всѣхъ историческихъ случайностей. Напротивъ, Смитъ, на цѣлое столѣтіе раньше Маркса, допускаетъ экономическіе законы, имѣющіе примѣненіе только въ извѣстные періоды исторіи. Вотъ что онъ говоритъ, напр., сейчасъ послѣ вышеприведеннаго отрывка, касающагося теоріи цѣнности при первобытномъ строѣ: „Какъ только скопится нѣкоторое количество капиталовъ у отдѣльныхъ людей, между послѣдними не замедлятъ явиться такіе, которые естественно захотятъ употребить эти капиталы на заказъ труда работающихъ людей, которымъ они доставятъ матеріалы и средства существованія, чтобы получить выгоду на продажѣ ихъ произведеній или на цѣнности, которую работникъ присоединяетъ къ цѣнности обрабатываемаго матеріала... Такимъ образомъ, цѣнность, придаваемая работникомъ сырому матеріалу, разбивается на двѣ части, изъ коихъ одна покрываетъ вознагражденіе работника, а другая служитъ прибылью для предпринимателя на его капиталъ, авансированный на заработную плату и на приобрѣтеніе сырого матеріала“. Такимъ образомъ, Ад. Смитъ различаетъ два историческихъ періода, экономическіе законы которыхъ не одинаковы: одинъ — первобытный или древній, другой — капиталистическій. Это для него фактъ, и въ оправданіе новаго распредѣленія цѣнностей, начинающагося со второго періода, онъ тоже обращается только къ факту, именно, къ очевидному интересу капиталиста съ того момента, какъ капиталъ и трудъ отдѣлились другъ отъ друга: „для собственника сырого матеріала и средствъ существованія не было бы побудительной причины нанять работника, если бы онъ не надѣялся продажей изготовленной имъ вещи получить что-нибудь, кромѣ возвращенія своего капитала, и для него не было бы побудительной причины употребить въ дѣло скорѣе большій капиталъ, чѣмъ меньшій, если бы прибыль его не была пропорціональна величинѣ употребленнаго капитала“. Ад. Смитъ не хуже Маркса обратилъ вниманіе на то, что прибыль есть приращеніе неоплаченнаго труда, *Mehrwert*, но онъ не такъ ясно это формулировалъ. Съ точки же зрѣнія материалистической концепціи или экономического объясненія исторіи слѣдуетъ отмѣтить особенно то, что, по его мнѣнію, экономическіе законы древняго періода видоизмѣнились, что при капиталистическомъ строѣ дѣйствуютъ уже не тѣ законы. Онъ предвидѣлъ возраженіе, которое могли ему сдѣлать. Могутъ сказать, что „прибыль, получаемая капиталомъ, подъ другимъ названіемъ есть та же заработная плата, выдаваемая за особаго рода трудъ, состоящій въ надзорѣ и

въ направленіи работы“. Но, принимая во вниманіе тотъ фактъ, что въ его время капиталистъ и управляющій предпріятіемъ соединялись обыкновенно въ лицѣ одного человѣка и что капиталъ во всякомъ случаѣ участвуетъ въ производствѣ иначе, чѣмъ трудъ, Смитъ совершенно основательно отвѣчаетъ: „прибыль эта вовсе не похожа на заработную плату; она управляется совсѣмъ иными законами и находится внѣ зависимости отъ количества и свойствъ труда, состоящаго въ надзорѣ и направленіи работы. Она управляется цѣликомъ цѣнностью употребленнаго капитала и бываетъ болѣе или менѣе высока, смотря по величинѣ его“. Смитъ соглашается, что трудъ по управленію долженъ быть вознаграждаемъ точно такъ же, какъ онъ вознаграждается въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., въ предпріятіи имѣется главный приказчикъ (во времена Смита такіе приказчики существовали уже на многихъ большихъ фабрикахъ); однако и въ этомъ случаѣ „владѣлецъ капитала, хотя и освобожденъ отъ всякаго почти труда, тѣмъ не менѣе рассчитываетъ на прибыль, которая соотвѣтствовала бы его капиталу“. Къ тому же заключенію Смитъ приходитъ относительно поземельной собственности, которая при капиталистическомъ строѣ тоже превращается въ капиталъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ почва какой-либо страны обращена въ частную собственность, землевладѣльцы, подобно всѣмъ людямъ, стали собирать плоды тамъ, гдѣ не стѣяли, и требовать поземельной ренты даже за естественныя произведенія земли. Явилась прибавочная цѣна на дрова, вырубленные въ лѣсу, на траву, скошенную съ луга, и на всѣ естественныя произведенія земли, которыя, при общемъ владѣніи землею, ничего не стоили, кромѣ труда собрать ихъ, и которыя стали теперь дороги. Для работника явилась необходимость заплатить за позволеніе собрать ихъ; ему слѣдуетъ теперь уступить собственнику земли часть того, что онъ соберетъ или произведетъ своимъ трудомъ“.

Эти идеи были ходячими въ XVIII столѣтіи; слѣдовательно, не Марксу принадлежитъ открытіе, что каждому историческому періоду соотвѣтствуютъ свои историческіе законы, что цѣнность измѣряется нормальной продолжительностью труда, что капиталистическое производство прибавочной стоимости совершается посредствомъ неоплаченнаго труда. Разница только въ томъ, что, въ противоположность Смигу и Рикардо, Марксъ не считалъ капиталистическій строй окончательнымъ; исторію развитія капиталистическаго производства онъ дѣлитъ на нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ, которые въ силу логической необходимости должны привести къ новому строю. А именно, онъ различаетъ въ исторіи человѣчества три главныхъ

періода: античный, феодальный, буржуазный; послѣдній, въ свою очередь, подраздѣляется на подготовительный фазисъ, характеризуемый соединеніемъ труда и капитала при господствѣ мелкой промышленности, и капиталистическій, отличающійся разобщеніемъ труда и капитала при господствѣ крупной промышленности. Будущій строй явится необходимымъ результатомъ развитія предыдущихъ періодовъ и обобществленія орудій труда; тогда-то и осуществится законъ цѣнности, отнесенный Смитомъ къ гипотетическому первобытному періоду. Марксъ, слѣдовательно, вполне призналъ великій законъ преемственности социальныхъ фактовъ, но законъ этотъ, какъ я показалъ въ своемъ *Соціальному трансформизму*, былъ открытъ задолго до Маркса Лейбницемъ и другими теоретиками философіи исторіи. Но Марксъ, повидимому, думалъ, что эта эволюція должна закончиться предѣльной формой, а это является по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Кромѣ того, до сего времени остается невозможнымъ допустить чисто геометрическое раздѣленіе всей исторіи человечества на послѣдовательные періоды, на томъ простомъ основаніи, что социальный сверхъ-организмъ еще не сдѣлался міровымъ и исторія человечества слагается изъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ социальныхъ эволюцій, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности проходитъ въ большей или меньшей степени тотъ рядъ періодовъ, который Марксъ считалъ общимъ и единымъ. Спорнымъ представляется и самый порядокъ чередованія періодовъ, но этотъ вопросъ не входитъ въ задачу настоящаго доклада. Такъ, напр., Египетъ, Греція, Китай, древняя Италія—всѣ эти страны имѣли каждая въ отдѣльности свой періодъ первобытный, аристократическій, феодальный, наконецъ, буржуазный съ двумя послѣдовательными фазисами соединенія и разобщенія труда и капитала. Тутъ нѣтъ непрерывности, наслоенія историческихъ цивилизацій въ абсолютномъ смыслѣ, а только относительное нарастаніе отдѣльныхъ обществъ, которое въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приводитъ, правда, къ общимъ результатамъ, но происходитъ это вслѣдствіе случайнаго стеченія различныхъ другъ отъ друга активныхъ факторовъ. Замѣтимъ однако, что хотя отдѣльныя цивилизаціи прошли всѣ историко-экономическія стадіи, на которыя указалъ Марксъ (правъ ли онъ или нѣтъ—это другой вопросъ), но мы у нихъ не находимъ того обобществленія орудій труда, которымъ *необходимо* будто бы должно завершиться ихъ развитіе. Даже на развалинахъ всемірной Римской имперіи,—воплощавшей въ себѣ такой моментъ въ исторіи античной цивилизаціи, когда капитализмъ достигъ апогея,—сложился новый строй, не имѣвшій ничего общаго съ обобществленіемъ орудій труда, именно феода-

лизмъ. Кто можетъ поручиться, что современный капитализмъ съ его концентраціей земельной собственности, синдикатами, трестами, рингами и пр., при содѣйствіи безконечныхъ войнъ не приведетъ къ новому капиталистическому феодализму, который незамѣтно получитъ соотвѣтственную политико-юридическую надстройку? И чѣмъ менѣе организованъ и развитъ въ умственномъ отношеніи рабочій классъ, тѣмъ легче можетъ совершиться такая эволюція не только въ главныхъ центрахъ нашей цивилизаціи, но и въ томъ яко бы мировомъ хозяйствѣ, которое создано руками капитализма. Подобно тому, какъ это происходитъ въ психологическомъ процессѣ нашихъ волевыхъ дѣйствій, и здѣсь въ извѣстный моментъ берутъ верхъ наиболѣе сильные импульсы. Мы хотимъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы законъ исторической преемственности развивался въ сторону социализма, но наступленіе этого строя не является вовсе исторической необходимостью; если социализмъ не восторжествуетъ, то отъ этого нисколько не пострадаетъ ученіе объ историческомъ детерминизмѣ, котораго нельзя смѣшивать съ абсолютной, предопредѣленной необходимостью.

Итакъ, можно не быть ни марксистомъ, ни матеріалистомъ и въ то же время быть социалистомъ, детерминистомъ, сторонникомъ экономическаго объясненія исторіи; законъ исторической преемственности предполагаетъ относительный детерминизмъ, но не абсолютную необходимость. Еще раньше Маркса и Энгельса, никто иной, какъ Кетлэ, ввелъ нравственные и социальныя факты въ область научнаго детерминизма, отрицая свободу воли и возводя такимъ образомъ исторію на высоту науки; не будучи матеріалистомъ, онъ тѣмъ не менѣе призналъ капитальную важность экономическаго фактора. Нельзя смѣшивать матеріализмъ, механическое воззрѣніе, автоматизмъ съ детерминизмомъ. Идеалистъ и матеріалистъ могутъ быть и не быть детерминистами; детерминистъ можетъ не быть ни матеріалистомъ, ни идеалистомъ, ни фаталистомъ, ни сторонникомъ свободной воли. Марксъ и Энгельсъ—детерминисты, несмотря на свой матеріализмъ, Гегель—детерминистъ, несмотря на свой идеализмъ. Нельзя, стало-быть, сказать, что матеріализмъ есть вѣра въ необходимость всего совершающагося, ибо детерминистъ тоже вѣритъ въ эту необходимость, хотя и не въ абсолютномъ смыслѣ. Матеріализму можно скорѣе дать такое опредѣленіе: это—вѣра въ существованіе начальнаго фактора всего совершающагося, каковымъ факторомъ является не сила, не движеніе, не идея и т. д., а такъ называемая матеріальная субстанція, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ свойствъ природы и порождающая ихъ. Для историческаго матеріализма такимъ факто-

ромъ служить факторъ экономической, для марксистской школы въ частности—производство и его техника.

Но мы утверждаемъ, что объяснять такимъ способомъ исторію—не дѣло матеріалистовъ и не ихъ символъ вѣры. Экономическое явление—это *не чисто матеріальное или, лучше сказать, не чисто неорганическое явление*. Всѣ социалисты и значительное число социологовъ до и послѣ Маркса приписывали экономическому фактору роль главнаго дѣятеля въ социальномъ развитіи; относительная оригинальность Маркса (относительная потому, что и тутъ у не него были предшественники) состоитъ въ томъ, что онъ изъ техники производства сдѣлалъ первичную форму, которая служитъ моделью для всѣхъ другихъ социальныхъ формъ. Но кто говоритъ; „техника“ не говоритъ ли онъ тѣмъ самымъ: „знаніе“, „идея“? Этого противорѣчія экономического матеріализма Марксъ не въ состояніи разрѣшить. Что же касается его теоріи цѣнности, то оригинальность его состоитъ въ томъ, что онъ просто перенесъ ее изъ первобытной эпохи, куда загналъ ее Смитъ, въ будущую социалистическую эпоху. Отсюда марксисты вывели заключеніе, что общихъ, абстрактныхъ законовъ нѣтъ, а существуютъ только историческіе законы,—заключеніе, которое, утвердившись въ наукѣ, сдѣлало бы невозможнымъ самое существованіе социологіи.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Марксъ сходится со всѣми выдающимися нѣмецкими экономистами, какъ Рюмелинъ, Шмоллеръ, Вагнеръ и тотъ самый бѣдняга Рошеръ, котораго онъ третируетъ съ такой презрительной язвительностью, почти такъ же, какъ Прудона. Это былъ вообще одинъ изъ недостатковъ великихъ умовъ того времени, что они стремились оттѣнить свое превосходство посредствомъ униженія своихъ современниковъ, преувеличивали слабыя стороны ихъ ученія, прокладывали воображаемыя пропасти между своими взглядами и взглядами другихъ, чтобы возвести себя на пьедесталь новаторовъ и творцовъ, ставили себя въ изолированное положеніе, чтобы казаться выше всѣхъ. Ихъ раздѣляла тончайшая перегородка, а они дѣлали изъ нея чуть ли не китайскую стѣну. Эта была своего рода теорія цѣнности, но чисто субъективная. Они думали, что можно быть великими только при условіи, чтобы другіе были меньше муравьевъ. Потомство будетъ справедливѣе; оно воздастъ одинаковую дань удивленія всѣмъ великимъ социалистамъ и социологамъ, начиная съ С. Симона, Фурье, Р. Овэна, Прудона, Маркса и кончая Кетлэ, Ог. Контомъ, Г. Спенсеромъ, выдѣливъ изъ ихъ безсмертныхъ произведеній тѣ общія всѣмъ имъ черты, которыя сообщили такой сильный толчокъ нашей цивилизаціи.

И этот толчок покажется намъ во много разъ сильнѣе, не-отразимѣе, представится намъ, какъ настоящей законъ развитія, если, не останавливаясь на второстепенныхъ чертахъ отличія, присущихъ доктринамъ этихъ великихъ учителей соціальной науки, мы посвятимъ всѣ свои силы, чтобы открыть общія органическія черты этой грандіозной эволюціи и показать, что чаще всего ихъ теоріи, будучи слишкомъ абсолютными, провѣряютъ и дополняютъ одна другую. Исключенія не составляютъ, по-моему, и столь несходныя между собою системы Г. Спенсера, Э. Реклю, несмотря на ихъ крайній индивидуализмъ, я считаю ихъ элементами будущаго общества и его возрѣній. Но въ томъ философскомъ и соціальномъ синкретизмѣ, наступленіе котораго я предсказываю и который во многомъ будетъ отличаться отъ синкретизма, имѣвшаго мѣсто въ концѣ античной цивилизаціи, отдѣльныя абсолютныя доктрины потеряютъ ту прямолинейность, которая намъ теперь такъ нравится. Одно будетъ отброшено по негодности, другое пропадетъ отъ вліянія времени — и въ результатъ исчезнутъ всѣ рѣзкіе диссонансы, а останутся только позитивные, гармоническіе элементы этихъ доктринъ, которые сольются въ одно коллективное міровоззрѣніе, вполне приноровленное къ тому практическому и теоретическому релятивизму, который составляетъ и постоянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнчивую основу общественнаго сознанія и общественныхъ учрежденій.

То же самое будетъ съ историческимъ матеріализмомъ Маркса и его школы. Въ нѣдрахъ этой послѣдней мы уже замѣчаемъ начинающуюся переменъ. По точному смыслу доктрины, все соціальное развитіе опредѣляется экономической системой, которая, въ свою очередь, подчинена системѣ производства и въ частности техникѣ производства. Интеллектуальная и моральная система зависитъ отъ юридической и политической организаціи, а эта послѣдняя — отъ экономической. Какъ я показалъ въ своемъ *Введеніи въ соціологию*, ошибочность этой классификаціи состоитъ въ томъ, что науку и мораль, т.-е. системы болѣе общія и болѣе простыя, она подчиняетъ праву и политикѣ, т.-е. системамъ болѣе спеціальнымъ и болѣе сложнымъ; нужно однако замѣтить, что ни Марксъ, ни Энгельсъ не отрицаютъ взаимной зависимости соціальныхъ явленій, ихъ взаимодействія. Что же касается теоріи, подраздѣляющей историческую эволюцію на нѣсколько періодовъ, опредѣляемыхъ формою экономическаго производства, то она не блещетъ новизной, какъ я показалъ это въ своемъ *Соціальномъ трансформизмѣ*, и сверхъ того, какъ мы видѣли выше, она не отличается особенной точностью.

Періоды органическіе и критическіе, положительныя и отрицательныя, періоды интеграціи и дезинтеграціи различаютъ уже С. Симонъ и Контъ, а нѣсколько позже—Г. Спенсеръ; напр., Контъ считаетъ всю эпоху отъ XVI до конца XVIII столѣтія критической или революціонной. Но, въ отличіе отъ Маркса, Сень-Симонъ, Контъ и Спенсеръ—идеалисты, т.-е. они считаютъ начальными факторами всей соціальной эволюціи либо чувства, либо идеи; то же нужно сказать о психологической школѣ Гербарта, Лотце, Лацаруса, Штейнталя, Лиліенфельда, Тарда, Леббока, Сигеле и др. Но у Ш. Фурье, напр., классификація соціальныхъ типовъ построена на экономической основѣ; точно такъ же, еще раньше, *Утопія* Томаса Мора была основана на вполнѣ научной критикѣ тогдашней организациі промышленности и поземельной собственности.

Заслуга К. Маркса состоитъ въ томъ, что онъ экономическое объясненіе исторіи привелъ въ строгую систему, но онъ совершенно напрасно назвалъ экономическое объясненіе исторіи экономическимъ матеріализмомъ. Это была по преимуществу философская и соціологическая ошибка, которую раздѣляютъ съ нимъ нѣкоторые изъ его учениковъ. Экономика не можетъ быть ни матеріалистической, ни идеалистической,—она можетъ быть только соціальной. Но *нѣтъ ни одного соціологическаго явленія, которое было бы чисто неорганическимъ; всякое соціальное явленіе есть смѣсь неорганическаго, органическаго и психическаго плюсъ нѣкоторый особенный придатокъ, составляющій продуктъ высшаго сочетанія этихъ элементовъ.*

Собственно говоря, ни въ общей философіи, ни въ соціологіи К. Марксъ не освободился окончательно отъ дуалистической концепціи: сила—матерія, идея—фактъ.

Отыскивая абсолютное начало, онъ изъ этихъ двухъ факторовъ беретъ факторъ матеріальный. Противорѣчіе здѣсь неизбежно. Въ предисловіи къ *Критикѣ политической экономіи* Марксъ говоритъ: „Сумма производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія“. Здѣсь въ нѣсколько смягченныхъ терминахъ гегелевской философіи *сознаніе* противопоставляется *общественному бытію*, какъ душа тѣлу, идея факту. Еще яснѣе выдѣляется этотъ дуализмъ немного дальше, гдѣ онъ говоритъ, что слѣдуетъ всегда отличать перевороты въ экономическихъ условіяхъ производства, *матеріальные перевороты*, которые можно опредѣлить съ

естественно-научной точностью, отъ юридическихъ, политическихъ, религиозныхъ, художественныхъ или философскихъ, словомъ—*идеологическихъ* формъ, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи конфликты и въ которыхъ вступаютъ съ ними въ борьбу.

Нѣтъ ни одного соціального явленія, которое было бы чисто матеріальнымъ или чисто идеологическимъ, чисто бессознательнымъ или чисто сознательнымъ. Это противоположеніе нисколько не основательнѣе того, которое пытались установить въ психологіи между тѣломъ и душой: дѣятельность нервной системы является на извѣстной ступени будто бы исключительно матеріальной, на высшей ступени—исключительно психической. Но развѣ акты автоматическіе, рефлекторные, инстинктивные не бываютъ столь же разумны, какъ другіе, а весьма часто даже разумнѣе ихъ? Точно такъ же въ экономикѣ рефлекторный актъ, въ силу котораго полезное дѣйствіе работы находится всегда въ извѣстномъ соотношеніи съ заработной платой рабочаго,—развѣ этотъ рефлекторный актъ не разуменъ? Развѣ мышечныя движенія фізіологически независимы отъ нервной системы, а физическій трудъ въ производствѣ находится внѣ всякой мозговой дѣятельности? Самый вульгарный, самый матеріальный актъ не можетъ развѣ преобразоваться въ раціональный, сознательный, подобно тому какъ явленія бессознательныя безпрестанно преобразовываются въ факты сознанія? Не доказываетъ ли это ихъ специфической тождественности? Потому именно, что всякій, соціологическій фактъ, каковъ бы онъ ни былъ, можетъ проявляться только черезъ посредство людей, одаренныхъ чувствами, и соотвѣтственной физической, органической и соціальной среды,—по этой именно причинѣ всѣ соціологическіе факты имѣютъ одновременно неорганической, органической и психической характеръ. Другими словами, единство состава всего существующаго проявляется въ соціологіи, быть можетъ, еще сильнѣе, чѣмъ въ психо-фізіологіи; различіе получается только въ сочетаніи и организациі составныхъ элементовъ. Политика, право, нравственность, наука—не менѣе и не болѣе матеріальны, не менѣе и не болѣе идеологичны, чѣмъ экономика.

Марксъ тщетно пытается освободиться отъ дуалистическаго противорѣчія, свойственнаго доктринѣ экономического матеріализма. Мы видимъ это особенно въ знаменитомъ *Манифестѣ коммунистической партіи*. У Гегеля *идея* развивалась въ *фактъ*, у Маркса фактъ развивается въ идею, которая порождается имъ въ сознаніи. У Маркса фактъ самъ стремится стать разумнымъ и дѣйствуетъ въ духъ или, вѣрнѣе, въ пользу социализма; дѣйствительно, по его мнѣнію, факты готовятъ революцію, которую разумъ только

занесетъ въ главную книгу общественнаго сознанія. Марксъ говоритъ здѣсь о фактѣ, какъ будто бы этотъ фактъ былъ Іегова или, лучше сказать, древній *фатумъ*.

„Средства производства и обмѣна, породившія буржуазію, работали въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія средствъ производства и обмѣна отношенія *производства и обмѣна* феодальнаго общества, феодальная организація земледѣлія и мануфактуры, перестали соотвѣтствовать этимъ производительнымъ силамъ въ смыслѣ дальнѣйшаго непрерывнаго развитія. Въ-мѣсто того, чтобы способствовать производству, они ставили ему преграды. Они должны были исчезнуть — и исчезли. На ихъ мѣсто водворилась свободная конкуренція съ соотвѣтствующей соціальной и политической организаціей, съ экономическимъ господствомъ буржуазіи. Вызвавъ колоссальный ростъ средствъ производства и обмѣна, буржуазныя отношенія *производства и обмѣна*, буржуазныя отношенія собственности, современное *буржуазное общество* уподобились тому древнему волшебнику, который не въ состояніи поборотъ имъ самимъ вызванныя подземныя силы.

„Исторія промышленности и торговли послѣднихъ десятилѣтій есть не что иное, какъ исторія конфликта *производительныхъ силъ* съ современными *отношеніями производства*, съ отношеніями собственности, — отношеніями, составляющими условія существованія и господства буржуазіи. Достаточно вспомнить коммерческіе кризисы, которые своими періодическими циклами ставятъ на карту, во все болѣе и болѣе грозной формѣ, самое существованіе буржуазнаго общества.

„Оружіе, которымъ буржуазія поразила феодализмъ, теперь обратилось противъ нея самой“.

Марксъ приходитъ къ заключенію, что существующія *производительныя силы требуютъ* обобществленія средствъ производства и единой организаціи послѣдняго.

Замѣтите, что въ своихъ посылкахъ Марксъ выставляетъ начальными факторами средства *производства и обмѣна*, между тѣмъ какъ въ выводахъ обмѣнъ уже не упоминается. Спрашивается: почему? Это не лишено интереса; можно представить себѣ производство безъ обмѣна, такъ что обмѣнъ и производство представляютъ собою двѣ отдѣльныя силы. Однако Марксъ не признаетъ *двухъ* первичныхъ причинъ. Но, въ такомъ случаѣ, не вытекаетъ ли форма обмѣна изъ формы производства или наоборотъ — форма производства изъ формы обмѣна? И не является ли обмѣнъ самъ по себѣ спеціальнымъ историческимъ способомъ распределенія и обращенія благъ?

Въ своемъ *Введеніи въ соціологію* я пытался доказать абстрактнымъ путемъ, а въ *Опытѣ о монетѣ, кредитѣ и банкахъ* конкретнымъ, что самыми простыми и основными явленіями оказываются явленія экономического обращенія, между тѣмъ какъ формы производства, а равно и потребленія уже гораздо сложнѣе.

Мы не касаемся здѣсь этой теоріи Маркса по существу, а имѣемъ въ виду лишь матеріалистическую формулу, положенную въ ея основаніе. *Производительными силами* являются у него силы матеріальныя и, тѣмъ не менѣе, онѣ дѣйствуютъ, какъ разумныя существа, потому что на извѣстной ступени своего развитія онѣ *требуютъ* обобществленія средствъ производства и притомъ обобществленія единообразнаго. Не напоминаетъ ли это древнія антропоморфическія вѣрованія, слѣды которыхъ остались въ нашей обыденной рѣчи, когда мы говоримъ, напр., „вѣтеръ бушуетъ“ и т. п.? Такой матеріализмъ въ сущности смахиваетъ на анимизмъ и всякая односторонняя доктрина, будь она матеріалистической или идеалистической, неизбежно впадаетъ въ такое противорѣчіе.

Это послѣднее разрѣшается только позитивной соціологіей, которая разсматриваетъ производство, какъ экономическое явленіе, состоящее одновременно изъ элементовъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми чертами, свойственными общественности.

Этотъ дуализмъ, коренящійся не въ экономическомъ объясненіи исторіи вообще (ибо экономическое объясненіе является по необходимости соціологическимъ), а въ неправильномъ уподобленіи этого способа толкованія исторіи историческому матеріализму, составляетъ основную ошибку марксистовъ, которая въ силу присущаго ихъ доктринѣ внутренняго противорѣчія не могла не вызвать раскола въ ихъ собственной средѣ.

Мы видѣли, что Марксъ не признаетъ абстрактныхъ экономическихъ законовъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ историческимъ эпохамъ; такого же мнѣнія онъ держится, напр., относительно закона народонаселенія, потому именно, что разъ въ данную эпоху измѣняется хоть одинъ органъ въ общей структурѣ, то измѣняется и законъ.

При такой точкѣ зрѣнія приходится отрицать существованіе біологіи, психологіи и соціологіи, какъ абстрактныхъ наукъ. Но это не все. Каждая эпоха носитъ въ самой себѣ зародышъ своего разложенія, въ каждой эпохѣ уже кроется внутреннее противорѣчіе. Такъ напр., капиталъ самъ роетъ себѣ могилу. Образуется тезисъ и антитезисъ; синтезъ составитъ обобществленіе всѣхъ орудій производства. Тогда мы безъ сомнѣнія достигнемъ предѣльной формы,

ибо, въ противномъ случаѣ, этотъ синтезъ долженъ былъ бы, въ свою очередь, привести къ своей противоположности.

Но допустимъ, что эта формула, заимствованная Марксомъ у Гегеля, вѣрна; не представляетъ ли она собою въ сущности общаго абстрактнаго закона для различныхъ періодовъ исторической эволюціи? Не является ли такимъ же общимъ, абстрактнымъ закономъ подчиненіе политической, юридической, моральной надстройки экономической структурѣ,—подчиненіе, имѣющее мѣсто во всѣ эпохи историческаго развитія? И если таково развитіе экономического матеріализма *по необходимости*, то мыслимо ли какое-либо вмѣшательство въ это движеніе?

Однако вмѣшательство не отрицается, потому что большинство адептовъ марксизма оказывается непоследовательнымъ въ своей матеріалистической гипотезѣ. Марксизмъ признаетъ вмѣшательство въ историческій ходъ событій еще и потому, что онъ признаетъ постоянные, необходимые законы только для предѣльныхъ эпохъ; вотъ почему необходимо предполагать періоды междуцарствія, когда старый законъ, обратившійся въ мертвую букву и не мѣющій уже примѣненія, еще не замѣщенъ новымъ.

Даже болѣе: по мѣрѣ того, какъ совершается обобществленіе средствъ производства, человѣкъ, по теоріи марксистовъ, постепенно дѣлается господиномъ своей судьбы и совершается *прыжокъ въ царство свободы*. Это весьма опасный прыжокъ. Мы указали вначалѣ, что идеализмъ и матеріализмъ одинаково детерминистичны, если не считать различія ихъ абсолютныхъ началъ; теперь мы видимъ, что они могутъ перестать быть детерминистичными: Марксъ, напр., допускаетъ вмѣшательство свободы воли, послѣ того какъ совершится прыжокъ *въ царство свободы*.

Фр. Энгельсъ въ своей книгѣ противъ Дюринга возводитъ эту самую антиномію въ законъ: разъ *обобществленіе средствъ производства совершилось*, законъ исторіи мѣняется, міровая ось перемѣщается: „только тогда люди будутъ сами дѣлать свою исторію, въ полномъ сознаніи своего бытія; только тогда соціальныя причины, приводимыя въ движеніе людьми же, будутъ производить тѣ именно дѣйствія, которыя имъ желательны. Это будетъ прыжокъ *человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы*“.

Такимъ образомъ, въ то время какъ въ подготовительномъ фазисѣ матеріальныя причины двигаютъ людьми, теперь люди будутъ приводить въ движеніе причины! Въ извѣстный моментъ совершится, слѣдовательно, настоящая революція, которая видоизмѣнитъ законы коллективной психологіи и соціологіи вообще. Марксъ очень хорошо

охарактеризовалъ эту ожидаемую революцію въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ *Критики политической экономіи*:

„Въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы, формы общественнаго сознанія... Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія...

„На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ“.

Такъ какъ эта новая эпоха будетъ эпохой единого обобществленія орудій производства, то тогда и только тогда человѣкъ будетъ свободно управлять своей судьбой. Что это значитъ? Будемъ ли мы тогда обладать свободой воли? Только ли историческая *необходимость* исчезнетъ тогда или же и научный детерминизмъ будетъ устраненъ изъ идеальной структуры общества? Обратится ли человѣкъ въ Бога? Или, быть-можетъ, мы достигнемъ обѣтованной земли, рая, предѣльной формы, гдѣ не будетъ уже эволюціи, гдѣ причины, ставъ неподвижными, не будутъ производить никакихъ дѣйствій?

Мы не отрицаемъ, что сознательное человѣчество все болѣе и болѣе становится господиномъ своей судьбы, но это происходитъ именно по мѣрѣ того, какъ оно научается познавать наиболѣе благопріятныя условія своего существованія и примѣнять ихъ въ своихъ цѣляхъ. Эта прогрессивная эволюція никогда не сдѣлаетъ прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы. Въ будущемъ прогрессъ общества явится, какъ и до сихъ поръ, результатомъ усовершенствованія организациі; усовершенствованіе никогда не будетъ результатомъ свободной воли. Какъ и до сихъ поръ, оно будетъ опредѣляться всѣми предыдущими соціальными состояніями, согласно съ общими законами эволюціи; будущая соціальная жизнь будетъ отличаться отъ нынѣшней только большимъ соотвѣтствіемъ ея составныхъ элементовъ съ ихъ собственной средою и со всей окружаю-

щей. Законъ преемственности останется и впредь историческимъ закономъ; свобода воли не возьметъ верхъ надъ научнымъ детерминизмомъ.

На этой-то почвѣ возродился между марксистами и ихъ противниками старый метафизическій споръ объ идеализмѣ и матеріализмѣ,—споръ, который, казалось бы, долженъ былъ прекратиться со времени появленія позитивной философіи и ея метода. Расколъ происходитъ даже въ средѣ самихъ марксистовъ. Нѣкоторые, напр. Карѣевъ, Баксъ, Бернштейнъ, Жоресъ, Массарикъ *, держатся того мнѣнія, что соціальный идеалъ предшествуетъ экономическимъ фактамъ. Въ частности, Баксъ помѣщаетъ психологическій факторъ на порогъ исторіи, какъ начальный пунктъ; однако его уже можно считать марксистомъ, стоящимъ на органической точкѣ зрѣнія, хотя въ меньшей степени, чѣмъ Ст. Крусинскаго, такъ какъ его психологія имѣетъ фізіологическую основу, а никакъ не спиритуалистическую. Что касается другихъ, то они, дѣйствительно, идеалисты; они принадлежатъ къ правому крылу марксизма, а иные сходятся съ марксистами только по второстепеннымъ вопросамъ, не имѣющимъ существеннаго значенія для доктрины учителя.

По мнѣнію Бернштейна, экономическіе мотивы всегда играли господствующую роль, но человекъ съ теченіемъ времени все лучше и лучше познаетъ ихъ; вотъ почему современное общество, въ которомъ такъ много идеологіи, все менѣе и менѣе испытываетъ на себѣ желѣзную волю исторіи; деспотизмъ послѣдней все болѣе ослабѣваетъ. Бернштейнъ думаетъ, что, *уже въ современную эпоху* экономическій факторъ перестаетъ играть преобладающую роль, и человекъ все болѣе и болѣе дѣлается независимымъ отъ природы или ея господиномъ. Этотъ взглядъ представляетъ собою замѣтное разжиженіе марксистской доктрины, согласно которой указанное измѣненіе должно произойти лишь *со времени обобществленія орудій производства*. Бернштейнъ не признаетъ внезапныхъ кризисовъ; обобществленіе и освобожденіе произойдутъ, по его мнѣнію, постепенно, незамѣтно.

Такъ, повидимому, стали думать въ послѣднее время и Энгельсъ; марксистская доктрина въ той части ея, которая касается подготовки и наступленія революціоннаго кризиса, потеряла у него свою прежнюю строгость и положительность. Какъ видно изъ двухъ писемъ

* *Массарикъ*. Философскія и соціологическія основанія марксизма, 1899. См. также *Л. Вольтманъ*. Историческій матеріализмъ, 1900, и, какъ примѣненіе матеріалистической теоріи, *Эрнестъ Гроссе*. Формы семьи и формы хозяйства, 1896.

его отъ 1890 и 1894 гг., напечатанныхъ въ 1895 году въ *Sozialistischer Akademiker*, Энгельсъ допускалъ, что идеологическій факторъ можетъ оказывать преобладающее вліяніе на характеръ исторической борьбы; детерминизмъ—это сложное явленіе, а не одностороннее. „Въ исторіи дѣйствуетъ безчисленное множество силъ, которыя безпрестанно перекрещиваются, безконечный рядъ параллелограммовъ силъ, дающихъ одну равнодѣйствующую—историческое событіе. Послѣднее можно, въ свою очередь, разсматривать, какъ продуктъ дѣятельности безсознательнаго, лишеннаго воли фактора, ибо то, чего хочетъ каждая изъ этихъ силъ, парализуется всѣми другими, и результатомъ ихъ комбинированнаго дѣйствія является нѣчто такое, чего ни одна изъ нихъ не желала“. Энгельсъ очень хорошо понимаетъ взаимную зависимость соціальныхъ фактовъ, но онъ придаетъ слишкомъ исключительное значеніе ихъ отрицательнымъ дѣйствіямъ, дающимъ неожиданный положительный результатъ. Но между ними можетъ существовать и настоящее сотрудничество, которое дастъ предусмотрѣнный и желаемый каждой отдѣльной силой положительный результатъ, если не считать побочныхъ измѣненій, не оказывающихъ существеннаго вліянія на общій эффектъ. Если распространить динамическую концепцію Энгельса на психо-физиологію, то можно прійти къ совершенно неприемлемому выводу, что волевые акты не зависятъ отъ воли, потому что они являются результатомъ столкновенія противоположныхъ силъ. Такимъ образомъ, въ матеріализмѣ и идеализмѣ таятся въ скрытомъ или явномъ видѣ противорѣчія, присущія ихъ системамъ. Въ концѣ концовъ мы не знаемъ ни матеріи самой въ себѣ, ни силы самой въ себѣ; обѣ онѣ абстрактныя субстанціи, ярлыки, которыми мы обозначаемъ различныя стороны явленій; мы ничего не знаемъ, кромѣ явленій, ихъ свойствъ, отношеній, изъ которыхъ выводимъ законы. Ученіе о необходимости столь же метафизично, какъ ученіе о свободѣ воли; историческій матеріализмъ такъ же ошибоченъ, какъ историческій идеализмъ. Исторія имѣетъ своимъ предметомъ строеніе и жизнь обществъ; всякій историческій фактъ есть фактъ соціальный, а всякій соціальный фактъ заключаетъ въ себѣ одновременно неорганическіе, органическіе и психическіе элементы, сочетаніе которыхъ опредѣляетъ его содержаніе и характеръ его дѣйствій; экономическій фактъ есть соціальное явленіе и поэтому его нельзя считать ни просто матеріальнымъ, ни просто психическимъ, ни просто органическимъ; онъ представляетъ смѣсь всѣхъ этихъ элементовъ въ извѣстной пропорціи и при наличности особыхъ условій, придающихъ ему оригинальный характеръ. Человѣкъ, являющійся въ одно

и то же время факторомъ и продуктомъ общества, не есть единственный составной элементъ его; человекъ не отдѣлимъ отъ среды такъ же, какъ среда отъ человека; амальгама изъ среды и человека составляетъ общество. Поэтому человекъ и среда могутъ дѣйствовать другъ на друга въ видахъ взаимнаго видоизмѣненія и въ то же время оба могутъ измѣняться подъ вліяніемъ силы, которая больше каждая изъ нихъ въ отдѣльности, подъ вліяніемъ общества, которое является высшимъ продуктомъ ихъ сочетанія.

Научный детерминизмъ и позитивная социологія, выдвигая относительный характеръ социальныхъ явленій во времени и пространствѣ, образуютъ почву для примиренія абсолютныхъ доктринъ—материализма и идеализма, необходимости и свободы воли, между которыми колеблется метафизика, въ томъ числѣ и метафизика исторіи.

Но вернемся къ расколу, совершившемуся естественнымъ образомъ въ рядахъ марксистской школы. Мы видѣли, что Бернштейнъ ссылаясь—основательно или нѣтъ—на авторитетъ Энгельса, думаетъ, что экономическій факторъ перестаетъ быть преобладающимъ уже въ переживаемую эпоху и что человекъ все болѣе и болѣе становится независимымъ отъ природы и даже господиномъ ея, тогда какъ Каутскій, наоборотъ, держится того мнѣнія, что при первобытныхъ экономическихъ учрежденіяхъ люди, безспорно, въ гораздо большей мѣрѣ господствовали надъ условіями производства, чѣмъ при учрежденіяхъ капиталистическихъ; первыя были проще, яснѣе, понятнѣе послѣднихъ.

И вотъ между сторонниками обѣихъ теорій возникаетъ странный, нескончаемый споръ. Господствуетъ ли или не господствуетъ надъ условіями производства дикарь, живущій охотою, рыболовствомъ, дикой пищей? Эти условія просты, но не находится ли потому именно его жизнь въ зависимости отъ простой случайности? Развѣ ясность системы производства есть абсолютное, внутреннее свойство самой системы? Не отличается ли эта ясность, напротивъ, относительнымъ характеромъ и не представляетъ ли она извѣстнаго соотношенія между системой производства и умственнымъ состояніемъ тѣхъ, кто эту систему примѣняетъ? Въ доказательство своей мысли Каутскій приводитъ крестьянскую семью, изготовляющую все ей необходимое: „она вполне распоряжается, говоритъ онъ, производствомъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ социальныхъ факторовъ, а не физическихъ“. Можетъ быть; но вѣдь физическіе факторы— это тѣ же социальные факторы. Если ураганъ уничтожаетъ жатву этой семьи и обрекаетъ ее на голодное существованіе, то, пронесшись по большой земледѣльческой

общинѣ, онѣ захватилъ бы не всѣ части ея и эта самая семья не подверглась бы такому разоренію. А если развитіе крестьянской семьи выходитъ изъ рамокъ средствъ существованія, доставляемыхъ семейнымъ способомъ производства, о которомъ говоритъ Каутскій, то во что превращается вліяніе, оказываемое ею на способъ производства?

Каутскій приводитъ еще примѣръ средневѣковаго городского ремесленника. Онѣ знаетъ своихъ заказчиковъ и такимъ образомъ регулируетъ производство. Это вѣрно; но не зависитъ ли онѣ цѣликомъ отъ своихъ заказчиковъ? Я не понимаю, какъ можно говорить здѣсь о независимости его даже отъ чисто соціальныхъ условій производства, а тѣмъ болѣе о господствѣ надъ ними. Нѣтъ ли тутъ скорѣе взаимной зависимости между нимъ и заказчиками? При капиталистическомъ строѣ отношенія становятся обширнѣе и сложнѣе; но развѣ они неизбѣжно должны быть намъ менѣе понятными? Нельзя ли утверждать, наоборотъ, что расширение производства и рынка и увеличеніе спеціализаціи облегчаютъ проявленіе инициативы и созданіе новыхъ комбинацій? Каутскій беретъ еще положеніе интеллигенціи. Когда она была свободнѣе: тогда ли, когда она находилась въ зависимости отъ церкви или состояла на службѣ у феодальныхъ синьоровъ, или же теперь, когда она подчинена капитализму и многіе эксплуатируютъ капиталистическимъ способомъ даже ея таланты? Этихъ вопросовъ нельзя разрѣшить въ абсолютномъ смыслѣ. Соціологія есть по преимуществу наука отношеній и поэтому она относительна, что не мѣшаетъ однако экономическому фактору быть факторомъ господствующимъ. Даже болѣе, онѣ никогда не перестаетъ быть таковымъ; но это не исключаетъ и для другихъ факторовъ возможности оказывать столь же прогрессивное дѣйствіе на всю соціальную жизнь. Какъ мы видѣли выше, эта истина становится вполне понятной, лишь только допустить, что экономическое явленіе и матеріальное—не одно и то же, равно какъ идеологическое явленіе и юридическое или политическое.

И къ чему приводитъ у марксистовъ эта контроверза между необходимостью и свободой воли? Она приводитъ къ тому, что въ извѣстный моментъ—въ эпоху ли обобществленія орудій производства или даже въ переживаемую эпоху—законъ исторической необходимости и законъ научнаго детерминизма отбрасываются въ сторону; мало того, одна группа марксистовъ обнаруживаетъ тенденцію къ абсолютному идеализму, тогда какъ другая истолковываетъ историческій матеріализмъ въ смыслѣ своего рода фатализма. Такъ, напр., указавъ на то, что философія исторіи, предшествовавшая марксизму,

исходила изъ *человѣческой природы*, между тѣмъ какъ новое ученіе имѣетъ въ своей основѣ экономическіе факты, Пл—въ категорически заявляетъ: „Какую цѣнность могутъ теперь имѣть эти болѣе или менѣе кропотливыя, болѣе или менѣе остроумныя изслѣдованія о лучшей изъ возможныхъ соціальныхъ организацій? *Никакой, буквально никакой!*“ Дѣйствительно, логически матеріализмъ долженъ быть абсолютнымъ, онъ исключаетъ всякое вмѣшательство свободной воли. Будемъ же благодарны Марксу, Энгельсу и нѣкоторымъ изъ ихъ учениковъ, что они въ этомъ пунктѣ непослѣдовательны; они грѣшатъ противъ логики, но зато они ближе къ научной истинѣ.

Соціальныя науки не могутъ быть ни идеалистическими, ни матеріалистическими; соціологія, которая представляетъ общую философію соціальныхъ наукъ, позитивна. Историческій матеріализмъ, какъ дериватъ философскаго матеріализма, есть метафизическое понятіе. Историческіе факты — это факты соціологическіе, т. е. ни исключительно матеріальные, ни исключительно идеальные. Всякое соціальное явленіе, моральное ли, интеллектуальное, юридическое или политическое, соткано изъ неорганическихъ и органическихъ элементовъ; точно также и экономическія явленія, которыя я, наравнѣ съ марксистами, считаю основными явленіями строенія и жизни коллективнаго цѣлаго, заключаютъ въ себѣ идеологическіе элементы. Путемъ абстракціи, при помощи извѣстныхъ логическихъ пріемовъ мы можемъ отдѣлить матеріальные элементы отъ идеологическихъ, чтобы подвергнуть ихъ анализу и затѣмъ возстановить въ синтезѣ; но ни матеріальный факторъ, ни идеальный, будучи разъединены, не могутъ каждый въ отдѣльности изображать собою конкретное соціальное явленіе; фактически они всегда слиты между собою или, точнѣе выражаясь, составляютъ одно сочетаніе. Вотъ это сочетаніе, которое выше всѣхъ сочетаній, встрѣчающихся въ простѣйшихъ наукахъ, и производитъ на свѣтъ соціальное явленіе. Съ экономической стороны, такъ же какъ съ моральной, юридической, политической, чловѣкъ не представляется только такимъ, какимъ показываетъ его фізіологія; даже въ своей элементарнѣйшей экономической дѣятельности чловѣкъ является существомъ чувствующимъ, мыслящимъ, желающимъ. Его психическія качества воплощаются въ неорганическую природу—въ продукты его производства, а неорганическая природа всегда придаетъ матеріальную форму самымъ идеальнымъ его построеніямъ, самымъ высшимъ его доктринамъ и вѣрованіямъ. Экономика не можетъ посвятить себя изысканію законовъ народнаго богатства, оставивъ въ сторонѣ людей; равнымъ образомъ мораль, право, политика не могутъ отвлечься

отъ органическихъ и неорганическихъ факторовъ, которые всегда составляютъ интегрирующую часть этихъ дисциплинъ. Даже идеаль всегда находится въ извѣстномъ соотношеніи съ идеей, а послѣдняя— съ фактомъ.

Соціальная философія поочередно искала объясненія явленій, которыя она призвана координировать въ общую систему, то въ математическихъ наукахъ, то въ астрономіи, то въ механикѣ, то въ физикѣ, то въ химіи. Въ XVIII столѣтіи она обращалась къ чело-вѣческой природѣ, а въ наши дни, когда установились біологія и затѣмъ психо-фізіологія, она пыталась вывести соціологію пооче-редно изъ этихъ двухъ наукъ. Всѣ эти попытки, которыя послѣдо-вательно получали право гражданства по мѣрѣ того, какъ устанав-ливались сфера компетенціи и методъ различныхъ абстрактныхъ наукъ, содѣйствовали, конечно, прогрессу соціальной науки, но онѣ, по необходимости, должны страдать неполнотой. Пока въ соціальной наукѣ господствовала такая точка зрѣнія, наука эта была дедуктив-ной по преимуществу и собственныя черты ея не могли быть при-няты въ достаточной мѣрѣ во вниманіе, такъ какъ ихъ можно было извлечь только посредствомъ глубокаго индуктивнаго изученія частныхъ соціальныхъ наукъ, начиная съ самыхъ простыхъ и об-щихъ и кончая самыми сложными и спеціальными, каковы: эконо-мика, генетика, эстетика, коллективная психологія, этика, право, политика. Соціологія имѣетъ своимъ предметомъ высшее обобщеніе частныхъ законовъ этихъ наукъ; кромѣ того, она никогда не должна забывать, что всѣ явленія, относящіяся къ предшествующимъ нау-камъ, какъ неорганическимъ, такъ и органическимъ, входятъ въ со-ставъ соціальныхъ фактовъ; послѣдніе представляютъ собою соче-таніе всѣхъ элементовъ природы.

Съ спеціальной точки зрѣнія, имѣющей болѣе непосредственное отношеніе къ предмету моего доклада, мы можемъ изучать эконо-мику только при помощи абстракціи; въ дѣйствительности же суще-ствуетъ не только экономическая наука, но и экономическія искус-ство, мораль, право, политика,—словомъ, экономика должна быть по необходимости и идеологической, и матеріальной. Это справедливо и для наиболѣе рудиментарныхъ обществъ. Конечно, экономическія формы въ нихъ часто имѣютъ бессознательный характеръ, но эта бессознательность тамъ сравнительно не больше, чѣмъ въ высшихъ обществахъ; въ послѣднихъ участіе бессознательнаго элемента мо-жетъ быть столь же велико. Въ томъ и другомъ случаѣ сознатель-ное безпрестанно превращается въ бессознательное и обратно, такъ что нельзя опредѣлить, что выше. Если возьмемъ двухъ индивиду-

умовъ или два общества, изъ которыхъ нравственныя дѣйствія одного требуютъ постояннаго вмѣшательства такихъ сознательныхъ элементовъ, какъ споръ, разсужденіе, воля, рѣшительность, а нравственныя начала другого такъ срослись съ организмомъ, что этотъ человекъ или это общество дѣлаютъ добро какъ бы инстинктивно и не задумываясь,—то можно ли сказать, кто изъ нихъ выше?

Итакъ, чтобы быть цѣлостнымъ и позитивнымъ, объясненіе хода исторіи должно быть социологическимъ. Экономическая точка зрѣнія есть и будетъ всегда самой общей, самой основной точкой зрѣнія, но она страдаетъ неполнотой. Во всякомъ случаѣ экономическая точка зрѣнія не болѣе и не менѣе идеологична, чѣмъ всѣ другія, съ той лишь разницей, что она находится въ болѣе непосредственной связи съ фактами неорганической и органической природы *; но она имѣетъ такой же идеологическій характеръ, какъ и матеріальный.

Ни прошедшее, ни настоящее, ни будущее социальной эволюціи не могутъ освободиться отъ закона преемственности развитія, выразителемъ котораго является научный детерминизмъ. Послѣдній исключаетъ абсолютное царство какъ необходимости, такъ и свободы. Человѣчество не перескакиваетъ отъ одного неизвѣстнаго къ дру-

* Кромѣ указанныхъ въ разныхъ мѣстахъ настоящаго доклада, мы пользовались слѣдующими литературными источниками:

G. Pl—of, Beiträge zur Geschichte des Materialismus. Holbach, Helvetius, Marx. Stuttgart, 1896.

Antonio Labriola. Essais sur la conception matérialiste de l'histoire. Paris 1897 (есть въ рус. перев.).

Flint. La philosophie de l'histoire.

C. Le Kelles-Krauz. Les bases économiques des formes primitives de la famille. 1900.

G. Sorel. Les polemiques pour l'interprétation du marxisme (Bernstein et Kautsky). 1900.

Сюда нужно прибавить работы Меринга, Лафарга, Г. Девиля, Потоцкаго и друг.

Fr. Engels. L'origine de la famille, de la propriété privée et de l'Etat. Paris 1893 (есть въ рус. перев.).

K. Marx. Critique de la Philosophie du Droit de Hegel.

Ed. Abramowski. Le matérialisme historique. Devenir Social. 1898.

Benedetto Croce. Materialisme historique et économie marxiste. Paris, 1898.

A. S. Faria E. Vasconcellos. O materialismo historico. Coimbra. 1900.

Ferraris. Il Materialismo storico e lo Stato.

тому; закони его роста для всѣхъ періодовъ исторіи одинаковы. Періоды исторіи развертываются съ извѣстной правильностью, колебанія которой — хотя и ими нельзя, конечно, пренебречь — теряются при разсмотрѣніи общаго хода исторіи.

Стоя на этой же точкѣ зрѣнія, мы предсказываемъ, что социализмъ, сдѣлавшись научнымъ, и соціологія, приобщившись къ міру чувствъ и практической жизни, сольются въ одинъ обширный неодолимый потокъ. Руководствуясь исключительно мыслью о примиреніи, мы сочли нужнымъ отмѣтить недостатки историческаго матеріализма, — недостатки, которые не имѣютъ существеннаго значенія для социализма, но въ извѣстной мѣрѣ мѣшаютъ полному слиянію послѣдняго съ позитивной соціологіей.



ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Литературные этюды. Шатобрианъ. — Ламартинъ. — Альфредъ де-Виньи. — Викторъ Гюго — А. де-Мюссе. — Теофиль Готье. — П. Мериме. — Мишле. — Жоржъ Зандъ. — Бальзакъ.

Соч. Э. ФАГЕ. Члена Парижской академіи. Переводъ съ XIX французскаго изданія подъ редакціей П. Канчаловскаго. Съ 10 портретами. М. 1901 г. Ц. 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ СЛѢПОГО ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖАКА АРАГО. Переводъ съ французскаго П. Канчаловскаго съ портретомъ автора и рисунками въ текстѣ. Выпускъ I. Отъ Тулона до мыса Доброй Надежды. М. 1904 г. Цѣна 80 к.

Изданіе выходитъ выпусками, всѣхъ выпусковъ будетъ семь. Подписная цѣна 4 р. 50 к. съ перес.—5 р. 50 к.; допускается разсрочка: при полученіи перваго выпуска вносится 1 р. 50 к., съ перес.—1 р. 75 к. при полученіи 2, 3 и 4 выпусковъ вносится по 1 руб. съ перес. 1 р. 25 к.; остальные выпуски подписчикамъ выдаются или высылаются бесплатно. Изданіе будетъ окончено въ теченіе 1904 года.

„Жакъ Араго, братъ извѣстнаго физика и самъ извѣстный писатель и путешественникъ, въ 1817 году, тогда еще молодымъ человѣкомъ, предложилъ свои услуги французскому министерству снаряжавшему кругосвѣтную экспедицію. Услуги были приняты: Араго вступилъ въ составъ экспедиціи въ качествѣ рисовальщика, коллекціонера и писателя. Роль его, такимъ образомъ, напоминаетъ положеніе нашего Гончарова на „фрегатѣ Паллада“. Въ предисловіи къ своей книгѣ Араго не безъ юмора сообщаетъ о томъ, что за участіе въ экспедиціи онъ получилъ отъ министерства, въ видѣ награды, 600 франковъ. Результатомъ путешествія явилось сочиненіе „Promenade autour du monde“ (1822 г.). Въ 1837 году Араго ослѣпъ, и среди наступившаго для него безпросвѣтнаго мрака онъ еще разъ вернулся къ впечатлѣніямъ своего кругосвѣтнаго плаванія, изложивъ ихъ въ увлекательной и доступной формѣ въ книгѣ, заглавіе которой выписано нами выше. „Это—пишетъ онъ въ своемъ обращеніи къ читателю,— не только воспоминанія, не только масса набросковъ изученныхъ вещей и предметовъ; это, кромѣ того,—точные детали, нюансы красокъ; это — прошлое со всѣми случайностями каждаго дня, каждаго часа, которое, какъ утѣшеніе неба, предстало передъ моими потухшими глазами“...

„... Книга имѣла огромный успѣхъ и, если она не претендуетъ на строгость и объективную точность чисто ученаго отчета, — за то даетъ очень яркое воспроизведеніе непосредственныхъ впечатлѣній живого, талантливаго и воспримчиваго наблюдателя. Передъ читателемъ встаютъ, какъ живыя, картины природы, типы матросовъ, описанія мѣстностей, интересныя приключенія, встрѣчавшія путешественника того времени. Время это, правда, осталось далеко позади. Многие измѣнилось въ тѣхъ мѣстахъ, которыя посѣтилъ Араго въ 1820 году, и по многимъ мѣстностямъ, гдѣ онъ наблюдалъ почти еще нетронутый бытъ антропофаговъ,—теперь проведены дороги и раздаются даже свистки пароходовъ или паровозовъ. Но все же и теперь увлекательныя повѣствованія, которыми зачитывалось уже нѣсколько поколѣній, не потеряли своего живого интереса.

„Изданіе предполагается въ 7 выпускахъ. Переводъ сдѣланъ хорошо, внѣшность довольно изящна“.

Изъ отзыва въ журналѣ „Русское Богатство“ 1904 г. № 1.

Печатаются и на дняхъ поступятъ въ продажу:
Германское народное хозяйство въ XIX столѣтіи.
В. Зомбарта.
Исторія англійской литературы XIX столѣтія.
Г. Тэна.
Учебникъ уголовного права. Ф. Листа. *Особенная часть.*

Складъ у Петра Петровича Канчаловскаго
Москва, Зубовскій бульваръ, Чудовская улица, домъ Троицкой



Цѣна одинъ рубль.

Складъ у П. П. Канчаловскаго.

Москва, Зубовскій бульваръ, Чудовская улица, д. Троицкой.
Подробный каталогъ склада по требованію высылается бесплатно.